

Спасибо, что скачали книгу с сайта
<http://www.kalinkamia.com/>

Приятного чтения!

Владимир Чеповой, Анна Ясная Перекресток

Я решил написать не привычное предисловие, а только послесловие к этой книге. Когда вы прочтете «Перекресток», уверен, сможете меня понять.

Владимир Чеповой

Глава 1 Инсайт

Каждый человек, появляющийся в твоей жизни, все события, которые с тобой происходят, – все это случается с тобой потому, что это ты притянул их сюда. И то, что ты сделаешь со всем этим дальше, ты выбираешь сам.

Ричард Бах. Иллюзии

Игроки замерли, наблюдая за тем, как шарик монотонно крутится на рулетке. Наконец он остановился...

– Ну, мужик, ну ты даешь! – только и смог вымолвить ошарашенный Жора-Царь. – Это же 66 тысяч «зелени»!

– Я поставил на свое любимое число, – усмехнулся Клим. Пожалуй, он был единственным из присутствующих, кто с самого начала и до конца сохранял полное спокойствие и невозмутимость.

– Фартовый ты парень! – не унимался Царь. – Обыграть казино практически невозможно, но, видно, фортуна, как и все твои бабы, от тебя просто без ума! Поздравляю, тебе действительно чертовски везет! – и он хлопнул товарища по плечу.

Клим ответил тем же, но почему-то слова «чертовски везет» его впервые покоробили. Как говорил старый друг Сема, «с лукавым шутки плохие». А вот везение – что правда, то правда. Госпожа Удача действительно к нему очень благосклонна, и этот выигрыш – очередной ее знак.

– Смотри не увлекись этим делом, – с завистью и иронией посоветовал Жора, глядя, как Клим с трудом утрамбовывает в борсетку и рассовывает по карманам свой выигрыш. – А то игроманом можешь стать!

– Прикол удался, – рассмеялся Клим, заказывая напоследок бутылку вискиаря «от победителя». – Тем более что я страдаю другой вредной зависимостью – работоманией. Совмещать опасно.

– Кстати, работоман, завтра наутро наша «стрелка» остается в силе? Я присмотрел для тебя несколько симпатичных земельных пятаков за городом. Для твоей будущей усадьбы – то, что надо!

– Давай в обед, потому что утро у меня уже занято – надо забежать к врачу.

– Ты что, заболел?

– Да нет, это так, пустяки, для общей профилактики...

* * *

– Как вы себя чувствуете? – с порога спросил доктор, не отрывая глаз от снимков.

– Нормально! – несколько вызывающе ответил Клим. – А что?..

– Потери сознания, кровотечения не было в последнее время? – Иван Иванович отложил снимки.

– Ну что, док, жить буду? – проигнорировал вопрос Клим, глядя в упор на заведующего отделением.

– Климентий Александрович, – сказал доктор, выдержав короткую паузу. – Комплексное обследование, которое вы прошли, позволило нам получить полную картину головного мозга и сделать окончательный диагноз. Так вот... Картина неутешительная... У вас опухоль – злокачественная. Хотя я до последнего момента надеялся ошибиться...

– Значит, у меня – рак?

– Да.

Воздух сгустился и обрушился на голову железобетонной плитой.

– Сколько мне осталось? – Клим сам не узнал свой голос и сделал глубокий глоток из протянутого стакана воды. – Только давайте конкретно и без хождений вокруг да около. Мне нужно знать.

– Точно этого никто не знает. К сожалению, упущенено очень много времени. Вы слишком долго игнорировали первые симптомы, характерные для начальной стадии. Это же надо – целый год терпеть постоянные головные боли и не обращать внимания на тошноту!

– Какая у меня сейчас стадия? – резко перебил Клим.

– Третья. Вы – достаточно умный и сильный человек, поэтому и сами прекрасно понимаете, что это значит... Конечно, самый оптимальный вариант – оперативное удаление опухоли. Но биопсия чаще выполняется на ранних стадиях заболевания и после предшествующей лучевой или химиотерапии, чего мы не успели сделать.

– Давайте по-русски! – оборвал Клим, меряя быстрыми шагами кабинет заведующего. – То есть череп вы мне, слава Богу, вскрывать не будете?

– К сожалению, опухоль слишком запущена и очень труднодоступна для полного удаления... Клим Александрович, прошу вас, присядьте, пожалуйста, и успокойтесь – безвыходных ситуаций не бывает.

– Да я и так почти покоен! – огрызнулся Клим и тут же осекся: – Простите, док, просто мне не каждый день объявляют смертный приговор...

– А я вам его и не объявляю! У вас – молодой и крепкий организм, будем бороться...

Остальное происходило как во сне, а может, как в кино. Буквально пару дней назад он смотрел фильм с таким же началом. Клим вошел в состояние штопора. Как из вязкого тумана или из дальней комнаты, до него эхом долетали некоторые обрывки фраз Ивана Ивановича: «современные методы лечения...», «попробуем подключить радиотерапию...», «у меня в практике были случаи чудесного исцеления...», «эффект плацебо – великая вещь...». Его мозг категорически отказывался слышать и воспринимать весь этот поток информации. «Я сейчас проснусь, – мелькнуло в сознании Клима, – и закончится весь этот кошмар...» Он изо всех сил сжал кулаки, так, чтобы почувствовать боль в ладонях, но...

– Нужно мобилизовать все свои внутренние ресурсы, и тогда вероятность выздоровления существенно возрастает, – откуда-то прорвался решительный голос доктора. – Границы возможностей больного простираются гораздо дальше, чем простое следование всем врачебным рекомендациям. Клим, с этой минуты вы должны принять активное участие в борьбе за жизнь и взять на себя ответственность. Ответственность за то, чтобы проанализировать или даже пересмотреть те из представлений и чувств, которые лично вам мешают бороться за жизнь. Вы меня простите за эту, может, не совсем уместную лекцию, но жалостью тут не поможешь...

– Я в ней меньше всего нуждаюсь! – отрезал Клим вместо прощания.

* * *

Он шел на «автопилоте». Шел долго и медленно. Куда? Зачем? Он не знал, вернее, не соображал. Первый раз в жизни он не соображал, куда идет!

«Какая глупость! Это нелепая случайность! Это не со мной... ЭТОГО НЕ МОЖЕТ СО МНОЙ ПРОИЗОЙТИ!!! НИКОГДА!!!»

«Но ведь произошло! – шепнул внутренний голос не без доли иронии. – Ты думал, что у тебя все чисто и гладко? А вот на тебе, получай – красный стоп-сигнал...»

– Идиот! Жить надоело?! – испуганно выкрикнул водитель, заглушая пронзительный скрип тормозов.

Клим безразлично посмотрел на яркие фары автомобиля, практически уткнувшись ему в бок, и совершенно не в тему вспомнил, что сегодня ему надо было забрать свой «джип» со станции техобслуживания.

Надо было... Было надо... Да НИЧЕГО уже не надо! И никому он уже не должен. И не будет должен. СКОРО. НИКОГДА.

...Клим оказался в глубине старого парка, знакомого ему с детства. Остановился, посмотрел по сторонам. Тишина и покой; остатки золотой осени медленно кружили в виде серебристых паутинок и желтых листьев. «В последнюю осень...» – промурлыкало подсознание известную строчку из репертуара «ДДТ».

«А эта осень у меня действительно ПОСЛЕДНЯЯ!» – на удивление спокойно подумал Клим и глубоко вдохнул воздух с запахом влажной свежести. И вдруг с выдохом заорал... Нет, это долго сдерживаемый крик сам наконец вырвался на свободу. Это был пронзительный и страшный рев раненого зверя, исходивший из самой глубины его сердца. Где-то вдалеке тревожно отзывались вороны и разлетелись в разные стороны с верхушек деревьев.

Немного отпустило. Когда-то очень давно, еще на заре юности, он таким образом снимал накопленное напряжение – уходил далеко в лес и выкрикивался в пустоту до изнеможения, до тех пор, пока не чувствовал полного облегчения и освобождения от негативных эмоций. Он нашупал в кармане смятую пачку сигарет. Та оказалась пустой. «Вот черт! – мысленно выругался Клим. До спазмов хотелось курить. – Но раз еще остались какие-то желания – значит, я пока жив!»

– А ну цыц! – прокричал он, адресуя команду собственному мозгу. Последняя, не последняя – какая уже, на фиг, разница? Еще не хватало впасть в сентиментальную дурь и преждевременно вытянуть ноги!

«Итак. Подводим итоги, – он изо всех сил старался навести относительный порядок в голове. – Мягко скажем, диагноз, конечно, хреновый... Но я пока что нормально функционирую, не утратил способность соображать и действовать. А то, что упустили время для операции... Даже к лучшему! Док сам говорил, что последствия могли быть самыми непредсказуемыми, и лучше прожить отведенный остаток в здравом уме, чем в растительном состоянии... Забавно получилось! Еще утром я даже представить себе не мог, что через каких-то несколько часов буду терзать себя вопросом: как провести оставшееся время? Вот она, непредсказуемость жизни...» – уже более отстраненно подумал Клим, покупая сигареты в ближайшем киоске.

«Интересно, а как поступает человек, когда узнает, что его счетчик включен и пронзительно тикает, отсчитывая последние дни, часы, минуты и секунды жизни? – чуть позже спросил он у себя, с наслаждением выпуская в воздух седые кольца сигаретного дыма. – Сколько моделей поведения существует, сколько разных ситуаций! Наверняка большинство напивается до чертиков и заливает слезами все подушки; кто-то строчит завещание и пишет прощальные письма, кто-то «приходит к Богу» и проводит остаток своих дней в благоговейном состоянии святого мученика, кто-то напоследок бросается во все тяжкие... А мои действия? Рыдать не буду – это сто процентов, письма писать некому, да и

не люблю, а бросаться в «тяжкие» – и без того бери не хочу в моей жизни! Церковь. Идея неплохая, но... Все эти исповеди, причастия и духовные очищения, о которых любит рассказывать мама, дело хорошее, но уж очень далекое от моего мироощущения и восприятия. Хотя, наверное, жаль, что я так и не успел наладить деловые контакты со Всевышним...»

Он зашел в маленький пивной бар и заказал бокал пива – время приостановилось, и ему вдруг захотелось растянуть это непривычное для него состояние «ничегонеделания». Полутемный зал был пропитан застоявшейся смесью перегара и дешевого табака. Толстая и медлительная официантка с сонным лицом лениво смахнула пепел и крошки с барной стойки и поставила перед ним пенящийся бокал. «А пиво-то у них – гадость редкая, да и посуда плохо вымыта», – усмехнулся Клим, рассматривая липкие разводы на стекле. Вчера он даже не посмотрел бы в сторону подобного заведения, а если бы ему в каком-то ресторане подали напиток не по вкусу... Но это было вчера.

Клим опять усмехнулся и закурил, чтобы заглушить хорошим табаком прогорклый пивной привкус. Он почему-то вспомнил, как совсем недавно, на его дне рождения, один из гостей провозгласил тост: «Наконец по возрасту ты сравнялся с Христом! Это обязывает ко многому, поэтому желаю тебе завершить дело каждого настоящего мужчины – посадить дерево и вырастить сына. А остальное у тебя и так уже есть!»

«Вот я дурак! – подумалось теперь Климу. – Говорили же мне: не отмечай эту дату – примета плохая! Так нет же, меня, как всегда, понесло... И что? Дерево так и не посадил, а сына даже в планы не успел включить. Зато домов построил – светлая мне память!»

Клим отличался завидной способностью быстро собираться в любых экстремальных ситуациях и выпускать наружу всю свою иронию и сарказм, что помогало не задерживаться надолго в критическом состоянии. Здесь, конечно, были несколько иные обстоятельства, но все же... А может, это вонючая забегаловка и горькое пиво пошли на пользу – тумблер переключился, сознание прояснилось. И вот он уже вернул звук своему мобильному телефону. Кто бы сомневался – куча непринятых вызовов и полученных сообщений! Как всегда, он нужен половине города и его окрестностям. Клим глубоко вдохнул и, сбросив остатки оцепенения, уверенно остановил такси.

* * *

– Сегодня у босса аукцион невиданной щедрости! – откровенничала на офисной кухне молоденькая секретарша Лидочка. – Собрание отменил, отчеты не потребовал и меня на час раньше согласился отпустить без своего коронного: «А на каких основаниях?»

– ...Даже платежки подписал не глядя! – подхватила главбух Тамара Михайловна. – Щось у лісі здохло...

– А вы все-таки не расслабляйтесь, девочки, – вклинилась в разговор менеджер по персоналу Ирина. – Не сегодня завтра этот аукцион быстро закроется! Наш стальной босс и человеческий гуманизм – понятия несовместимые.

Клим закрылся у себя в кабинете, строго-настрого приказав никого не впускать и не соединять с ним по телефону по крайней мере в течение ближайшего часа.

Несколько минут он просто рассматривал себя в зеркале, как будто бы впервые увидел свое отражение. Да нет, ничего не изменилось... На него смотрел слегка уставший, но весьма интересный молодой мужчина: высокий, хорошо сложенный, с тонкими волевыми чертами лица, на котором особенно выделялись очень выразительные глаза – светло-серые, пытливые и пронзительные, будто держащие все на прицеле.

«Говорят, что на онкобольных есть особая печать», – размышлял Клим.

«Печать смерти», – подсказал внутренний голос, и Клим вздрогнул, как от резкого удара. Он отвернулся от зеркала и направился к своему рабочему столу, достав из шкафа начатую бутылку коньяка – в последнее время это стало проверенным средством от

внезапных приступов боли. Пятьдесят капель приятным теплом разлились по телу, но не освободили от свинцового давления где-то в глубине головы.

«Все превратится в прах... – выскользнули из подсознания известные строки. – Как это? Не видеть, не чувствовать, не думать?..» Мелкая леденящая дрожь... Как с ней бороться? Сейчас он ощущал себя совершенно незащищенным и беспомощным, как брошенный ребенок. Он, Стальной босс, президент и полноправный хозяин крупной процветающей компании. Ее название у всех ассоциировалось с обязательными успехом и победой – «Виктория». Карьеру он начал рано, продвигался быстро и стремительно, поэтому к 33 годам достиг того, о чем многие в этом возрасте только начинают мечтать. Сертификаты, грамоты, награды... «Лучшая инвестиционно-строительная компания», «Успех года»...

– Твою!.. – громко выругался Клим и со всего размаха врезал кулаком в стену. И это что, тоже все прахом пойдет?! Все его победы, достижения, накопленный капитал... Кому это все теперь нужно и, кстати, кому достанется? Его матери, единственному родному и любящему человеку, которая вряд ли сможет пережить его смерть? Его так называемым замам и помощникам, не вложившим в становление дела, если разобраться, ни одной своей извилины, ни частички своей энергии? Или, может, все раздать по кусочкам своим любимым женщинам? Так их всех не припомнишь, да и какие они, к черту, любимые...

Деньги, капитал... Да при чем тут это? Не хватает чего-то очень важного и главного, ради чего, наверное, и стоило жить, ради чего и теперь стоит бороться... Но что это? Зачем надо было жить?..

Его мысли внезапно прервала Лидочка, постучавшаяся в дверь:

– Климентий Александрович, Пал Палыч грозится влезть через окно! Говорит, что неотложное дело – государственной важности.

– Ладно, пусть влезит, но только – через дверь! – поморщился Клим.

Через несколько секунд он, не скрывая недовольства, смотрел на исполнительного директора компании.

– Ну и что у тебя за горячее дело республики?

– А с тобой все в порядке? – настороженно спросил Трухин, вываливая на стол большую пачку документов. – С налоговой проблемы или наш любимый банк преподнес новые сюрпризы?

– Павел, у меня нет никаких проблем! – отрезал Клим. – А если и возникают, как ты выражаяешься, сюрпризы, то я их тут же решаю. Или ты об этом до сих пор не знаешь? Давай по существу.

– Ладно, Клим, это я так, к слову... – сконфуженно замялся Трухин, прекрасно зная, что такой прищуренный и стальной взгляд босса не предвещает ничего хорошего. – Просто ты сегодня немного... обеспокоенный.

– Да, я слегка обеспокоен тем, что ты нарушил необходимое мне уединение, – с этими словами Клим взял первую бумагу из увесистой пачки, скользнул взглядом по документу. – Я так понимаю, что с «Нептуном» возникли накладки?

– Если это вообще можно назвать накладками! – выдохнул Трухин и моментально покраснел, покрылся испариной.

«Видно, большие проблемы», – отрешенно подумал Клим, уже досконально изучив реакцию своего сотрудника на различные ситуации.

– Ну!.. – Клим настойчиво буравил сталью прищуренные от испуга глазки.

– Мы проиграли этот тендер! – залпом выпалил Трухин и покраснел еще больше в ожидании взрыва.

Клим продолжал молча на него смотреть, и исполнительный директор, воспользовавшись неожиданной паузой, торопливо заговорил:

– Климентий Саныч, я знаю, как для тебя и для всех нас был важен этот объект, но дело приняло совершенно неожиданный оборот, и ситуация резко вышла из-под контроля. Какая-то крупная западная фирма по гостиничному строительству пронюхала, что на

территории Крыма «завалялся» такой лакомый земельный кусочек, и в последнюю минуту перекрыла нашего «Нептуна». Сегодня с утра перезвонил сам Олейник, сказал, что к тебе дозвониться не может, принес свои извинения и, грубо говоря, поставил нас перед «факью». Шкура продажная! Я понимаю, что он на импортные миллионы купился, а то, что мы с ним уже по рукам ударили...

– Ну и что? – спокойно сказал Клим, втайне наслаждаясь округлившимися от удивления глазами Трухина. – А где ты сейчас видел, Паша, людей, умеющих хранить силу рукопожатия и слова? Безнадежно, говоришь? Тогда немедленно уладь все вопросы, связанные со строительством, и постараися чем-нибудь занять и утешить «Астру-Нова», пока там еще не успели настроить наполеоновских планов. Да расслабься ты, а то сидишь, как начинающий йог на гвоздях. Теряют иногда и больше!

Наверное, если бы в этот самый момент над городом пролетела стая свиней, Трухин удивился бы гораздо меньше. В критических обстоятельствах (хотя они случались крайне редко) президент, или Стальной босс, как его называли в кулуарах компаний, действовал быстро, решительно и жестко. Он тут же увольнял непригодных сотрудников (неужели его, Пашу, пронесло?), ставил на уши всю компанию и мгновенно начинал действовать, после чего всеми правдами и неправдами разруливал в свою пользу самые тяжелые и запутанные ситуации. «А тут ноль эмоций и, что самое непонятное, ноль реакции», – растерянно думал Трухин, взирая на президента, напоминающего молчаливого сфинкса на своем пьедестале. А ведь все в компании знали, насколько важна эта сделка для босса: строительство крупнейшего гостинично-развлекательного комплекса «Нептун» на благодатных крымских землях было делом номер один последних нескольких лет их работы. Сколько сделок Клим для этого провернул, сколько переговоров провел, всю крымскую власть, наверное, напоил и накормил... А их дочернее строительное предприятие «Астра-Нова»? Спит и видит себя на «стройке века»! «Наверное, это мне тоже все снится!» – Трухин лихорадочно пытался найти объяснение столь феноменальному явлению.

– Кстати, Паша, – как ни в чем не бывало и совершенно благодушным тоном сказал Клим, – организуй-ка наших ребят сегодня на вечер. Давненько мы не отдыхали просто так, по-человечески! Начнем с казино, а там – куда душа попросит. Гуляем до утра – я угощаю!

Трухин окончательно лишился дара речи.

– У тебя что, какой-то праздник?! – промямлил он, силясь оторваться от стула.

– Жизни! – усмехнулся Клим и хлопнул ошалевшего сотрудника по плечу.

– Ну что? Ты сам вышел или тебя вынесли? – прямо в коридоре набросился на Трухина осунувшийся от напряжения первый зам Левченко.

– Лева, можешь спать спокойно, по крайней мере эту ночь, – пробормотал Трухин, пытаясь прийти в себя. – Сегодня нас не увольняют, потому что у шефа намечается грандиозный праздник жизни, на который – дыши глубже – мы все приглашены! Ох, чует мое сердце что-то неладное... Видно, Саныч таким изощренным образом решил организовать корпоративные похороны.

* * *

«Значит, «Нептун» ушел под воду», – задумчиво резюмировал Клим, оставшись один в кабинете и машинально раскладывая бумаги по папкам. Сегодня жизнь открыла для него еще одну, доселе неизвестную, свою сторону. Оказывается, то, что было навязчивой манией долгие месяцы и казалось крупнейшей жизненной целью, может лопнуть за одну секунду как мыльный пузырь. А для этого Ивану Ивановичу понадобилось произнести всего три слова... «Рак. Головного. Мозга», – тут же подсказал услужливый внутренний голос, вероятно затосковавший за последние несколько часов своего бездействия. А Клим почувствовал, как к его шее прикоснулись липкие и холодные пальцы СТРАХА, а на голову навалилась тяжелая бесформенная масса.

«Моя задача номер один – не оставаться наедине со своими мыслями и все силы бросить на работу, даже если придется делать вид, что мне все это по-прежнему не безразлично», – твердо решил он, залпом выпивая рюмку «дежурного» коньяка. Но он прекрасно понимал, что как раньше уже ничего не будет.

«Вот как оно с непривычки бывает: и с «Нептуном» облажался, и Пашку чуть до смерти не напугал...» – нервно рассмеялся Клим.

«Кстати, о СМЕРТИ, – тут же подумал он, еще раз наполняя рюмку, – вот не станет меня – и что будет с «Викторией», кому достанется «Астра»? Они же как мои родные дети – в них столько сил и энергии вложено! Даже доверить и перепоручить некому!.. Вот достанется им такой слабый и трусливый «отчим», как Трухин, или лицемерный и скользкий Левченко, если ему, конечно, подлый Скорик глотку не перережет; или того хуже, вообще все развалится... А ведь все это – дело моей жизни! И нет никого достойного... Хотя разве раньше не знал?! Сам же и обложился этими хамелеонами и ехиднами, думал, что такими будет легче управлять. Управлять, как оказалось, действительно легче, а вот доверять...»

– Эх, Сема, Сема! Как ты был прав! – вслух произнес Клим и поднял рюмку навстречу невидимому собеседнику. – За твою мудрость и прозорливость, мой друг, и за мою смертельную глупость!

* * *

– Ты еще здесь? – сухо спросил Клим, мимоходом выключив орущий на всю громкость телевизор.

– А где я должна быть? – Наночка, очаровательная 23-летняя нимфа, освежающая его холостяцкую берлогу последние полгода, с кошачьей грацией сползла с дивана.

– У мамы. Если я не ошибаюсь, ты давно к ней собирались. Так вот сейчас – самое время, – ответил Клим, выбирая в шкафу свежую рубашку на запланированную вечеринку.

– У-у-у, папочка сегодня не в духе! – надула полные губки девушка и подошла к Климу, кокетливо покачивая бедрами. – Опять головка болит? Так я тебя мигом вылечу!

Она призывающе распахнула полуопрятный пеньюар. Клим скользнул взглядом по идеальным формам и отступил в сторону.

– Спасибо. Я сам себя вылечу. Лучше расскажи, как прошел твой день.

В последнее время Наночкины прелести перестали вызывать у него эrotические фантазии, а сегодня она вообще провоцировала плохо скрываемое раздражение.

– Чудесно! – оживилась Нана. – Я наплавалась в бассейне, наболталась с Кирой и нагулялась по магазинам. Шопинг получился просто великолепным. Хочешь посмотреть? – она указала на разбросанные по комнате пакеты внушительных размеров.

– Нет, не хочу! Забирай последствия своего шопинга и собирайся к маме. Мне нужно побывать одному – всерьез и надолго.

– У тебя кто-то есть? – Красиво татуированные бровки Наны нахмурились изящным мысиком.

– Да, есть...

– Я ее знаю? – Наночка зашипела, как дикая кошка, и пошла в наступление.

– Не знаешь! И не узнаешь еще как минимум лет пятьдесят. По крайней мере я тебе этого искренне желаю, – ответил Клим, надевая пиджак.

– Дурак! – фыркнула девушка. – Столько не живут!

– В том-то и дело, дорогая! – Клим уже направлялся к двери. – Свой ключ оставил у консьержки. И, пожалуйста, давай обойдемся без глупостей и лишних истерик!

«Даже о самочувствии моем всерьез не поинтересовалась. Ну, хотя бы так, для приличия... – беззлобно отметил Клим, выйдя из пародного. – Хотя... Что тут удивительного? Не у нее же болит!»

Он почувствовал заметное облегчение, избавившись от настырной подруги. «Хорошо, что сделал это именно сегодня! Вот он, великий день больших перемен!»

* * *

— ...А я уж было подумал — мы тебя теряем! — пробасил хорошо подыпивший Левченко, по-панибратски обнимая Клима за плечи. — Пашка вышел сам не свой, все, говорит, каюк «Нептуну», и все мы — под воду! Клим, ты же знаешь, я, если надо, первый кому скажешь в глотку вцеплюсь!

— Давайте еще выпьем, — предложил Клим, с трудом отрывая от себя зама.

— За что пьем? — спросил Васильев, генеральный директор «Астры», который за несколько часов беспрерывного кутежа в клубе провозгласил все известные ему тосты, но так и не понял истинную причину большого сбора.

— За жизнь, Сергеич, знаешь такое слово — ЖИЗНЬ? — громко сказал Клим. Ударная порция алкоголя таки исполнила свою миссию милосердия: вытеснила головную боль, притупила воспаленное сознание. — Иногда бывает очень полезно вспомнить о ЖИЗНИ... Вспомнить, пока она не повернулась спиной...

— Ну, за нее! — подхватил услужливый Левченко, пропустив смысл сказанного, и тут же льстиво добавил: — И за наш генеральный мозг — за тебя, босс, за твою неизменную удачу!

— По-твоему, она мне никогда не изменяла? — спросил Клим, наклонившись к своему помощнику.

— Кто? — удивленно переспросил Левченко. — Удача?! Да тебе никто и ничто не может изменить, Клим! Ты же у нас баловень судьбы, любимец женщин и фортуны!

— Ох, избавь меня, Лева, от этого приторного пафоса. — Клим почувствовал, как через хмельной туман опять начинает прорываться раздражение. Большинство из этих его друзей-товарищей — конкретные прихлебатели и лицемеры. Пьют за его счет и живут за его счет, держа наготове камень за спиной, так, на всякий случай...

— Да, судьба меня действительно балует, — иронично заметил Клим, — она великодушно сокращает мое время пребывания в этом болоте...

— Так что, «на коня»? — Трухин по-своему истолковал эту фразу, разливая по рюмкам остатки спиртного.

— Вот именно! — воскликнул Клим. — А это возьми себе на завтрашний чай или жене на цветы, — он засунул ему в карман стопку долларов, выигранных час назад в клубном казино.

— Ни фига себе — сказал я себе! — изрек ошарашенный Павел, рассматривая деньги. — Ты это серьезно?.. Ну, если для тебя уже штукарь лишний! Правду Лева говорит — везунчик! И в казино с одного раза жирный куш срываешь, и бабки не считаешь...

— Зато я теперь считаю кое-что другое, то, что гораздо важнее, чем эта гнилая «капуста», — но тебе этого пока не понять...

— Ура! «На коня» за нашего ангела-хранителя! — взревел Трухин, шустро переложив внезапно свалившиеся деньги во внутренний карман пиджака.

«...А вот мне бы сейчас действительно не помешал свой собственный ангел, — думал Клим, простившись с надоевшей компанией, — этакий персональный хранитель, чтобы укрыл белым крылом и унес далеко в поднебесье...»

Он настороженно прислушался к себе. «Похоже, начинается новый приступ меланхолии, но ничего, мы его сейчас быстро положим на обе лопатки», — заключил он и, пошатываясь, направился к бару.

— Какой серьезный и одинокий красавчик! — жгучая брюнетка в ярко-красном платье подсела рядом за барную стойку. — Я не буду возражать, если ты меня чем-нибудь угостишь, — сексуально проворковала она, слегка коснувшись его руки роскошным пятым размером, который так и рвался на волю из откровенного декольте.

Клим быстро скользнул взглядом по ее прелестям и, остановившись на нереально больших и алых, как свежая кровь, губах, пробормотал заплетающимся языком:

— Поехали! Я тебя дома угощу.

... – Как тебя зовут? – спросил он, лежа на кровати и разливая в бокалы «Мартини».

– А как ты хочешь? – промурлыкала красотка, профессионально освобождаясь под медленную музыку от остатков одежды. – Любой каприз – за ваши деньги!

– Тогда я буду звать тебя... Надеждой! – рассмеялся Клим, одурманенный и спиртным, и нахлынувшим эротическим настроением.

– Нет проблем! Тогда обними свою Надюшку! – прошептала брюнетка, прижавшись к нему обнаженным телом.

– А я скоро умру! – вдруг сказал Клим.

Девушка отпрянула как ужаленная.

– Да ты не бойся! Это не заразно! – Клим погладил ее по голой спине. – Меня и так уже почти не осталось... Скоро съедят мой мозг, но это не самое страшное... Сначала съели мою душу, потом – сердце... А вот теперь доедают остатки, и не будет больше НИ-ЧЕ-ГО!

– Ого! – присвистнула красотка и потянулась за сигаретой. – Всякое видала, а вот живой труп – впервые!

– И что теперь? – отрешенно спросил Клим. Возбуждение напрочь исчезло, и он чувствовал себя крайне глупо и одиноко в объятиях этой чужой женщины.

– А как ты хочешь? – спросила красотка, принимая очередную соблазнительную позу.

– Я хочу – душевно. Понимаешь? Чтобы было – по ДУШАМ!

– Это как?! – громко рассмеялась брюнетка. – Ты точно не в себе. Какое отношение имеет душа к сексу?

– Ты права – совершенно никакого, – он нашупал в кармане лежавшего на полу пиджака портмоне и вынул оттуда смятые купюры. – Вот, возьми, и большое тебе спасибо!

– А спасибо за что? – округлила она глаза, мгновенно оценив солидную сумму.

– За то, что ты сейчас немедленно отсюда исчезнешь и избавишь меня от бестолковой трятуры времени!..

* * *

Клим вертелся в кровати и тщетно пытался унять сумбурный калейдоскоп событий прожитого дня. Как в немом кино, мелькали рваные картинки: потное, испуганное лицо Трухина, разбросанные бумаги на столе, хищные кровавые губы брюнетки, стая ворон, стремительно сорвавшихся с дерева, бешено вращающаяся рулетка в казино, виноватый взгляд доктора, снимок в его руке...

«Смерть никогда не предупреждает о своем визите!» – это опять напомнил о себе внутренний голос, и «кино» оборвалось. С бешеным сердцебиением Клим подскочил к открытому окну и захлопнул его с такой силой, что звонко затрещала рама. Но ОНА продолжала настойчиво просачиваться в его квартиру и в его жизнь отовсюду: из тончайших оконных щелей, из-за плотных штор, из входной двери, из воздуха, из лунного света, проникающего через занавески...

Наконец ОНА проникла в голову и, свернувшись там калачиком, смяла в своих тугих объятиях его мозг. Какая от этого острая головная боль!..

Он не помнил, как дотянулся до пакета обезболивающих, оставленных на журнальном столике. В глазах так потемнело, что Клим не смог прочитать названия на упаковках, поэтому выдавил из первой попавшейся пачки и проглотил сразу несколько таблеток.

Потом, держась за стены, он добрался до ванной и подставил горящую голову под струю ледяной воды. Сознание слегка прояснилось, и он отрешенно наблюдал за тем, как розовые струйки уносятся водными потоками.

«Истеку сейчас кровью и сдохну. Прямо тут. В собственной ванной. Так тупо и бесполезно прожив первый и последний день своей жизни после того, как узнал о Смерти, – с нарастающей злостью думал Клим, пытаясь унять обильное кровотечение из носа. – А может, ну его? Какой смысл глотать пилюли и бегать в больницу? Для продления агонии? Не

лучше ли горсть волшебного снотворного – и все? Полный покой и свобода. Свобода от боли... А может, доктор прав, и всё может пройти...»

Шатаясь, Клим пришел на кухню и вытряхнул на стол содержимое домашней аптечки. «Все!.. Достало... К черту все... Вот оно, мое решение!»

Дрожащими от напряжения пальцами он извлек то, что искал. Наночке хватало половины такой таблетки, чтобы продрыхнуть целый день крепким сном младенца...

Тишину разорвал пронзительный сигнал мобильного телефона: «Открывай! Эсэмэс пришло!»

«Дурацкий зуммер! Никак не поменяю!» – раздраженно подумал Клим.

Из любопытства – и что же это мне хотят сказать на прощание? – он взял брошенный в коридоре мобильник и прочитал следующее: «*Дорогой Клим Александрович! Мы готовы к торжественному открытию. Отказ не принимается. До встречи 29 сентября. Твои благодарные друзья. Севастополь помнит и ждет*».

Клим очнулся, как после долгого тяжелого сна, и посмотрел на часы: электронное табло показывало 6 часов утра. Боль почему-то притихла. Он медленно вернулся на кухню, машинально включил кофеварку и перевел дату на настенном календаре: наступило 28 сентября.

– Ну, город-герой! И не спится ему в такое время, – внезапно улыбнулся Клим. – Значит, с «Олимпом» все сложилось...

А он и думать забыл о небольшой услуге, которую пару лет назад offered своим севастопольским партнерам – «по дешевке» поделился частью выкупленного земельного участка под строительство нового гостиничного комплекса.

«Почему бы и нет?! – подумал Клим, не без удовольствия вдыхая аромат своего любимого кофе. – Осень на море, искренне благодарные друзья, смена обстановки... ОНА, конечно, от меня никуда не денется, но я все равно немного от нее отдохну...»

Он поднял жалюзи, впуская к себе первые солнечные лучи нового дня, налил полную чашку крепкого кофе и сгреб в сторону рассыпанные по столу таблетки.

Глава 2 Счастье

Ты лучше всего учишься тому, чему тебе больше всего нужно научиться самому.

Ричард Бах. Иллюзии

По отработанной годами привычке он открыл свой ежедневник. «Четверг, 28 сентября». Целомудренно чистый лист бумаги, не заполненный ни единой строчкой, ни одной пометкой на полях. Вчера начался новый отсчет времени в его жизни...

«Ах, да, – поморщился Клим и, захлопнув дневник, отложил его в сторону. – Кажется, в 11 утра нужно быть в больнице на первом курсе химиотерапии, или как там оно у них называется...» Перипетии сумбурного вечера и тяжелой ночи, пропитанной болью и бурей эмоций, резко сменились полным безразличием и вязкой апатией.

«Что там говорил Иван Иванович? Самым благоприятным фоном для обострения болевых ощущений являются неврозное состояние, психическая депрессия и страх. СТРАХ... – Холодный ночной кошмар опять зашевелился где-то в глубине черепной коробки, напоминая о своем присутствии горстью разбросанных на столе таблеток. – Не дождешься! – зло отрезал Клим невидимому собеседнику и отправил лекарства в мусорную корзину. – А звучит-то как отвратительно – неврозное состояние... Хорошо еще, что никто не видел этого жуткого приступа позорной слабости».

Клим с удовольствием принял прохладный душ, смывая с себя липкие остатки пережитого. «Да пусть они катятся ко всем чертям – больница, работа, обязательства и обстоятельства, включая этот проклятый диагноз! Все. Теперь я никому ничего не должен –

только себе, а значит, буду делать то, что мне на самом деле хочется. Наконец-то. В первый и последний раз в жизни. Абсолютно прав был док, когда вещал о личных мотивациях и переключении внимания с болезни на что-то другое – то, что долгое время сознательно игнорировалось и не замечалось».

– К примеру, осень на море – давнишняя и радужная мечта, списанная в категорию нереальных и несбыточных, – он вслух подхватил свою мысль, уверенно забрасывая в дорожную сумку необходимые вещи. – Вечная нехватка времени, вечные «некогда» и «надо»!..

Когда он отдыхал в последний раз? Просто так – без сопровождающих поездки деловых встреч и переговоров? Пожалуй, в ранней юности, – он сам удивился такому неожиданному для себя открытию. А потом пошло-поехало: бизнес – деньги – бизнес. Сплошная и неразрывная цепь, добровольно наброшенная крепкой удавкой на шею.

«Клим Александрович у нас только одного не умеет – отдохать!» – эта избитая фраза, от случая к случаю с гордостью произносимая его сотрудниками, теперь напоминала жалкий комплимент или, скорее, грустный реквием по его собственноручно похороненным желаниям.

Клим быстро, чтобы не передумать в последний момент, набрал по мобильному Трухина, отдал ему распоряжения на ближайшее время и заказал служебную машину. Он не любил поезда, поэтому по возможности всегда отдавал предпочтение скоростным трассам с изменчивой чередой пейзажей за окном автомобиля.

* * *

– Вот это сюрприз! – радостно пробасил на следующий день Маркиросян, заключая Клина в крепкие дружеские объятия. – Вот уж не ожидал – так не ожидал! Значит, все-таки выкроил свое драгоценное время?

Тенгиз Маркиросян – генеральный директор Севастопольской строительной компании, которую с «Викторией» связывали долгие партнерские отношения, принял Клина с характерным восточным гостеприимством, и его рабочий кабинет по мановению руки тут же превратился в волшебную скатерть-самобранку, уставленную дорогими напитками и хорошей закуской.

– Это для меня стало сюрпризом твое неожиданное эсэмэс-сообщение, – улыбаясь, сказал Клим.

– Какое еще эсэмэс? – Маркиросян удивленно округлил густые орлиные брови. – Ты что, дорогой, я не любитель этих детских игрушек – телефон предназначен для того, чтобы по нему звонить, а не письма писать! А вот ты куда пропал? Накануне я долго пытался до тебя дозвониться – и безрезультатно: в офисе тебя нет, мобильный не отвечает. Я просил передать, чтобы ты мне срочно, немедленно перезвонил. Кстати... – Тенгиз так и замер с открытой бутылкой «Хенnessи» в руке. – Раз ты мне так и не перезвонил, то как ты узнал, что мы сегодня открываемся?

– Я же тебе говорю – мне эсэмэска пришла, – с не меньшим удивлением ответил Клим, открывая в своем телефоне список полученных сообщений. – Я, конечно, заработался, но из ума еще пока не выжил. Сейчас найду... Где-то здесь было...

Он лихорадочно терзал мобильный, но, кроме навязчивой рекламной информации оператора связи и гневных обвинений обиженней Наночки, других сообщений не было.

– Ты будешь смеяться, но мой «вешдок» как в воду канул... – сконфуженно пробормотал Клим.

– Да оставь ты в покое телефон! – энергично прогудел Маркиросян, протягивая наполненную рюмку. – Неважно, какой такой «барабашка» тебе это письмо настрочил! Главное – что ты здесь и будешь отдохать по полной программе, пока полностью не проветришь свои воспаленные мозги.

– А что, видно? – настороженно спросил Клим, испытывающе глядя на товарища.

— Ты имеешь в виду свои мозги? — громко расхохотался Тенгиз. — Так они у тебя всегда были видными — с их помощью даже наш «Олимп» на свет появился! А вот устал ты, похоже, конкретно — иначе бы точно не приехал. Ну давай, начинай расслабляться и радоваться жизни. Значит, план такой: в шесть вечера торжественная часть, потом — большой сабантуй в честь открытия комплекса, а на завтра у нас намечено грандиозное катание на яхтах, так что ты вовремя, как никогда. Будет все, как ты любишь: море водки, устриц и красавиц!

— Сегодня я полностью в твоем распоряжении, — снова заулыбался Клим, сдаваясь в плен здоровой энергии жизнелюбивого Маркиросяна. — А вот завтра — извини. В последнее время устрицы и красавицы вызывают у меня изжогу, поэтому хочу прошвырнуться по другому, более безопасному маршруту.

— Значит, будем тебя лечить! — изрек Маркиросян и подытожил: — Э-э-э, дорогой, совсем плох стал... Ну как на такое может быть изжога? Или у тебя как с тем стаканом воды, который бывает и наполовину полным, и наполовину пустым — в зависимости от личного мироощущения...

— Ладно, ладно, великий мудрец! — засмеялся Клим. — Просто бывают случаи, когда заключенный узник вдруг начинает видеть не привычные тюремные решетки, а звезды, пропивающие через них. Так вот, я хочу посмотреть на звезды.

* * *

Голова трещала, как раскаленный пивной котел. «Видно, активные и шумные мероприятия для меня уже точно остались позади», — грустно отметил про себя Клим, проснувшись в стерильно-чистом и пахнущем новизной гостиничном номере «Олимпа».

Презентация комплекса растянулась до рассвета, и теперь ему больше всего хотелось получить изрядную порцию свежего воздуха и просто послушать тишину. Он неторопливо собрался и вызвал Ильича — своего неизменного водителя, сопровождавшего его во всех командировках.

Слегка помятый после продолжительного банкета водитель не выразил особого восторга от перспективы дальней поездки, тем более солнце спряталось за свинцовые тучи и в воздухе повисло напряженное ожидание дождя.

— Это моя старая идея-фикс, поэтому — без вариантов, — отрезал Клим, усаживаясь в машину. Сколько раз, бывая в Севастополе, он откладывал эту поездку в долгий ящик, в глубине души тайно мечтая о том, что однажды — без спешки и гонки — он вернется туда, где много лет назад ощущил потрясающее чувство гармонии и покоя. Наконец это время настало — вот так совсем неожиданно...

С давних пор Клим коллекционировал наиболее яркие картинки своей жизни и бережно их складывал в сокровенную шкатулку памяти. Бриллиантом этой коллекции он считал мыс Фиолент — один из самых неповторимых уголков Крыма, расположенный на Гераклейском полуострове в 15 километрах от центра Севастополя.

Ему оказалось достаточно одного раза, чтобы на всю жизнь влюбиться в этот дикий, скалистый берег, хрустально-чистое море Яшмового пляжа. Клим до сих пор не мог забыть то острое ощущение восторга, которое он, 17-летний мальчишка, испытал, стоя на вершине горы и созерцая неземную красоту волшебного царства первозданной природы. Захватывало дух от величия скал почти стометровой высоты, громоздившихся над лазурным морем, хаоса серых валунов и белого песчаного дна с раскиданными по нему камнями, покрытыми причудливыми морскими водорослями. Это было действительно фантастическое зрелище!

Тогда его особенно впечатлили островерхий утес самого мыса Фиолент, огромный грот Дианы и старинный Георгиевский монастырь, расположенный прямо на кромке обрыва. Колossalная энергетика этого места, тишина и благодатное спокойствие манили какой-то великой тайной, разгадать которую он так и не успел.

— Мы все склонны идеализировать и преувеличивать отдельные наши воспоминания

родом из детства и юности, – изрек мудрый Ильич по дороге на Фиолент. – А потом, когда вырастаем и снова возвращаемся туда, где «деревья были большими», то оказывается, что все гораздо проще и примитивнее, чем когда-то казалось. В свое время я тоже лелеял старую мечту и очень хотел снова увидеть известную аллею пальм в Ялте, которая сохранилась в моих детских воспоминаниях как просторная дорога в бесконечность, окруженная исполинскими деревьями экзотической красоты. И что вы думаете? Когда я опять туда попал, уже взрослым и семейным человеком, то никак не мог понять, почему от этих самых обыкновенных, скучных и жиденьких пальм приходят в такой дикий восторг мои дети. Что они видят такого, чего я уже не могу разглядеть в этой жизни? Вот так, все проходит... – вздохнул водитель, останавливая машину возле скалистого утеса на подъезде к Фиоленту. – Да-а-а, а здесь действительно красота неописуемая!

– Как же иначе, Ильич, можно на это реагировать?! – восторженно воскликнул Клим, раскрывая объятия своему сокровенному желанию, наконец воплощенному в реальность. – Фиолент все тот же, просто я стал другим... Слушай, мне нужно побывать одному. Хотя бы несколько часов. Я так давно этого хотел!

Клим отпустил водителя, договорившись, что потом позвонит ему на мобильный.

Он подошел к самому краю обрыва и набрал полные легкие пьянящего эфира. Прозрачный осенний воздух был пропитан запахом моря, увядающих трав и тихой грусти, сотканной из незримых аккордов светлой, романтической мелодии. С высоты мыс Фиолент напоминал огромный живой организм, жизнь в котором пульсировала в согласии с невидимыми ритмами планеты. Медленно и тихо дышали большие скалистые горы, уходящие далеко за горизонт, что-то шептали заросли кустарников и деревьев, им вторило море...

Безотчетно повинувшись какому-то природному инстинкту, Клим вытянул вверх руки и замер, закрыв глаза. Он предоставил полную свободу энергии земли и неба путешествовать по его телу. Через несколько минут он почувствовал, как, подобно пустому и высохшему сосуду, наполняется целительной и всемогущей силой. Она невидимым ключом била из недр земли, проходила по ногам, струилась по позвоночнику и достигала своей высшей точки где-то на затылке, растекаясь приятной волной кругооборота опять по всему телу.

– Как хорошо! – Клим блаженно потянулся и открыл глаза. Только что память тела автоматически воспроизвела одну из забытых техник, которую он практиковал много лет назад, когда в азарте юношеского максимализма упорно пытался разгадать вечный философский вопрос Смысла Жизни.

«Ответ так и не нашелся, да и смысла уже нет, – с сожалением подумал Клим. – Обидно... Я скоро навсегда уйду, так и не узнав, зачем я вообще приходил на эту землю. Природа сама подсказывает, что смысл заключается в чем-то большем, наверняка гораздо большем, чем вся эта наша ежедневная мышиная возня под названием «Борьба за выживание». Никакого успокоения и ни малейшего самоудовлетворения от того, что останется после меня. Да и оставаться особо нечему... Громкое имя стабильной и успешной компании... Это круто! Хотя иногда кажется, что «Виктория» капля за каплей выпила из меня все жизненные соки, вытянула всю энергию и полностью подчинила своей власти. Взаимовыгодный бартерный обмен: я – ей, а она – мне. Я ей отдал самого себя – со всеми своими потрохами и с душой в придачу, а она мне щедро отплатила золотой монетой блестящей карьеры, громкого имени и круглого счета в банке».

Он опять разрешил себе думать о Смерти и даже попытался улыбнуться этой страшной и непонятной субстанции, чье зловонное дыхание не развеивалось даже чистым морским ветром и незримо витало вокруг него.

Когда-то на этом самом месте стоял другой Клим – молодой, задорный, дерзкий, полный смелых идей, грандиозных планов, цветных снов и откровенных желаний. Тогда его глаза горели каким-то сильным, внутренним огнем, за что друзья называли его «энерджайзером» – за неуемную жажду жизни и неутомимые фантазии.

«Батарейка села, – криво усмехнулся Клим своим нахлынувшим воспоминаниям, – а

былой огонь превратился в холодный металл – в сталь, способную рубить, но не согревать».

То ли от передозировки свежего воздуха, то ли от собственных мыслей нахлынула опять головная боль и впилась в мозг металлическими колючками. Клим слегка пошатнулся и отступил от края обрыва. Приступ шел по нарастающей, поглощая рассудок и вызывая дурманящую тошноту. Он стал лихорадочно выворачивать карманы в поисках таблеток, пока не вспомнил, что весь комплект обезболивающих был благополучно забыт дома.

Боль становилась невыносимой – казалось, что голову сейчас разорвет на мелкие куски и разбросает по прибрежным скалам.

Он медленно вернулся к обрыву и посмотрел вниз, туда, где серый гранит сливался с морской синевой. «Один шаг – и все закончено... – мелькнуло в сознании. – Ни боли, ни мучений, ни томительного ожидания, а главное – этих навязчивых, убийственных, невыносимых мыслей...»

«...Только разбрызганные мозги по камням!» – ухмыльнулся внутренний голос, и Клим непроизвольно содрогнулся от выскошившего, как свежее фото из «Полароида», ужасного видения: алая кровь на темном граните, распластанное тело, расколотый череп...

Опять эта слабость... Проклятое малодушие, которое уже второй раз толкает на «подвиг». Он крепко потер виски, пытаясь унять сумасшедшую пульсацию, и стал медленно спускаться вниз к морю по самому крутому и опасному маршруту, известному еще с юношеских лет.

«По крайней мере все произойдет естественным путем!» – хихикнул голос, тут же заглушенный шорохом камней, скатывающихся из-под ног.

Конечно, на берег можно было спуститься и по-человечески – буквально в каких-то ста метрах находилась лестница, обеспечивающая туристам безопасный маршрут. Но адреналин рвался наружу и переполнял все естество – это было соревнование с природой, со Смертью – за Жизнь, а может – наоборот...

Цепляясь за колючие кустарники и срывая кожу с пальцев, нащупывая тонкие выступы на острых камнях и превозмогая пожар в голове, он метр за метром преодолевал крутой спуск, пока не оказался на берегу, практически незаметном из-за густого нагромождения скалистых утесов и огромных камней, похожих на гигантские пемзы, как будто бы выброшенные чьей-то сильной рукой на поверхность суши.

Отдышавшись, он прямо у своих ног увидел море. Оно пенилось игристыми волнами, влекло за собой и манило в бездонную глубину. Не раздумывая ни секунды, он поддался внезапному импульсу, сбросил с себя одежду и с разбега нырнул в его объятия.

Он плыл стремительно и легко, с каждым движением все увереннее разbrasывая встречные волны сильными взмахами рук. Холодная вода взбодрила его и освежила голову, воспаленную горячей болью. Проплыv достаточно большое расстояние, он перевернулся на спину и замер с раскинутыми в разные стороны руками, с наслаждением поддавшись убаюкивающей морской колыбели. Море плавно раскачивало его в разные стороны, щедро окатывая солеными брызгами, а он завороженно смотрел на небо – бескрайнее и бесконечное, как морская гладь. Тучи немного расступились, и сквозь них пробивалось наружу ослепительное солнце, раздвигая серую завесу своими неутомимыми лучами.

Его коснулось дыхание ЖИЗНИ – робкое, несмелое и трепетное. От внезапного желания видеть, чувствовать и осязать этот мир во всем его величии и красоте перехватило горло. Теплая слеза проскользнула по щеке, коснулась губ и слилась с морем. Шлюзы раскрылись – и он больше не стал сдерживать безудержный соленый поток, брызнувший из глаз. Слезы свободно выливались на поверхность, как будто бы давно ждали своего часа, вымывали из глубин души накопленную боль и растворялись в воде. Немного отпустило. Он сделал глубокий глоток свежего воздуха, отился от крупной нахлынувшей волны и поплыл дальше, туда, где море соединялось с горизонтом в одну сплошную линию и растворялось в воздушном пространстве. Волны усиливались и периодически накрывали его с головой, прохладный ветер вызывал легкий озноб, но он продолжал плыть навстречу распахнувшейся перед ним бездне, с откровенным удовольствием преодолевая сопротивление стихии и почти

уже сдавшуюся физическую боль. Всплывая на самые крупные гребни волн, он испытывал пьянящий азарт игрока, боевую одержимость воина, триумфальный кайф победителя. Чем дальше он заплывал, чем больше баллов выигрывал у штурмящего моря, тем сильнее разрасталось желание Жизни.

— Мы еще повоюем! — громко воскликнул он и взлетел на очередную волну.

Внезапная судорога настигла его на самом пике блаженства и резко скрутила ногу. Вскрикнув от неожиданности, он потерял ориентацию, и его тут же накрыло новой волной. Он попробовал вынырнуть на поверхность, одновременно борясь с цепкой болью и пытаясь сделать хоть один глоток воздуха, однако стремительно наступающие волны не выпускали из своей западни, затягивая в смертельную воронку.

На секунду вырвавшись из водного плена, он закричал, но крик тут же растворился в соленой воде. Не в силах больше сопротивляться, он расслабил руки. И последнее, что увидел, прежде чем уйти в холодную темноту, была яркая, ослепительная вспышка света над его головой...

* * *

Кто-то настойчиво хлопал его по щекам. Раз, другой... Клим открыл глаза и, будто в тумане, увидел лицо незнакомца и его широкую белозубую улыбку.

Он не сразу понял, где он и что произошло. По телу разливались блаженное тепло и истома, а само оно было легким и невесомым, как пушинка. Такое впечатление, что он отлично выспался после тяжелого дня...

Клим приподнял голову и посмотрел вокруг. Все то же море, тот же мыс... Только солнце окончательно разогнало тучи и свободно сияло ровным золотистым светом. Вот его одежда, кем-то аккуратно сложенная на камнях. Непонятно откуда взявшаяся старенькая лодка со спущенными веслами на берегу... А сам он лежал на плотной подстилке, расстеленной на мелкой гальке, заботливо укутанный теплым ворсистым пледом. Клим протер глаза.

— На вот, глотни! — Незнакомец, окончательно пропустивший из тумана, протянул ему небольшую металлическую флягу. То ли виски, то ли какой-то бальзам на травах приятно обжег нутро и прояснил сознание. Он все вспомнил.

— Это я тебя должен благодарить?

— Да. Хотя... Для меня это — привычное дело: я всего лишь выполнил свою работу как спасатель, оказавшийся в нужное время в нужном месте.

Незнакомец сидел на корточках и внимательно рассматривал Клина оценивающим взглядом, как крупную добычу, только что выловленную из морских глубин. Чудной был этот спасатель: щупленький, неказистый, с внешностью студента-отличника. Молодой — лет двадцать или чуть-чуть больше. Он отвел в сторону прядь светлых волос, выбеленных солнцем, и опять непонятно чему радостно улыбнулся. У него было интересное лицо: худое, но с очень правильными, пропорциональными чертами, покрытое легким бронзовым загаром, и необыкновенный цвет больших глаз — какой-то насыщенно-зеленый, ближе к лазурному, напоминающий оттенок сочной морской волны.

— А ты рисковый! — произнес парень, выкрутив свою мокрую рубашку и тут же нацепив ее обратно на худосочное тело. — Не каждый полезет в воду при такой температуре, да еще и заплывет далеко! Хорошо, что я был рядом...

Клим поймал себя на мысли, как этот чахлик смог вытянуть из воды такого крупного мужика, как он, и вообще, с каких это пор в таких диких и практически безлюдных местах водятся спасатели, да еще в период межсезонья...

— Спасибо, дружище, — сказал он. — Слушай, я сейчас без денег, но скоро приедет мой водитель, и я тебя щедро отблагодарю. Действительно, если бы не ты... Мои шансы равнялись нулю!

— Ты мне ничего не должен, — мягко осадил парень, продолжая смотреть на него таким

любопытным и изучающим взглядом, от которого Климу стало немного не по себе, и он отвел глаза в сторону.

– Да ладно, не скромничай! Этим занятием на хлеб особо не заработкаешь.

– А я и не зарабатываю, – просто ответил спасатель. – Я выполняю свою работу.

– Ладно. Ты меня совсем запутал. Студент? – спросил Клим, затягиваясь чуть отсыревшей сигаретой.

– Да. Вечный! – рассмеялся парень.

– А факультет?.. Нет, стой, сейчас я сам угадаю. – Умение определять по лицам характеры, способности и наклонности людей было одной из коронных «фишек» Клима, которую он частенько применял в своей работе. – История, философия или... ботаника, – сказал он после короткого размышления.

– Ты почти все угадал. Мои любимые науки...

– Такой продвинутый? Значит, много знаешь.

– Иногда мне кажется, что даже слишком, – посерезнел спасатель, – так много, что не знаю, куда и девать...

– Тогда делись, – великодушно сказал Клим. Его заинтриговало начало разговора с этим случайным чудаком, которому он к тому же был обязан жизнью.

– Место ты выбрал правильное, хорошее, – ни с того ни с сего объявил студент, сделав глоток из своей походной фляги. – Вот ты знаешь, что чуть не утонул у берегов Божественной земли?

Клим неуверенно пожал плечами, а его собеседник продолжил:

– Полуостров, где расположен нынешний Севастополь, в докреческие времена назывался Фиолент, то есть «Божественная земля». Неудивительно, что на ней находится немало древних святынь, а главное – именно здесь расположена базовая линия пирамид...

– Ну-ка, ну-ка, продолжай! – оживился Клим. Он был любителем споров на тему «околовсияческих» явлений, которые всегда вызывали у него двоякий интерес.

– Крымское поле пирамид входит во взаимосвязанную мировую систему, образующих вокруг Земли информационно-энергетический каркас. Эти пирамиды работают как приемо-передающие антенны, связанные со Вселенной, и существенно влияют на все жизненные процессы на Земле, включая гармонизацию уровня сознания людей. Крым вообще называют прямой тропой во Вселенную, а его самые сильные космические каналы находятся вблизи Севастополя и Ялты, ведь тут наибольшая концентрация крымских пирамид. И мы с тобой сейчас сидим в самом центре аккумулятора высших энергий – на Фиоленте.

– Я всегда чувствовал, что с этим местом что-то связано, – задумчиво произнес Клим.

– Конечно! – собеседник, похоже, искренне обрадовался этой поддержке. – Люди, прикасающиеся к священным тайнам крымских пирамид, не могут не ощутить высокочастотных вибраций этой земли, только вот реакция у них бывает разная: кто-то ощущает колossalный прилив сил и энергии, а другие, напротив, упадок и обострение хронических заболеваний. Но это легко объясняется: если человек готов к переходу на новую ступень сознания, то внутренняя трансформация ускоряется, а недостаток духовного потенциала личности всегда сопровождается энергетическим истощением.

– М-да, мудрено... А у меня, по-твоему, есть шанс на эту, как ее... трансмутацию? – полуслыша-полусерьезно поинтересовался Клим.

– Думаю, да. Особенно если у тебя здесь возникло много жизненно важных вопросов, которые долгое время упорно от себя отгонял.

– Ну допустим, вопросы возникли. А ответы на них тут тоже выдаются?

– Вселенная всегда отвечает на внутренние просьбы каждого человека, присылая в его жизнь необходимые послания и нужных людей, способных помочь в решении тех или иных задач. Это – универсальный закон. Главное – твоя личная готовность к переменам, Клим.

– А откуда ты знаешь, как меня зовут? – моментально насторожился Клим. Не иначе как этот шустрый парень заглянул в документы, когда переносил его одежду.

— Ах да, извини, я не успел представиться... Очень рад нашей встрече. Я — твой Ангел-Хранитель! — лучезарно улыбнулся спасатель и протянул свою тонкую руку.

Клим ошарашенно посмотрел на чудака, а потом громко рассмеялся.

— Ну, студент, ты даешь! Молодец — развеселил... А ты, оказывается, не только очень умный, но еще, как я погляжу, и очень скромный! Хотя, если разобраться, ты действительно мой ангел-спаситель.

— Если точнее, то СПАСАТЕЛЬ, — с легкой улыбкой поправил чудак. — Это моя официальная должность, а по иерархии я значусь как Посланник. Хотя, если честно, — доверительно сказал он, близко наклонившись к Климу, — мне не нравится ни первое, ни второе определение. Первое звучит почти как Спаситель, но это — привилегия Высшего Руководства, а второе у меня ассоциируется с какой-то вынужденной миротворческой акцией или разовой миссией милосердия. А вот Хранитель — совсем другое дело! И по смыслу, и по содержанию.

— Ну хорошо, Хранитель, — подхватил забавную игру Клим. — А звать-то тебя как?

— По-древнееврейски — Малах, по-гречески — Ангелос, но ты зови меня проще — Гел.

— Слушай, я ошибся, — сказал Клим, с трудом сдерживая улыбку. — Я беру назад свои предположения о ботанике. Ты что, из церковно-приходской школы или из театрального института? Классно это у тебя получается! Будь я мнительной и экзальтированной особой — сто процентов поверил бы! Браво!

— Да у меня пока еще мало что получается, — искренне вздохнул студент, — но очень надеюсь, что получится. С твоей помощью.

— Слушай, а ангелы-хранители — это те, которые при рождении даются? — Клим не спешил прерывать странную беседу. Свежий воздух, чудесное место и оригинал-фантазер отвлекли его от мрачных мыслей, и даже головная боль окончательно приутихла.

— При рождении, — кивнул спасатель.

— Значит, ты — мой персональный телоХранитель? Что ж так слабенько работаешь? — съязвил Клим.

— Это ты о своей болезни? — переспросил спасатель. — Ты сам взял ее на себя. Это — следствие, а первопричина имеет давнюю кредитную историю, в которую я не имею права вмешиваться.

— А ты откуда знаешь?!

«Местный экстрасенс, что ли?» — мелькнула догадка.

— *Состояние нашего тела, его физического и душевного здоровья является зеркальным отражением жизненной философии человека*, — как ни в чем не бывало продолжил странный собеседник.

— Слушай, не грузи! — со злостью отмахнулся Клим. — У меня — рак.

— Знаю, — мягко сказал чудак, спокойно выдерживая натиск стальных сверлящих глаз. — Ты зря злишься и обижаешься. Вон уже какую цепочку себе накрутил!

— Какую еще цепочку? — уже более миролюбиво спросил Клим. А вдруг этот крымский «гуру» действительно что-то знает?..

— Обида — это долго сдерживаемый гнев: на себя, на других, на жизненные обстоятельства. Это своего рода энергетический тромб, который представляет для жизни человека серьезную угрозу. Самое опасное в обиде то, что однажды она внедряется в тело и, разрастаясь, начинает блокировать нормальное движение энергии, что может обернуться всевозможными опухолями. А на самом деле жизнь системна и гармонична, просто нужно, Клим, понять ее правила игры. И правило номер один — умение ПО-НАСТОЯЩЕМУ быть СЧАСТЛИВЫМ.

Клим поднялся с нагретой подстилки и подошел к морю, разминая затекшие ноги. День клонился к закату, и казалось, что вся окружающая природа готовилась к встрече ночного покоя: улеглись беспокойные волны, приутих строптивый морской ветер, смолкли голосистые чайки... Меланхоличный слабый шум прибоя и звенящая тишина приятно обволакивали тело, расслабляли напряженные нервы. У него не было сейчас особого

желания вступать в долгую дискуссию, тем более о болезни и о счастье...

— Да что ты знаешь о счастье, философ?! — неожиданно для себя сказал Клим, резко обернувшись к парню. — Я не знаю, чему там тебя научили на вашем философско-богословском факультете, но понятие счастья — одна из ведущих иллюзий человечества. Это призрак, мираж в пустыне; повод, чтобы отвлечь мозги от привычных вещей. Счастье — это такая же размытая абстракция, как и любовь, не имеющая ни определения, ни состояния, ни конечной цели и придуманная человечеством исключительно для того, чтобы такие мечтатели, как ты, не остались без пищи для размышлений.

— СЧАСТЬЕ — это информационно-энергетическое состояние ДУШИ, — произнес спасатель и бросил в воду маленький круглый камень, — а все остальное, и в первую очередь так называемые привычные вещи, не что иное, как круги на воде.

— «Привычка свыше нам дана — замена счастию она», — задумчиво процитировал Клим.

— Насчет «свыше» — не уверен, а вот с тем, что привычки — обманчивый заменитель счастья, полностью и целиком согласен. Более того, это один из самых распространенных наркотиков нашего времени. Вот скажи, Клим, тебе знакомы беспричинная хандра, глубокое уныние и смертная тоска, которые появляются из ниоткуда и внезапно, наваливаясь всей своей тяжестью? Впрочем, можешь не отвечать — я и так знаю ответ. А ведь в этом состоянии время от времени находятся все смертные, которые годами живут под тяжестью своих привычек и боятся высунуть нос наружу, чтобы не увидеть там истинную причину происходящего. Да, им неуютно и дискомфортно, но они к этому ПРИВЫКЛИ! Конечно, проще толкаться в душной и тесной комнатке своей старой жизни и успокаивать себя традиционными и пустившими корни в саму душу мыслями типа: «Судьба у меня такая», «Не всем же должно повезти в этой жизни», «Значит, так сложилось...», «И ведь многие другие точно так же живут!». Тысячи поколений старались над созданием разрушительной МАШИНЫ ПРИВЫЧЕК, которая перемолола миллионы судеб, не говоря уже о самих душах! Хотя, безусловно, грусть, тоска и прочее могут быть вызваны целым рядом объективных причин: проблемы на работе, развод, безденежье, болезнь, отсутствие любви, измена, предательство... Но на самом деле все это побочные явления и следствие отсутствия самой главной причины: умения быть счастливым.

— Толковый ты парень, Гел, или как там тебя... — сказал Клим, внимательно выслушав собеседника. — Когда я был в твоем возрасте, я тоже подобным образом мечтал, рассуждал, анализировал, верил... Но жизнь берет свое. Я повзрослел и понял, что все гораздо сложнее. У каждого свое понимание счастья. Сугубо индивидуальное.

— Ваше человеческое счастье настолько же «у каждого свое» и имеет такие же «громадные» отличия, как, к примеру, лица китайцев отличаются от лиц европейцев. Два глаза, два уха... Так и счастье — оно абсолютно для всех одинаково. Индивидуальны лишь поверхностные его ощущения. Даже тоска, Клим, эта внезапная тоска, которая периодически терзает всех людей по «разным причинам», не что иное, как грусть души по давно утраченным мечтам...

— Э-э-э, друг, я тоже когда-то пытался найти дорогу в утерянный рай и даже повести за собой все человечество, освещая ему путь собственным горящим сердцем, — усмехнувшись, перебил его Клим. — Все прошло. Как выяснилось, человечеству в одну сторону, мне — в другую, а законы бытия изменить нельзя...

— А их и не нужно менять! — воскликнул чудак. — Их надо ЗНАТЬ и ВЫПОЛНЯТЬ — только тогда есть шанс ЧАЩЕ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ!

— Ну и что для этого требуется? — скептически спросил Клим.

— Нужно иметь цельный фундамент души и четкую внутреннюю систему координат, которая совпадает со вселенской. Как Полярная звезда в системе координат Земли, которая всегда указывает на север, — ответил спасатель и, поднявшись, встал рядом с Клином возле самой кромки моря. — Вот смотри, ты же не видишь вдалеке морское дно? Там, на глубине, оно скрыто от глаз, но ты веришь, что оно там есть. Поверхность могут баламутить любые волны и шторма, но все равно они не нарушают стабильности и постоянства дна как

фундамента. Так вот, с душой происходит то же самое. Состояние души – не поэтическое словосочетание, а очень глубокая и фундаментальная по своей сути информационно-энергетическая субстанция. Все видимые проявления твоей жизни – это периодические всплески на воде, вызываемые то положительными, то отрицательными эмоциями. Но что бы ни появлялось на твоей «поверхности» – будь то настоящий шторм или просто игривые барашки, – никакая суета сует не нарушит твой прочный фундамент, если ты сам его не разрушишь. Вспомни декабрьскую катастрофу 2004 года. В результате сильнейшего цунами погибло более 300 тысяч человек в шести странах Юго-Восточной Азии. А знаешь, с чего все началось? С нарушений в самом фундаменте! Сдвиг тектонических плит Земли в акватории Индийского океана буквально через несколько минут повлек за собой разрушительную волну цунами, которая уничтожила тысячи населенных пунктов и сотни тысяч жизней. Понятно для сравнения? Так вот, чтобы волны твоей жизни не превратились в разрушительное цунами, нужно иметь в душе настоящий и прочный фундамент и не позволять его расшатывать обидой, злобой, завистью и гневом. Это может оказаться смертельным для твоей же жизни.

– Говорить всегда легко, а вот сделать… – ухмыльнулся Клим.

– Вселенная не знает, что значит – не умею. *Божественная мудрость и законы Мироздания всегда были доступны для всех. НУЖНО ЛИШЬ ОТЫСКАТЬ ИХ В СВОЕМ СЕРДЦЕ...*

– Ну а смысл в чем, философ, в чем смысл жизни? – взорвался Клим, нарушая звенящую тишину. – Мне все равно скоро КОНЕЦ, или ты чего-то так и не понял?! Перед тобой стоит смертельно больной человек, а ты ему втираешь о настоящем счастье!..

– ТО, ЧТО ГУСЕНИЦА считает СВОИМ КОНЦОМ существования, СОЗДАТЕЛЬ ВИДИТ НАЧАЛОМ НОВОГО ЭТАПА ЖИЗНИ, то есть бабочки, – тихо, но очень убедительно произнес спасатель. – Ты слишком долго находился в закапсулированном состоянии, однако у тебя есть выбор: или немедленно разорвать свой «кокон» и выбраться наружу, или оставаться в нем до самой смерти.

– Ты что, студент, решил меня жизни поучить?! – ощетинился Клим.

– Когда ученик готов, тогда и появляется учитель, – совершенно благодушно сказал чудак, пропустив мимо ушей колкость.

– Это ты себя, что ли, учителем называешь? – иронично вставил Клим и хотел было продолжить…

Но тут откуда-то сверху раздались громкие и настойчивые гудки автомобиля. Клим подошел к подножию горы и рассмотрел появившуюся на вершине фигуру своего водителя.

– Клим Александрович! – закричал Ильич, подбежав к самому выступу. – Вы в порядке?

– В полном! – отозвался Клим. – Жди меня наверху. Сейчас поднимусь.

– Помощь нужна? А то я уже начал беспокоиться – вы мне долго не звоните, а ваш мобильный оказался вне зоны доступа.

– Нет, нет, все нормально! – крикнул Клим и повернулся, чтобы попрощаться со спасателем. В следующее мгновение он не поверил своим глазам: берег был пустынным, а на том месте, где пару минут назад стояла причаленная лодка, беззаботно плескались одни лишь волны.

– Эй, студент! Ну и шутки у тебя… Я ухожу!

Похоже, чудак таким образом теперь решил продолжить свои странные игры.

– Философ, выходи! Хочу тебе еще раз спасибо напоследок сказать! – морщась от холода, Клим зашел по колено в воду и попытался заглянуть за большие валуны, выглядывающие из воды. Ответом по-прежнему был размеренный шелест моря и ленивый крик редких чаек, пролетающих над волнами.

– Фантастика! – Клим раздосадованно пожал плечами и, повыше закатав намокшие брюки, начал подниматься на гору.

– Вы там что-то потеряли? – спросил Ильич, когда Клим вскарабкался наверх. – Я

видел, как вы бегали по берегу...

— Да, человека одного... — Клим с трудом переводил дыхание после крутого подъема. — Кстати, ты не заметил, куда он делься?

— Кто? — удивился Ильич. — Кроме вас, внизу никого не было — пляжный сезон-то уже закончился!..

— Прямо никого не было! — хмыкнул Клим и потянул ошарашенного водителя к краю обрыва. — Хочешь сказать, что ты отсюда ничего не видел?! Вон там, возле берега, стояла спасательная лодка. А вон там, где сидел я, был еще один человек — худощавый такой, щуплый с виду парень. Ну и?..

— Да нет, Клим Саныч, — простодушно ответил Ильич, — я же говорю, что никого не видел. А когда это было?

— Ты что, издеваешься?! — взвился Клим. — Я говорил с этим человеком до тех пор, пока ты меня не позвал!

Водитель промолчал, поскольку это был как раз тот случай, когда ему действительно нечего было сказать. А Клим почувствовал, как его рассудок вдруг резко начал мутнеть.

«Или вокруг меня сплошные идиоты, или... это я сошел с ума!..»

— А где это вы так вывалились? — добродушно заметил Ильич, заботливо отряхивая пиджак шефа. — Ох, и налипло тут на вас всякого — песок, репьяки, водоросли, даже перья какие-то! Чайки не нападали? — пошутил водитель, сдувая в сторону небольшое перо цвета чистого снега.

Клим молча, с остановившимся взглядом смотрел в одну точку — туда, где совсем недавно стояла спасательная лодка.

— Клим Саныч, с вами точно все в порядке? — с тревогой в голосе переспросил Ильич.

— Так, говоришь, ничего не видел? — Клим угрожающе прищурил стальные глаза. — Значит, по-твоему следует, что я сошел с ума, да?!

— Ну что вы! — испуганно замахал руками Ильич, прекрасно знавший нрав своего шефа. — Я мог и ошибиться... Знаете, как иногда зрение подводит в сумерках...

— В том-то и дело, что НЕ ЗНАЮ! — рявкнул Клим и быстро направился к машине. Ему захотелось домой. И как можно скорее.

По пути в Киев он заснул быстро — под тихую колыбельную мурлыкающего двигателя и под ненавязчивое мельканье придорожных огней. Он спал крепко и без сновидений, как обычно спит каждый здоровый человек, не терзаемый физической болью и тяжелыми мыслями. Единственное — прежде чем провалиться в благодатную нирвану, ему на секунду привиделись пушистые морские барашки, плавно и легко покачивающие лодку с надписью «Спасатель», и лицо ее странного хозяина — одухотворенное и светлое, похожее на старинные иконные лики из маленькой приходской церквушки, в которую Клима водили пару раз в далеком детстве. И мелодичный звук...

«Ангеле Божий, хранителю мой святый, на соблюдение мне от Бога с небес данный! Прилежно молю тя: ты мя днесь просвети, и от всякого зла сохрани, ко благому деянию настави, и на путь спасения направи. Аминь».

Глава 3 Пробуждение

*Это лишь открытие того, что ты уже давно знаешь.
Ричард Бах. Иллюзии*

— Доктор! Кажется, я серьезно болен! — бледный, взъерошенный и растерянный Клим сидел в кабинете Ивана Ивановича и напряженно пытался правильно сформулировать свою мысль.

— В вашей ситуации это звучит как мрачная шутка из разряда чернейшего юмора! Уж

куда более серьезно... – доктор настороженно смотрел из-под толстых очков на своего пациента.

– Да я все понимаю! – нетерпеливо перебил Клим и, вскочив со стула, стал отсчитывать шаги вдоль Ивана Ивановича. – Я о другом говорю! По-моему, ко всем моим «радостям» присоединилась еще и шизофрения с глюками – галлюцинациями и видениями... Только честно, док, – такое бывает в подобных случаях? Если да, то я бы лучше предпочел эвтаназию, чем планомерное умирание в состоянии полного разлада с собственной психикой!

– Сядьте, успокойтесь и расскажите по порядку, что произошло, – Иван Иванович мягко, но уверенно усадил Клима на стул и протянул стакан воды.

– Ну и ну! – выдохнул доктор после сумбурного монолога Клима и промокнул платком раскрасневшееся лицо. – Меня не Ангел ваш беспокоит, а ваше безалаберное отношение к себе и к своей жизни! Сколько бы вам ее ни осталось (а об этом известно одному Господу Богу), вы не имеете морального права так рисковать и срываться в таком состоянии не то что в другой город, а даже в другой конец Киева! Это легкомысленное и безответственное поведение! Ну как так можно, Клим? В чужом месте и без помощи! – От возмущения полное лица доктора еще больше побагровело. – Вот что я вам скажу! Вы остаетесь у нас и пробудете под наблюдением столько, сколько на это потребуется времени, тем более что вы и так проигнорировали начало лечения. Мы сделаем повторные анализы и проведем первый курс химиотерапии и только потом отпустим вас восвояси, но с подпиской о невыезде! Ишь, какой камирадзе! Вместо того чтобы использовать пусть последний, но шанс и бороться за жизнь, он решил начать ритуал прощания! – уже более спокойным тоном закончил доктор свой приговор.

– А вы верите в ангелов? – спросил Клим с горящими от болезненного возбуждения глазами.

– Верю! – убежденно отрезал Иван Иванович. – Верю в силу коллективного бессознательного, а еще в то, что возможности человеческого мозга даже наполовину еще не изучены. А к изучению души вообще не приступали. Не знают, с какой стороны подойти. Это значит, что шанс есть всегда. Живите, Клим, и не сдавайтесь!

* * *

Его разбудили одновременно ослепительный свет полной луны в приоткрытых оконных жалюзи, нестерпимое чувство жажды и сильное жжение в голове, напоминающее быстро разгорающийся костер. Он приподнялся на кровати – и тут же рухнул обратно. В глазах потемнело, и, как на черном экране, закружились разноцветные точки.

– Тихо, тихо, сейчас все пройдет! – чья-то мягкая рука бережно приподняла с подушки горящую голову Клима и поднесла к запекшимся губам спасительную прохладу. После нескольких глотков воды он почувствовал, как тьма постепенно уходит.

Он посмотрел по сторонам и с удивлением обнаружил, что находится не в своей палате. Комната была явно больничной, только гораздо больше и шире по размеру, чем палата; вокруг виднелась какая-то аппаратура, тускло мерцали лампочки... «Так, началось! Очередная галлюцинация – засыпал в одном месте, а проснулся – в другом! Мне сейчас только Ангела тут не хватает, чтобы продвинуться в своем сумасшествии еще на один шаг!...»

– Уже легче? – щелкнул выключатель, и свет настольной лампы отчетливо осветил фигуру в белом халате, сидящую чуть поодаль от кровати Клима за небольшим рабочим столом. – Отлично! – не дожидаясь ответа, воскликнул тот же энергичный мужской голос. – Сейчас мы сделаем легенький укольчик, примем лекарства, и утро вечера мудренее!

Медбррат или, скорее, дежурный доктор ловко подхватил со стола несколько коробочек с набором медикаментов и подошел к Климу. В отличие от всех сонных в ночное время дежурных этот был на удивление бодрым и полным сил, как будто только что сделал зарядку

после долгого и здорового сна. Он доброжелательно улыбнулся и внимательно посмотрел на Клима. Взгляд очень светлых глаз был таким изучающим и пронзительным, что Клим непроизвольно почувствовал себя будто на рентгене.

– Вы дежурный врач? – спросил он, наблюдая, как доктор ловко разбивает ампулу с лекарством и вводит содержимое в шприц.

– Конечно. И не волнуйтесь – вы заснули вечером прямо на обследовании, поэтому Иван Иванович решил вас не беспокоить и не везти в палату. Так что отдохните пока здесь.

Боль утихла, но и спать перехотелось, и Клим ворочался на кровати, с любопытством наблюдая за дежурным врачом. Довольно молодой, он был похож на прилежного практиканта, старательно выполнившего свою работу. Аккуратно сложив медикаменты, он поправил накрахмаленную шапочку и опять усился за стол. Пролистал небольшую книгу, а затем живо подскочил и, мурлыкая себе под нос незамысловатый мотивчик знакомой песни, принял энергично вырисовывать разноцветными маркерами на доске для записей, висящей на соседней стене, непонятные графики и схемы. Чертежи были из разряда физики или химии: какие-то сообщающиеся сосуды, стрелки, направления движения…

– Я не мешаю? – через плечо вдруг спросил врач, как будто почувствовав на себе пристальный взгляд Клима. – Надо срочно сделать одну работу, а другого времени на нее нет!

– Научная работа? – поинтересовался Клим.

– Что-то типа этого… – поворачиваясь к нему, рассеянно ответил врач. – Кстати, раз вам пока не спится, разрешите задать один вопрос – ну так, из серии «опрос общественного мнения».

– Да пожалуйста! – расслабленно зевнул Клим, наслаждаясь благодатным покоям после отпустившей острой боли.

– В ЧЕМ СМЫСЛ ЖИЗНИ?

– Ого! Это у вас тема такая?

Он с еще большим любопытством уставился на странного врача. «Да нет… Вроде не шутит. А вот глаза как горят – ну точно жертва науки!»

– Смысль жизни? – с запинкой ответил. – Да не знаю я! Хотя нет этого смысла вообще – каждый живет так, как ему живется!

– Я так и думал! Спасибо! – почему-то обрадовался медик и дорисовал еще одну стрелочку в своем чертеже. – Вы – типичный психотип «Я властелин – царь животных».

– В смысле? – Клим чуть приподнялся.

– В смысле «Я не знаю и не вижу смысла жизни, поэтому поступаю так, как мне хочется!». Я прав? – с улыбкой спросил врач. – Кстати, именно так живет 90 процентов всего человечества!

Климу сейчас меньше всего хотелось вступать в философские дискуссии с «маньячащим» медиком, но ему стало слегка обидно за 90 процентов человечества.

– У жизни нет иного смысла, чем борьба за выживание. Разве этого не достаточно? – добавил он.

– Ну конечно! Все та же борьба за выживание! – еще больше обрадовался чудной врач, как будто бы Клим своими простыми ответами открывал Америку. – Нижайший поклон старине Дарвину за то, что ему так гениально удалось заморочить мозги не одному поколению!

– А при чем тут обезьяны? – удивился Клим. Его познания о легендарном ученом ограничивались лишь фактом эволюции развития от примата до человека.

– В том-то и дело, что ни при чем! – эмоционально воскликнул собеседник. – Дарвин явил человечеству теорию выживания, согласно которой в этом мире может выжить только сильнейший и приспособленец!

– А разве не так? – спросил Клим, почувствовавший прилив бодрости от неожиданного разговора на очевидно спорную тему; это ему всегда нравилось.

– Гипотеза Дарвина строится по системе войны – уничтожение слабого и власть силы.

Но она не имеет ни конечной цели, ни своего логического завершения, кроме самоуничтожения, – чувствовалось, что заумный врач оседлал своего любимого конька. – Эволюционируя по правилу «сожри своего соседа», кто же останется на этой земле после того, как все слабейшие окажутся съеденными и уничтоженными?

– А у вас есть альтернатива? – усмехнулся Клим, предвидя, что его собеседника сейчас понесет.

И он не ошибся.

– Конечно! – воодушевленно воскликнул врач. – Это моя разработка и гипотеза, над которой я работаю тысячи лет. Единственная и очень простая в применении Система Миропостроения по Создателю, основанная на СЧАСТЬЕ как на главном смысле жизни для всех людей.

«Час от часу не легче! – в сердцах подумал Клим. – Называется, не успел заснуть! Теперь этот сумасшедший дежурный сектант уже не остановится и будет продолжать свои проповеди до самого утра. Везет мне в последнее время... Одновременно со смертным приговором на меня посыпались сплошные «предложения» о счастье!»

Он принципиально решил больше не поддерживать этот разговор и демонстративно отвернулся к стене, тем самым дав понять, что диалог закончен.

– Тем не менее, громко отнекиваясь от смысла жизни, мы все в глубине души надеемся его найти и обрести наконец долгожданный душевный покой, – как ни в чем не бывало уже ровным и спокойным голосом продолжил чудной врач. – И тут у меня все так просто: «Нате, берите свое Счастье!» – говорит Создатель. Ведь ему самому выгодно, чтобы на земном шаре было как можно больше людей, которые чаще ощущают себя счастливыми.

– В чем выгода? – не выдержал и буркнул в подушку Клим.

– А выгода состоит в том, что наша планета является специальным инкубатором душ, которые необходимы Создателю в определенном информационно-энергетическом состоянии. Но, к сожалению, так сказать, качественных попадается совсем немного, и Он вынужден заниматься постоянной сортировкой душ: одни – подходят, другие – на переработку, а третья – вообще в мусорную корзину.

– Просто фабрика грез какая-то! – съязвил Клим. – И что же Он потом делает с качественным продуктом?

– А это уже не наши проблемы! – встрепенулся собеседник. – Подпитывает Вселенную чистыми энергиями, отправляет в Рай – как хотите, так и понимайте. Какая разница, что будет потом? Главное – что здесь и сейчас у людей есть возможность прожить счастливую и взаимовыгодную для вас и для Создателя жизнь. Это типичный бартерный обмен. Он нам – Счастье сейчас, а мы ему – качественные души – потом. И все от этого только выигрывают!

– Это и есть ваш спецпроект? – Клим отвернулся от стенки и кивнул на доску с нарисованными таблицами.

– Да. Схема Системы Миропостроения, – просто ответил врач, как будто бы речь шла о решении примитивной математической задачки.

– А какое это имеет отношение к медицине? Или вы это так, по совместительству?

– По совместительству! Мы все что-то совмещаем в этой жизни и порой сами не знаем, в чем заключается наш истинный выбор. Хотя к медицине это имеет прямейшее отношение. Наверняка вы знакомы с процессом деления клеток. Так вот, жизнь человечества с его системой продолжения рода – очень похожи. Если нарушается системный и «скучный» процесс правильной жизни в семье и она распадается, создавая новые семьи или не создавая... Ускоренное деление и размножение... Это очень напоминает деление клеток злокачественной опухоли. Ой, простите, наступил на больное место. А как вы себя чувствуете? – Он присел на край кровати и взял руку Клима. – Я смотрю, пульс уже в норме – это отлично! Выпейте-ка вот это, и пожалуй вам пора спать, а то я тут заболтал вас своей философией!

«А парень на своем месте! – отметил про себя Клим, чувствуя, как исчезает легкое раздражение. – Не каждый дежурный врач будет так внимателен к пациенту, да еще в

ночную смену. Видно, все «сектанты» по своей сути добрые и отзывчивые, хоть и нудные слегка».

– Так что там надо для счастья? – в знак благодарности за оказанную заботу поинтересовался Клим.

– Всего лишь выполнить три задачи: научиться самому быть счастливым, родить детей и обучить их искусству счастья, – ответил врач.

– Вы хотите сказать, что счастье заключается в рождении ребенка? А не слишком ли это просто?

– Вот именно! – хитро улыбнулся врач. – Создателем была придумана примитивнейшая технология быть счастливым даже в момент зачатия ребенка!

– Ого! Это вы о сексе? – оживился Клим.

– Конечно! Хотя я бы предпочел другое название: занятие Любовью, игра энергиями любви. Так больше подходит для разумных человеческих существ, которые способны не ограничиваться простыми животными инстинктами. Детей же научить быть счастливыми можно только на своем положительном примере. И для этого Создателю пришлось немного потрудиться и подготовить нам специальную Инструкцию, отвечающую на вопрос: «Как стать счастливым».

– И где эта инструкция по эксплуатации счастья? – Клим почувствовал новую волну интереса кциальному разговору, который его даже уже начал слегка веселить.

– У меня на столе, – ответил врач, пропустив мимо ушей очередную порцию иронии. – Только не по эксплуатации, а по ВЫРАБОТКЕ СЧАСТЬЯ.

С этими словами он протянул Климу небольшую книжку, аккуратно завернутую в плотную синюю обложку.

– Это же Новый Завет! – открыв книгу, удивился Клим.

– А что вас так удивляет?! – в свою очередь изумился ночной собеседник. – Новый Завет – это самая оптимальная инструкция, в которой еще две тысячи лет назад была поставлена новая задача человечеству по сохранению души в определенном информационно-энергетическом заряде. В моей теории – это «идеальный» заряд.

– Что значит новая?

– Перед появлением Нового Завета мир жил по старой инструкции, названной Ветхим Заветом, но там стояли несколько другие задачи, касающиеся в основном правил выживания после проведения необходимого мытья планеты.

– Это вы о Всемирном Потопе? – догадался Клим. – Но почему вы его назвали необходимым?

– Потому что это естественно. Создатель всегда организовывает такие «большие стирки», когда его основные задачи, поставленные перед человечеством, или успешно выполняются, или с треском проваливаются. Вы в каких отношениях с техникой?

– В общем-то в дружеских... Хорошо разбираюсь, а что?

– Тогда я тебе, – врач доверительно перешел на «ты», – как технарю объясняю. Помнишь советские аккумуляторные батареи? Когда они выходили из строя, их не выбрасывали и не покупали новые, как это делается сейчас, а вымывали, чистили и перезаряжали, после чего они работали как новенькие.

– А, понял, это Боженька так земную «батарейку» перезаряжал? Круто! Спасибо, что хоть не выбросил за ненадобностью!

– Значит, срок годности ее истек, и не нам судить дела нашего Создателя, – довольно-таки строго осадил его врач. – Ты спросил – я отвечаю: после промывания, то есть Потопа, нужно было опять населить Землю, и желательно как можно качественнее. Вот под эту задачу и была написана первая ветхозаветная поведенческая инструкция для управления массами людей, основанная на всем известных десяти заповедях.

– А почему она отменилась?

– Она не отменилась, а трансформировалась и дополнилась новыми пунктами, в которых Создатель увидел особую необходимость. Смысл в том, что после перезарядки так

называемая аккумуляторная батарея стремительно развивалась и набирала свою силу за счет прироста людей. Но когда их численность достигла необходимого уровня, Создатель поставил перед ними другую качественную задачу: «Не только управляйте массами, а научитесь управлять лично собой!» То есть Новая инструкция была разработана для каждого персонально и была посвящена частным правилам жизни ДУШИ внутри тела.

— И что ты с таким умением делаешь в этой больнице? — сказал Клим. — Ты же можешь докторскую на эту тему защитить, если, конечно, твою идею не сочтут бредовой.

— А ты как считаешь? Сочтут? — рассмеялся доктор, снимая с головы шапочку и приглаживая рукой растрепавшиеся светлые волосы.

— Ну... Не мне судить. К своему стыду, я так и не прочитал Библию, а то, что знаю, это всего лишь короткие отрывки.

— Например?

— Например... — замялся Клим. — А вот, вспомнил! «Кто не с нами, тот против нас». Это я еще с детства помню — постоянно кричали с ребятами, когда в «войну» играли.

— Как все запущено, — полуслыша-полусерьезно покачал головой собеседник. — Даже дети в своих играх выкрикивают давно устаревшие ветхозаветные правила! А знаешь, что самое грустное? Вырастая, они успешно их применяют в своей взрослой жизни! Тут тебе и пересечение с теорией Дарвина: побеждает сильнейший, уничтожая живущего по правилам, счастливого человека. Рекламисты и психологи хорошо знают, что приставка «НЕ» не воспринимается человеческим мозгом. Вот и получается: «Кто с нами — тот против нас», все враги. А потом удивляешься, почему вокруг так много измены и предательства.

— А что говорит Новая инструкция? — с любопытством спросил Клим, листая страницы Нового Завета.

— «*Кто не против нас — тот с нами*». Если убрать «НЕ» и подытожить все сказанное в Инструкции, можно сказать: «*Даже те, кто против нас, тоже с нами*», просто мы еще не успели с ними поделиться нашими знаниями. Кстати, первое, что сделал откомандированный Создателем на Землю Инструктор — он на своем примере показал эффективность новых информационно-энергетических правил...

— Инструктор — это...

— Совершенно верно! Это Инструктор — идеальный образец человека, который умеет любить и прощать. Так вот, он первым делом заменил старые ветхозаветные нормы на новые, многие из которых до сих пор с трудом воспринимаются людьми. Еще бы! Гораздо проще воспользоваться простым и проверенным методом «Око за око и зуб за зуб», чем попытаться понять и применить на практике информационно-энергетическое правило Новой инструкции — Прощение... Сложно, правда? Лучше сразу вмазать в глаз, чем разбираться, что там две тысячи лет назад имел в виду Инструктор.

— А вот тут твоя Инструкция откровенно хромает! Я бы тоже вмазал своему обидчику, вместо того чтобы добровольно превратиться в безмолвную «грушу» для битья! — возмущенно сказал Клим. — Или ты что, тоже согласен с таким садомазохизмом?

— Там, где Инструктор советует подставлять вторую щеку, он учит нас пользоваться энергетическими, а не физическими законами. А смысл в следующем: «*Останови их своим принятием, прощением и любовью — тогда они и сами остановятся!*» ПРОЩЕНИЕ и ЛЮБОВЬ — вот ключевые понятия Новой инструкции! Вот еще один пример. «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего», — призывает Ветхий Завет, на что Новый говорит: «*Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благоворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас*». Что все время пытался показать Инструктор в период своего пребывания на Земле? «*Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный, ибо вы созданы по его образу и подобию — в свете абсолютной ЛЮБВИ*».

— Все это очень сложно, переварить надо... — буркнул Клим. Всегда, когда что-либо было неясно или недоступно для восприятия, у него появлялась защитная реакция в виде сарказма или раздражения. Вот и сейчас он почувствовал приближение очередной смены

настроения. «Это же надо было так втянуться в этот долгий и заумный разговор!»

– Все в этом мире живет по закону Резонанса, – продолжил собеседник, пристально глядя на Клима своими пронзительными и яркими глазами. – Если тебя что-то особенно раздражает – значит, именно в этом и таится корень твоей собственной проблемы!

«Виши какой умник! Даже настроение мое уловил!» – подумал Клим и попытался сказать как можно более доброжелательным тоном:

– Да я ж не спорю... Просто на изучение Библии нужно потратить немало времени и приложить немало усилий как уму, так и сердцу, а уже потом делать какие-то выводы.

– Речь идет не о Библии в целом, – заметил врач, – а о маленькой Инструкции совсем небольшого объема. Еще две тысячи лет назад было четко сказано: «Человек! Выучите новую Инструкцию, а затем, если вам будет интересно узнать больше, читайте все остальное!» А в чем наша гигантская проблема? Книгу начинают читать с первой страницы и вязнут в Ветхом Завете, так и не добрались до Нового. Ну вот, посмотри! – Он взял неизвестно откуда появившуюся увесистую Библию и быстро отсчитал в ней нужные страницы. – Видишь? Вот это и вся Инструкция! Неужели так сложно? Да проще некуда! Я уверен, что если ты возьмешь для сравнения инструкцию... ну, предположим, к ноутбуку, то она окажется куда сложнее и больше, чем эта Инструкция для твоей души, которая размещена на 120 страницах. Но если учесть, что это – четырехкратное изложение одного и того же, только под разным углом зрения, то получается в среднем всего лишь каких-то 30 страниц текста!

– Ну а если еще более конкретно? – уперто спросил Клим.

– Куда уж более конкретно?! Или 30 страниц текста – для тебя тоже много?

– Подожди, не кипятись, я о другом! – Клим уловил легкое замешательство этого умника. – Любая инструкция подразумевает конкретику – некие шаги, изложенные четко и последовательно. Раз ты меня уже зацепил этой своей темой, давай выкладывай до конца. Где тут шаги к Счастью, если я тебя правильно понял?

– О-о-о! Зацепил – это хорошо! – искренне обрадовался чудак и торжественно сказал: – Ты будешь удивлен, но в этой Инструкции есть всего лишь два шага, ДВЕ ЗАПОВЕДИ, которые нужно знать, как таблицу умножения! «*Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твою, и всем разумением твоим*». А отсюда следует и вторая: «*Возлюби ближнего твоего, как самого себя*». И это – все! В этих двух заповедях утверждается весь закон Создателя, и на них же базируется Счастье, а точнее, его ощущение человеком. Однако, чтобы было еще проще, Инструктор великодушно приложил к ним алгоритм реализации этих заповедей: «И ТАК ВО ВСЕМ, КАК ХОТИТЕ, ЧТОБЫ С ВАМИ ПОСТУПАЛИ ЛЮДИ, ТАК ПОСТУПАЙТЕ И ВЫ С НИМИ». И я не перестаю удивляться, почему люди сознательно отказывают себе в удовольствии получать настоящее наслаждение от жизни! Согласись: никто добровольно не хочет страдать, быть униженным, нищим, одиноким и угнетенным. Все хотят любви, радости, добра и счастья! Нужно только понять, что другой человек, как бы он ни поступал и что бы он ни говорил, изначально настроен на то же самое. Так вот, это и есть золотое правило – алгоритм, применимый к любой жизненной ситуации: проблемам на работе, неприятностям в семье, с детьми... Да к чему угодно! Как только ты научишься зеркально смотреть на конфликтную ситуацию – не погружаясь в нее по уши, как мы все это делаем, а созерцая со стороны, – то поверь, она непременно разрешится с минимальными потерями для тебя! Надо всего лишь поставить себя на место другого человека и представить: а что бы ты сам сделал или захотел сделать в данном случае?

– Все?! – отозвался Клим, внимательно выслушав эмоциональный монолог своего собеседника. – Вот это и вся инструкция к счастью?

– Ну конечно! Ты же сам попросил ничего не усложнять и предъявить тебе конкретные шаги, что я и сделал! В чем заключается суть? Как только я начинаю выполнять все эти инструкции и следовать заданному алгоритму их решения, я начинаю ЧАЩЕ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ СЧАСТЛИВЫМ! Ты уловил мою мысль? Это и есть взаимная

выгода! Нам совершенно бесплатно предоставлены нужные знания, благодаря которым мы качественно и счастливо проживаем эту жизнь, после чего душа покидает тело в «идеальном» информационно-энергетическом заряде, необходимом Создателю. Ну ладно, все, а то я действительно тебя заболтал, вместо того чтобы следить за твоим спокойным сном, – неожиданно сказал доктор и приподнялся со стула.

– Да нет! Я уже не буду спать! – Клим вдруг ощутил, что ему сейчас совсем не хочется оставаться наедине со своими мыслями. Голова была на удивление легкой и светлой. Он даже почувствовал что-то похожее на умиротворение – неожиданное для него состояние в последнее время!

– Ну, в таком случае можешь мне составить компанию по традиционному утреннему кофепитию! – улыбнулся врач и включил электрочайник. – Тебе – по спецзаказу: кофе без кофеина!

– И на том спасибо! – в свою очередь улыбнулся Клим и с наслаждением вдохнул – комната постепенно наполнялась душистым кофейным ароматом – запахом ТОЙ, здоровой жизни.

Дежурный выключил ночник и полностью поднял жалюзи, впуская в палату первые лучики восходящего солнца.

Клим с огромным удовольствием выпил ароматный кофе и попросил еще.

– Вот ты говорил о дефиците счастья, – заговорил он, пока врач колдовал над приготовлением новой порции. – Конечно, чаще всего люди не считают себя абсолютно счастливыми, но при этом они не называют себя несчастными! Может, им этого вполне достаточно?

– Это все – игра слов! Когда мы не ощущаем счастья, мы являемся несчастливыми, то есть несчастными. А посему надо искать и находить всевозможные технологии, чтобы люди как можно чаще испытывали это состояние и хоть изредка заглядывали в Инструкцию.

– Пожалуй, эта Инструкция сейчас мало кого интересует.

– Будем называть вещи своими именами – она вообще практически не выполняется! – вздохнул доктор. – Поэтому неудивительно, что человечество все чаще попадает в тупиковые ситуации с многочисленными катастрофами, катаклизмами и болезнями.

– Тут все понятно, – прервал его Клим. Упоминание о болезнях опять вызвало раздражение. – При такой экологии и тараканы дохнут!

– Можно лечить и вылечить любую болезнь, только устранив причину, а причина таится глубоко в нас самих, – мягко, но настойчиво заверил врач. – Причем каждый человек на подсознательном уровне прекрасно знает, за что и почему он платит, но категорически отказывается что-либо изменить. Ведь что такое болезнь? Это состояние, при котором накопленная негативная энергия превысила критическую черту, и организм, как единое целое, тут же выходит из равновесия. Если, к примеру, из душевной боли не сделано никаких выводов, то она быстро перерастает в физическую, после чего уже пораженное тело начинает кричать «SOS», чтобы болью привлечь внимание к своей первопричине. Градусником пользуются все. Если температура выше или ниже нормы, то сразу же к врачу... Так вот, температура 36,6 – это «идеальная температура» для тела. А ощущение счастья – «идеальный заряд» души. Просто мы не научились измерять и осознанно корректировать этот заряд.

– Раз ты такой умный, то объясни мне напоследок, почему возникает рак? – мрачно сказал Клим. – Интересно узнать, от чего я умираю!

– Об этом лучше тебя самого никто не знает! – врач пристально посмотрел на него. – Думаю, у тебя еще достаточно времени, чтобы разобраться в причинах! Чем больше накопилось стрессов, тем сильнее болезнь. При быстром накоплении происходит инфаркт или инсульт, а при медленном – развиваются различные онкозаболевания, от которых сейчас умирает больше всего людей. Рак – это болезнь, вызванная страхом, накопленными обидами, дефицитом любви и подавленными эмоциями, которые сначала застrevают в организме, а затем там капсулируются, приживаются и наконец потом вызревают раковой опухолью.

– Спасибо, Гиппократ, ты меня утешил! – грустно усмехнулся Клим. – Все было очень

интересно и познавательно. Увы, но твоя Инструкция по счастью для меня не актуальна. Ты прекрасно знаешь, что мой счетчик уже включен и тикает с бешеною скоростью, поэтому я не то чтобы родить – даже сделать ребенка уже не успею! Максимум, на что я способен, – это прочитать Инструкцию в 30 страниц текста и уйти в мир иной хорошо проинформированным.

– Роза, которую человек держит в своей руке, и роза, которую он себе представляет, пахнут одинаково, – сказал врач с мягкой улыбкой на просветленном лице. – Главное – не количество прожитых дней, а действительно счастливые мгновения! Проживи счастливую жизнь три месяца, три дня, три минуты... Да не важно, хоть три секунды! Поймай это состояние и насладись этим чувством в полной мере, сколько бы тебе ни было отведено на это времени! Система Миропостроения организована так, что можно стартануть в любой момент. В любом возрасте, в любом состоянии и при любых обстоятельствах у каждого есть возможность начать быть счастливым!

– И с чего ты посоветуешь мне начать в моем состоянии? – Клим сделал ударение на последних словах.

– ПОВЕРЬ, что ты был очень правильно создан для выполнения вселенской задачи. Каждый человек – это творение Создателя по его образу и подобию. ПОВЕРЬ! И, КАК ТОЛЬКО ТЫ В ЭТО ПОВЕРИШЬ, автоматически включаешься в Систему, точно так же, как компьютер включается в сеть. А без этого ты, как твой выключенный ноутбук с закрытой инструкцией, будешь бездействовать и лишь изредка задумываться над тем, чем бы тебе заняться и для чего тебя создали. Оглянись вокруг! У тебя есть самое главное: инструкция по твоему применению и розетка, дающая питание. Так включайся в сеть! А включившись, полюби себя таким, каким тебя создали, – со всеми твоими «глюками» и изъянами; полюби всех таких же, как ты, и освободи наконец свою душу от годами накопленного мусора и пыли в виде страхов, обид, злости и ненависти. ПОЧИСТЬ СЕБЯ, и тебе тут же станет легче дышать. Не спорю, это кропотливая и ежедневная работа над собой – не забывать регулярно включаться в сеть, а в случае «технических» сбоев быстро перезагружаться или ставить антивирусные программы. Но поверь, оно того стоит! Включение в Систему позволит тебе почувствовать внутри себя неистощимый источник Жизни, способный на любые преобразования. Поэтому я и говорю, что за несколько дней можно успеть сделать гораздо больше, чем за всю прожитую жизнь. Даже за несколько секунд до смерти к человеку может прийти СОЗНАНИЕ И ОСОЗНАНИЕ СЧАСТЬЯ! А ради этого стоит жить! И не важно, сколько тебе осталось...

Эти фразы Клим слышал уже отдаленным эхом и в густом тумане – на него внезапно навалилась дремота, борясь с которой было бессмысленно. Последнее, что он запомнил, прежде чем провалился в глубокий сон, – это прохладный глоток воды, которую ему поднес заботливый доктор.

* * *

...Необыкновенно яркое для осеннего дня солнце залило всю палату и разбрзгало по стенам сотни неугомонных солнечных зайчиков, один из которых – особенно настырный – все время прыгал по его лицу. Клим открыл глаза и прищурился от света. Первое, что он почувствовал, это было необыкновенно бодрое физическое состояние – казалось, что энергия бурлит в каждой клеточке тела и стремится вырваться наружу.

Поднявшись, он с удивлением обнаружил, что опять находится в своей палате. «Это же надо было так вырубиться! Даже не заметил, как обратно сюда перевезли!»

– Ну что, проснулся, путешественник? – как всегда, громкий и звучный голос предшествовал появлению самого Ивана Ивановича.

Заводелением в сопровождении двух медсестер быстро подошел к Климу и тут же рявкнул командным тоном:

– А ну-ка, немедленно в постель! Ишь, какой живчик! И голову аккуратнее на подушку

положи! Олечка, принесите ампулу! Ирина, через полчаса повторим диагностику! – Молниеносно раздав наставления, он присел на кровать и стал изучающе заглядывать Климу в глаза. – Ну-с, неплохо, неплохо... Как ты себя чувствуешь? Как голова? Не кружится? Не тошнит?

– Иван Иванович, столько вопросов одновременно и столько суеты вокруг моей персоны, что я даже не знаю, что вам ответить! – рассмеялся Клим. – Видно, я так крепко вчера вечером заснул на обследовании, что сейчас готов на любые подвиги: энергии – хоть отбавляй!

– Так-так, все подвиги пока отставить! – сказал доктор, подготавливая его руку для внутривенного укола. – Тем более что свой главный подвиг ты уже совершил этой ночью!

– Это какой? – удивился Клим.

– Вернулся! – радостно ответил Иван Иванович, легонько хлопнув Клима по плечу. – Ох и напугал ты нас, хотя и удивил одновременно! Я же всегда говорил, что ты – боец по натуре, справишься! Молоток! На удивление быстро пришел в себя!.. А о каком это ты обследовании говоришь? – вдруг насторожился доктор.

– А вы о чем, Иван Иванович? – Клим почувствовал, как от странного предчувствия у него непроизвольно сжалось сердце. – Я говорю о вчерашнем обследовании, на котором я нечаянно заснул, и вы решили меня не везти в палату. По крайней мере так мне объяснил дежурный врач.

– Да... – широкая улыбка мигом сошла с лица доктора, и он осторожно спросил: – Клим, какой дежурный врач, где ты его видел?

– Как это где? – предчувствие усилилось и обдало неприятным холодком. – Понятно где – там, где вы меня оставили. Причем не только видел, но и полночи с ним проговорил – классный специалист и очень интересный человек! К сожалению, имя у него даже не спросил... Может, вы подскажете? Такой энергичный, лет тридцати с виду, светловолосый, и глаза у него очень необычные – яркие, пронзительные...

– Можешь дальше не продолжать, – коснулся его руки Иван Иванович и медленно произнес, аккуратно подбирая слова: – Клим, ты всю ночь был в реанимации – в очень тяжелом, я бы даже сказал, критическом состоянии... Ты все время был без сознания, поэтому не мог ни с кем разговаривать. А где-то уже под утро вдруг все как рукой сняло! Мы даже решили, что приборы из строя вышли! Так что видишь, какая у тебя жизненная хватка?! Вот ты уже и в палате и в бой рвешься!

– Так я что... умирал? – прошептал Клим непослушным языком.

– Но ведь не умер же! – опять бодро воскликнул Иван Иванович. – Есть чудеса на свете – так что давай продолжай сражаться в том же духе, и у тебя все получится!

– Иван Иванович, а дежурный? – Клим отказывался понимать суть происходящего. Скорее заведующий был больше похож на сон, чем загадочный ночной собеседник.

– Клим, у нас не было и нет такого сотрудника, – по-отечески жалостливо посмотрел на него доктор, – а в реанимации за тобой наблюдал я собственной персоной, и дежурили несколько медсестер, а еще – известный тебе реаниматолог Павлов. Так что... Лучше забудь этот сон и думай о хорошем! Хочешь – телевизор немножко посмотри, книжку интересную почитай... Кстати, я смотрю, ты этим уже занимался? – сказал Иван Иванович, вытягивая из сбившегося одеяла Клима небольшую книгу в плотной синей обложке. – Ого! Ты читаешь Новый Завет?!

– Наверное, да... – только и смог ответить Клим, осталбенело глядя на знакомую ему Инструкцию.

* * *

«Ладно, я готов признать себя сумасшедшим, но с одним-единственным условием, – рассуждал Клим после того, как остался один в палате. – Если мне объяснят, как эта книга оказалась у меня. А раз никто этого объяснить не может, то, значит, я не сумасшедший!»

Он осторожно взял книгу, будто она все же была иллюзией и могла испариться от его прикосновения, и покрутил ее в руках. Из страниц Нового Завета выскользнуло маленько белое перышко и плавно опустилось на кровать.

Клим открыл Инструкцию на первой странице и увидел вложенный туда листик, на котором ровным и аккуратным почерком было выведено:

Памятка

Что нужно для развития ДУХА:
ВЕРА – открывает дверь для входа;
ВОЛЯ – дает силу и желание идти;
ЗНАНИЕ – дает умение двигаться в правильном направлении;
НАДЕЖДА – дает крылья;
ПРОЩЕНИЕ – дает свободу;
ЛЮБОВЬ – дает жизненную энергию.

А с другой стороны Клим прочел следующее:

«Тест: узнай за одну секунду, завершена ли твоя миссия на Земле! ЕСЛИ ТЫ ЖИВ – ТО НЕТ!»

(Ричард Бах)

* * *

«Пока можешь быть свободен», – лаконичная фраза Ивана Ивановича перед выпиской из больницы прозвучала не слишком оптимистично. Но если не думать о «пока», а сконцентрировать свое внимание на драгоценной свободе, то полученная отсрочка придавала жизни даже нечто похожее на смысл.

Клим с несказанным удовольствием стряхнул с себя палатную атмосферу, пропитанную запахами лекарств и больничным духом, и окунулся в свой привычный мир, который совсем недавно был для него единственной существующей реальностью. Он жадно с удвоенными силами накинулся на работу, так что все сотрудники были уверены – их шеф в полном порядке и добром здравии. Он не разглашал свой диагноз и не давал никому повода усомниться в своей работоспособности. Создавалось впечатление, что все вернулось на круги своя: привычные деловые встречи, стратегическое планирование и подписание контрактов, традиционные «мальчишники» по средам и даже «пятницы-развратницы» в компании прелестных Барби... Все то же и все те же, за исключением строго расписанной схемы приема лекарств и неусыпного, как сказал доктор, наблюдения за своим состоянием. Впрочем, Клим чувствовал себя довольно-таки неплохо и даже позволил себе немного притупить бдительность – насыщенный и активный образ жизни действовал на него, казалось, гораздо эффективнее, чем интенсивное больничное лечение.

Неожиданно для себя он вспомнил некоторые забытые оздоровительные техники и приемы родом «из детства». Теперь медитация периодически помогала тормозить стремительный поток навязчивых мыслей, когда безнадежность накатывала стихийной волной.

А впрочем, Клим лукавил. Привычный образ жизни, отключение мозгов и успешная борьба с негативными мыслями – это все бегство от реальности и сплошная иллюзия. Но реальность заключалась не в смертельном диагнозе, пусть даже с поправкой: «во всех правилах бывают исключения». Он не мог забыть удивительные события, произошедшие с ним за последний месяц.

«Говорят, что в состоянии отключки в реанимации еще не такое может привидеться! – неоднократно повторял он себе. – И все-таки как быть с Системой Миропостроения?..»

Основные правила Инструкции и главный алгоритм их воплощения упорно не хотели выходить из головы.

Новый Завет, кем-то заботливо завернутый в плотную синюю обложку и случайно (?) оказавшийся в его палате, перекочевал к нему домой и был торжественно водружен на центральную книжную полку как памятный знак «чудесного воскрешения» в ту странную ночь. Он там и простоял несколько недель, пока наконец Клим не решился открыть Инструкцию. Почему-то он даже не сомневался, что найдет там именно то, что подсознательно искал!

«Нет, сынок, я никогда не читала тебе на ночь Библию!» – своим ответом мама уничтожила последний аргумент, способный объяснить таинственную ситуацию. Итак, раз эта информация не была извлечеными из глубины памяти размытыми детскими воспоминаниями, то его положение гораздо серьезнее, чем он думал...

Периодически всплывал в сознании и морской «ангел»-спасатель, хотя Клим с самого начала вынес ему не поддающийся сомнению приговор: «Начитанный и разговорчивый местный сумасшедший, страдающий от нехватки общения».

Итак, «ангел» был успешно разоблачен. Но его туманные рассуждения о счастье мистическим образом переплетались с ночными галлюцинациями и откровениями фантомного «доктора» в реанимации.

Пытливому и настырному уму Клима становилось все теснее в замкнутом кругу сплошных вопросов, остававшихся без ответов.

«За всю мою жизнь со мной еще никогда так много не говорили о счастье, вернее, не говорили вообще, – поймал себя на мысли Клим. – Такой вот парадокс: чтобы всерьез об этом задуматься, нужно почувствовать дыхание смерти!»

«Нет, я еще не сошел с ума!» – сказал он себе, в один прекрасный день решительно остановив свою машину возле самого большого в столице книжного магазина «Слово».

«Проще привыкнуть к боли, неудачам, болезням, поражениям и серой рутине, чем открыть двери в НЕИЗВЕСТНОЕ и решиться на ПЕРЕМЕНЫ. Большинство людей пугает пустота. Но пустота – это НАЧАЛО, которое требует заполнения. А это заполнение могут дать только решительные и правильные действия, основанные на ЗНАНИИ», – – кажется, так сказал мой знакомый «ангел». И может, в знаниях я действительно найду ключ к разгадке или по меньшей мере хоть какое-то объяснение этим аномальным явлениям».

– У вас есть что-то про ангелов? – несколько смущенно спросил Клим у миловидной продавщицы-консультанта.

– Отдел эзотерики, весь второй ряд, – профессионально отчеканила девушка. Ее совершенно не удивил подобный вопрос.

Клим подошел к указанным стеллажам, обозначенным как «эзотерическая, духовная и психологическая литература». Полки ломились от обилия имен, названий и авторских методик из серии «Как стать богатым и успешным за три дня». Он в растерянности перебирал книги, удивляясь тому, как быстро поиск вечных вопросов превратился в целую индустрию по производству «пилюль для души». Изредка среди «100 способов изменить себя» и «101 вариант присушек» попадались знакомые имена: Фрейд, Юнг, Блаватская, Рерих, Ошо, Дипак Чопра, с помощью которых много лет назад юный Клим пытался докопаться до истины и ответить на волнующий вопрос: зачем мы приходим в этот мир? Поиски тогда прервал отчим, резко опустив его на греческую землю: «Вся эта философия – пустая болтовня и дурная трата времени, а смысл жизни можно найти только в той литературе, которая учит, как зарабатывать деньги!»

– Наверное, это то, что вы ищете, – пожилой мужчина с внешностью книголюба со стажем вернулся из нахлынувших воспоминаний в реальность.

– Что я ишу? – Клим вздрогнул от неожиданности и с любопытством посмотрел на нежданного помощника. Тот был похож на профессора дореволюционных времен: этакий рафинированный интеллигент с благородной сединой, аккуратной бородкой, в элегантном костюме старомодного покроя, в очках с тонкой оправой, напоминающих пенсне.

— Я слышал, вы ангелами интересовались, — с этими словами «профессор» протянул Климу небольшую книгу в современной глянцевой обложке: — Рекомендую Ричарда Вебстера «Ангелы-хранители и Духи-проводники». Там про ангелов — вполне правдоподобная и доступная информация.

Клим наобум открыл книгу, прочел первую попавшуюся фразу: *«Ангелы рядом с нами, когда мы творим добро, и они покидают нас, если мы совершаём неправильные поступки...»*

— Значит, у большинства ангелов сейчас затянувшийся уик-энд, — скептически хмыкнул Клим.

— Вы намекаете на то, что современный мир настолько погряз в распрах и злобе, что ангелам проще оставить человечество, чем продолжать бессмысленное сражение за бессмертные души? — улыбнулся «профессор», и его не по возрасту молодые и ясные глаза вспыхнули каким-то озорным блеском. — Так-то оно, конечно, так, но заметьте, они покидают, а не оставляют навсегда, то есть готовы вернуться! Иначе осталось бы невыполненным главное вселенское предназначение, — добавил он заговорщицким тоном, слегка понизив голос. — Большинство людей осознают наличие ангелов только после того, как услышат тихий голос внутри. Этот голос обычно называют СОВЕСТЬЮ, и рано или поздно он прорывается практически у каждого человека.

— Вы в это верите? — спросил Клим с иронией.

— Молодой человек, по долгу службы мне приходится в это верить! — серьезно ответил «профессор». — Я уже столько лекций по этой теме прочитал на своем веку, что мне было бы нелепо сомневаться. Кстати, небезызвестный Карл Юнг, в нормальности которого никто не сомневался, утверждал, что ангелы — это замыслы и озарения Божьи; а старина Фома Аквинский считал, что они представляют собой некие мыслеформы, состоящие из воздуха того места, в котором они появились. Более того, хочу вам заметить, ангелы могут быть как видимыми, так и невидимыми, а когда пожелают, то предстают в облике любого человека и влияют на любую ситуацию.

— То есть возможна их материализация?

— Материализация — условное понятие, — заметил собеседник. — Зачастую, проявляясь в реальной жизни, ангелы действуют через посредников и привлекают нужных людей в нужное место, но подчас они и сами встречаются на путях человека и становятся видимыми с помощью интуитивно-чувственного восприятия. Я понимаю, в это трудно поверить, — книголюб как будто бы моментально улавливал направление мыслей Клима, — ведь человеческий разум реагирует только на то, что можно пощупать и увидеть собственными глазами. Вот скажите, я — реальный?

— Более чем, — Клим был явно удивлен таким неожиданным поворотом разговора. — На фантом и уж тем более, простите, на ангела вы никак не тянете!

— А я и не претендую! — задорно рассмеялся «профессор». — Но если для вас — я самая что ни на есть типичная реальность, причем достаточно занудная и навязчивая (опять поймал!), то для других я могу быть иллюзией, не входящей в их поле зрения и восприятия. *Каждый человек видит то, что хочет увидеть!*

— Так вы, значит, предлагаете мне поверить в ангелов?

— Я вам ничего нелагаю! — весело ответил «профессор», перебирая книги на полке. — Я всего лишь подсказал вам источник, в котором сможете найти ответы на актуальный для вас вопрос. Тем более что вы сами уже готовы в это поверить! — он хитро подмигнул Климу и добавил: — А вот откройте наугад любую страницу! Проверим, как действует закон резонанса. Ну, смелее, смелее, вас это ни к чему не обязывает!

Клим открыл книгу и прочитал:

— *«Вместе с верой в существование ангелов мы открываем наши души и пускаем ангелов в наши жизни. Вера в ангелов позволяет нам достигнуть высот саморазвития, она обостряет нашу интуицию и пробуждает наши творческие способности.*

Можно сказать, что ангелы — это форма, образы или выражения мысли, благодаря которым передается Божественная сущность и сила».

– Вот видите! – радостно воскликнул «профессор». – Значит, вы действительно готовы поверить в Божественную силу и принять ее помощь, а зачем вам это – это уже ваше личное дело.

– А что, общение с Создателем может осуществляться только посредством ангелов и проводников? Других вариантов коммуникации не существует?

– Это один из самых распространенных способов. В Библии прямо сказано, что Бог общался с людьми через своих посланников. Например, Лот разговаривал с двумя ангелами, ангел Божий спас Илию от голодной смерти, Авраам услышал Бога во сне... Да существует масса примеров как из далекого прошлого, так и из настоящего! Правда, в последнем случае это почему-то не слишком афишируют... Узнавая своих ангелов, мы приглашаем их в нашу жизнь и тем самым делаем ее полнее и богаче. Иными словами, общаясь с Ангелом-Хранителем, мы получаем из бесконечного и вечного источника Космической Мудрости нужную и полезную информацию, которую мы и так давно знаем, просто забыли по своему невежеству или еще не успели открыть.

«Давно знаем», – отозвалось эхом в сознании Клима. Нечто похожее ему уже говорил на берегу моря чудаковатый «ангел»-спасатель и нашептал в ночи фантомный дежурный врач... Не слишком ли много совпадений за последнее время? А может, на самом деле, согласно закону резонанса, подобное притягивает к себе подобное, и все эти странные чудаки, появляющиеся на его пути, все видения и фантазии воспаленного болезнью воображения сводятся к одному и тому же: пришло время узнать. И лучше поздно, чем никогда...

Поблагодарив «профессора» за подсказку, Клим направился с книгой к кассе. Пожалуй, на сегодня информации было более чем достаточно.

– Постойте, молодой человек, чуть не забыл! – на полпути остановил его неугомонный книголюб. – Не хочу вас излишне загружать, но на будущее очень рекомендую прочитать еще вот что, – он держал в руках книгу, на обложке которой Клим успел заметить лишь синее небо и облака, – здесь описывается не только работа ангелов, но и механизм действий самого человека, который может привести или к полноценной жизни, или к трагическому финалу. В зависимости от того, как человек этим воспользуется.

– Как называется? – Клим вернулся к «профессору».

– Очень символично! – ответил тот, показывая обложку, на которой почему-то был изображен мольберт с холстом и яркой надписью «ПЕРЕКРЕСТОК».

– Да, символическое название, – не стал спорить Клим.

– Еще какое! – многозначительно отозвался книголюб и поднял указательный палец. – Начнем с того, что сам крест – это вообще универсальный символ, известный с глубокой древности и объединяющий всех нас в коллективном сознании.

– Ну это всем известно, – быстро перебил Клим, предчувствуя, что любознательного старичка трудно будет остановить.

Он не ошибся...

– Крест – это могучий символ космической оси координат, проходящей сквозь небо и землю, в котором соединяются противоположности и проявляются все аспекты мироздания. А перекресток, как место пересечения вертикального и горизонтального планов, место объединения времени и пространства, отражает момент встречи с собственной судьбой и символизирует ВЫБОР человека.

– «Перекресток семи дорог – жизнь моя...» – напел Клим строчку известной песни Макаревича.

– Вот именно! – обрадовался «профессор». – Жизнь – это неограниченное количество перекрестков, на каждом из которых человек неизменно сталкивается с выбором: в какую сторону свернуть и по какой дороге продолжить свой путь. Это поистине судьбоносный момент, который очень важно не пропустить и принять правильное решение, от него будет зависеть вся дальнейшая жизнь. Перекресток не случайно является олицетворением человеческих страхов и надежд, это как краткая остановка перед началом нового пути.

– А кто определяет количество перекрестков и, главное, правильность выбранного маршрута? – неожиданно увлекся Клим.

– Ты, ты и только ты! – воодушевленно ответил «профессор». – Только сам человек может почувствовать, где и когда он подошел к очередному судьбоносному перекрестку и куда затем нужно повернуть. А вопрос правильности выбора определяется временем – рано или поздно жизнь покажет, в чем успех, а в чем – поражение. К примеру, лично вы запросто можете проанализировать качество прожитых лет и выделить основные перекрестки своей жизни, на которых вы либо оступились, либо повернули в нужную сторону.

– Ну, могу, – мрачно сказал Клим. – Что толку их анализировать, если эти перекрестки остались в прошлом, а ошибки все равно нельзя исправить, поскольку выбор уже давно сделан?

– Боюсь показаться банальным, но *никогда не говорите «никогда»*, – загадочно улыбнулся книголюб. – Ситуацию-то вы, конечно, не измените, а вот свое отношение к ней пересмотреть вполне реально. И тогда прошлое будет в помощь вашему настоящему и существенно повлияет на светлое будущее!

Резкий звонок мобильного телефона прервал разговор. Клим, извинившись, отошел в сторону: это Иван Иванович держал под контролем ситуацию и приглашал Клина на очередное «свидание», как он завуалированно называл лечебные процедуры.

Быстро отрапортовав о своем самочувствии и договорившись о встрече с доктором, Клим повернулся к «профессору», но того и след простыл.

Клим несколько раз обошел лабиринты книжных стеллажей, однако случайный консультант как в воду канул.

«Жаль, – подумал Клим, продолжая бродить по магазину. – Я даже как следует поблагодарить его не успел за проявленное внимание... А вот «Перекресток» я бы почитал», – решил он и вернулся к отделу эзотерики и психологии, из недр которого «профессор» извлек заинтересованную его книгу. Но, тщательно перерыв всю литературу, он ее не нашел – видно, книголюб забрал единственный экземпляр.

Рассчитываясь за Вебстера, Клим поинтересовался у продавца о наличии книги.

– Как вы сказали? – переспросила девушка, открыв электронный каталог.

– «Перекресток». Только вот имя автора, к сожалению, не успел узнать. Но название точное!

– Судя по всему, вы ошиблись, – объявила продавец через пару минут. – В нашем каталоге книга под таким названием не числится, а значит, и в продажу она не поступала.

– Да я своими глазами видел! – вспылил Клим. – Десять минут назад мне ее показал один ваш покупатель!

– Я не могу ошибиться, – обиженно надула губки продавщица. – Кстати, в нашем магазине – самый полный ассортимент всех книжных изданий. Так вот вашего «Перекрестка» даже в ожидаемых новинках нет!

– Ну, значит, я все-таки ошибся, – сконфуженно сказал Клим и машинально стряхнул с пиджака прицепившееся маленько белое перышко...

Глава 4 Вера

*И все, чего ни попросите в молитве с верою, получите.
Евангелие от Матфея, глава 21, стих 22*

«Первые упоминания об ангелах мы находим у древних жителей Ассирии и Вавилона. Народ Вавилона верил, что у каждого есть свой ангел-хранитель. Под ним они подразумевали сверхъестественное существо, которое помогает в трудную минуту...» Поздно вечером Клим пролистывал Вебстера втайной надежде на снотворное или по крайней мере успокоительное воздействие этой книги. Но сон не шел, зато появились

вопросы, будоражащие и без того воспаленную голову. Автор настолько естественно и непринужденно описывал различные контакты и всевозможные способы общения с высшими проводниками, что Клим почти был готов взять обратно диагноз «шизофрения», поставленный студенту-умнику, с которым беседовал на берегу моря. А тут еще на следующей странице прочитал, что 29 сентября церковь отмечает День Всех Ангелов. А ведь именно на эту дату он был неожиданно вызван в Крым таинственным сообщением, а на следующий день встретился с...

«Элементарное совпадение. ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!» – Клим резко захлопнул книжку и проглотил снотворное, чтобы уже наверняка провалиться в глубокий сон. Его рассудок все же категорически отказывался верить в существование ангелов, хотя душа откуда-то из глубины робко шептала: *«А ты поверь и прими...»*

Пытаясь заснуть, он крутился в смятой постели, то переворачивая подушку, то встрахивая одеяло. Измученная и уставшая физическая оболочка молила об отдыхе, но внутреннее напряжение и работа мозга заблокировали все входы и лазейки для сна.

Снотворное не действовало, а головная боль внезапно опять включила свое долгильное сверло и впилась в мозг.

«Проанализируйте перекрестки своей жизни, и вы поймете...» – как удар колокола, прозвенел голос «профессора», и шум в голове усилился, а перед глазами замелькали нарезки кадров из собственной жизни. Это были не мягкие и спокойные воспоминания, утешающие сердце и облегчающие душу. Лица, искаженные обидой, заломленные в немом отчаянии руки, и целое разноголосье, состоящее из высоких нот раздражения и гнева... Юношество, молодость, зрелость – везде Клим крушил, давил, ломал, предавал и отвергал... Как будто бы вся его жизнь состояла только из этих неблаговидных моментов, а ничего хорошего вообще не было! «Смотри, смотри, – прорвался внутренний голос, – вот они, твои перекресточки, мелкие и крупные, заметные и не очень... Ну что, хочешь на каком-нибудь остановиться? Если нет – то поехали дальше!»

Он был не в состоянии вынести этот поток мутной грязи, воскрешающей призраки прошлого в людях и событиях. Страх, отвращение и горечь парализовали тело и разрывали на куски сердце, готовое, казалось, выпрыгнуть из грудной клетки.

«Я умираю, – без эмоций и сожаления подумал Клим, захлебываясь в темных страницах своей истории. – Перед смертью человек видит разные картинки из прошедшей жизни... Так говорят... А потом будет суд... Господи, прости меня!»

Его накрыло последней волной воспоминаний-видений: полные грусти и любви глаза на иконе, отдаленным эхом – мелодичные голоса церковного хора и огонек свечи в его руке. Огонек разгорался, становился все больше и больше, стекал раскаленным воском по рукам, превращался в пламя, которое поглощало все вокруг, а потом внезапно погасло. Полная темнота. *«Да будет воля Твоя...»*

* * *

...Его голос был мягким и плавным, в унисон с легким морским ветром и ласковым шумом спокойных волн. Казалось, он не рассказывает, а поет душевную колыбельную, на которую откликается сердце и замирает от тихой радости и покоя:

– Умер праведник – достойный человек, всю жизнь пытавшийся жить честно и по совести. Попав на небеса, он увидел Господа и рискнул предъявить Ему свои претензии: «Вот дал Ты мне, Господь, Ангела-Хранителя при рождении... Когда я был здоров, красив, богат, удачив и любим женщинами, то в минуты отрады я иногда оборачивался назад и видел за спиной возле своих следов отпечатки его ног. Он всегда был рядом, разделяя мои успехи, славу и победы. Но когда пришла старость и одолели болезни, когда предали друзья, бросили женщины и изменила удача – я из последних сил полз вперед и все время оборачивался в надежде на его помощь. Но сквозь слезы и отчаяние я видел только одни следы на песке... Зачем Ты, Господи, дал мне такого ангела, который был со мной только в

добрьес времена, а в злыес – отвернулся?»

Господь внимательно выслушал праведника и снисходительно улыбнулся: «Ты ошибаешься, полагая, что он тебя покинул! Когда тебе было плохо – это он тебя поддержал, это он пронес тебя на руках через все беды и страдания. Оборачиваясь назад, ты действительно видел только одни следы. Но это были не твои следы, а ангела, несшего тебя на руках...»

Закончив свое повествование, он легко спрыгнул с высокого камня, выступавшего из воды, и встал на знакомом берегу Фиолента, сложив руки у себя на груди. Клим завороженно на него смотрел, боясь вспугнуть нечаянное видение.

Да, это был тот самый студент-спасатель, но что-то в нем изменилось, а вот что – он не мог понять. Та же худощавая фигура, тот же бронзовый загар, те же непослушные длинные волосы, выбеленные солнцем и морем... Только вместо полотняных шорт и старенькой футболки он был одет в красивую белоснежную рубашку из какой-то полупрозрачной, почти струящейся ткани и такие же светлые брюки свободного покроя. Его глаза – большие и выразительные, цвета чистого малахита, казались еще ярче при солнечном свете и излучали необычное внутреннее сияние, силу которого можно было только почувствовать.

– Где твои крылья? – нарушил молчание Клим.

– Не ищи своего Ангела-Хранителя глазами – все равно не увидишь! – задорно, по-мальчишески рассмеялся спасатель и, пробежавшись по воде, как по катку, принес из дальнего грота причудливую ракушку и сунул ее в руку Климу.

– Конечно, я бы мог подумать, что попал в рай, если бы не определенные жизненные обстоятельства... – растерянно пробормотал Клим.

И тут, как по взмаху волшебной палочки, Фиолент преобразился: он расцвел, засверкал всеми красками спелой весны, источая нежный бодрящий аромат.

– И не надейся! – опять засмеялся спасатель и уже совершенно серьезно добавил: – Хотя... *Место твоего Покоя – это и есть уголок рая в твоей душе.* А легенду я тебе рассказал только потому, чтобы опередить твой вопрос. Так вот, мораль сей басни такова: в тяжелые минуты разочарования и потерь не гневите Создателя – Он не случайно дает вам испытания, а вместе с ними – вашего Ангела-Хранителя, который всегда незримо присутствует возле вас с первой и до последней минуты пребывания в этом мире!

– Ах... – споткнулся на первом слове Клим. – Кажется, Гел?.. Я и не думал предъявлять тебе претензии, что ты слегка запоздал, – лучше поздно, чем никогда... НО МНЕ ТРУДНО В ЭТО ПОВЕРИТЬ! – вскричал он и тут же сконфуженно спросил: – Я уже мертв?..

– По-моему, не так давно кто-то прошел универсальный тест, изобретенный прекрасным писателем Ричардом Бахом: «Закончена ли твоя миссия на Земле?» – лукаво подмигнул ему Ангел. – Так вот, идем от обратного: твоя миссия не закончена, Клим, а следовательно – ты жив!

– Даже не знаю, радоваться этому или нет... Мне страшно, Гел! – подойдя вплотную к загадочному собеседнику, Клим коснулся его плеча. Видение не рассеялось – под тонкой и гладкой на ощупь тканью он реально ощутил тепло человеческого тела. – Мне действительно страшно! Я запутался... Я ничего не понимаю – это сон или явь, я жив или мертв, а может, я окончательно сошел с ума, и ты – всего лишь галлюцинация?

– Клим, хватит думать, – мягко перебил его Ангел. – Лучше прислушайся к своим чувствам... Тебя мучает страх? *Твой страх – не что иное, как непринятие себя и неверие в свои силы.* НЕВЕРИЕ – вот твоя ключевая проблема.

– Это я-то не уверен в своих силах? – Клим мигом вышел из оцепенения и пошел в привычное наступление: – Раз ты – мой Ангел, то кому, как не тебе, знать о моих возможностях и успехах?! Или ты не в курсе?..

– О-о-о, узнаю Стального босса! – усмехнулся Гел. – Но мы с тобой сейчас говорим о разных вещах. Да в курсе я, в курсе! Сколько раз я «восторженно» хлопал крыльями и щипал на них перья, когда ты в очередной раз проводил блестящую сделку с собственной совестью! Уж я-то знаю... Да, во внешних проявлениях этого мира ты успешный бизнесмен, настоящий

миллионер, но в своей душе ты – банкрот! Неужели ты, умный, образованный и глубокий человек, искренне веришь в то, что твои круглые счета в банках и есть твое богатство? Смотри глубже: НЕПРИНЯТИЕ СЕБЯ, СВОЕЙ ИСТИННОЙ И СКРЫТОЙ ОТ ГЛАЗ «САМОСТИ» – ЭТО НЕПРИНЯТИЕ СВОЕГО БОЖЕСТВЕННОГО НАЧАЛА, СТЕСНЕНИЕ СВОЕГО ВЫСШЕГО ПОТЕНЦИАЛА, РОЖДЕННОГО ИЗ ВЕЧНОГО СВЕТА. Ты УВЕРЕН в себе, но не ВЕРЕН своему настоящему «Я». Это правда, Клим, божественная правда – *чем больше дано, тем больше спрос*. И как ты воспользовался своими талантами? Да при таком потенциале ты бы мог сейчас чувствовать себя самым счастливым человеком на свете! Но ты умудрился так заблудиться на своих перекрестках, что потерял не только меня – ты себя потерял! А ведь у тебя был прекрасный выбор, и не один раз...

– Ax, ПЕРЕКРЕСТОК... – хлопнул себя по лбу Клим. – Как я сразу не догадался! Но слушай, теоретик, а где ты был, когда я, вместо того чтобы идти прямо, сворачивал, например, налево? И вообще, с чего ты решил, что я ошибся?

– А ты вспомни... – Ангел приложил руку к груди Кlima. Сердце кольнуло и стало гореть огнем. – То-то... Вот здесь и живет твоя истина, здесь хранятся все ответы на твои вопросы. Я был с тобой на каждом твоем перекрестке, я пытался до тебя дотупиться, но с каждым поворотом ты уходил от меня все дальше и дальше, и мне оставалось только бежать за тобой следом и терпеливо ждать того момента, когда ты наконец совершишь самое главное действие в своей жизни.

– Какое?

– Когда ты ВКЛЮЧИШЬСЯ В СИСТЕМУ!

Клим пару секунд пристально смотрел в ярко-зеленые глаза Ангела, а затем, как будто бы найдя в их бездонной глубине подтверждение своим догадкам, спросил:

– Вот ты уже несколько раз вытягивал меня с того света. А зачем? Раз я такой грешник, раз я облажался на всех своих перекрестках, себя потерял, тебя отверг... Чего ты со мной возишься? Проявился практически в finale моей жизни и начал нагружать разными премудростями, которые все равно не изменят мое состояние. Счастье, Миропостроение, Система... Я все прекрасно помню! А что толку мне от этого всего, если уже слишком поздно что-либо менять...

– Вот она, извечная ловушка для вас, людей! – малахитовые глаза Ангела полыхнули внутренним огнем. – «*Mне уже поздно что-то менять*»! Трудно представить, сколько людей проживают свою жизнь с этим тупиковым девизом, прикрываясь им, как транспарантом, за которым и душевная боль, и тоска, и подавленные желания. А это всего лишь лень, страх перемен и отсутствие ВЕРЫ. Никогда не бывает поздно! Ты, наверное, был невнимателен в ту ночь, если не рассыпал главные слова: СИСТЕМА ТАК УСТРОЕНА, ЧТО У КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОДКЛЮЧИТЬСЯ К НЕЙ В ЛЮБОЙ МОМЕНТ, независимо от возраста и обстоятельств. ПОВЕРЬ – искренне и открыто, – и тут же загорится зеленый сигнал светофора, открывающий прямую дорогу в бесконечность. Ведь чем хорошо ключевое слово «подключиться»? Когда ты ВЕРИШЬ, ты являешься элементом единой Вселенской Системы, которая на любом жизненном перекрестке, при любых ситуациях и в момент выбора всегда подскажет верное решение согласно простым и доступным правилам, указанным в Инструкции. Тогда ты действительно становишься Человеком с большой буквы, созданным по образу и подобию Творца, и открываешь в своей душе светлое Начало, направленное на Любовь и Созидание.

– Это единственный вариант подключения, другого быть не может? – Клим почувствовал, как его бунтарский дух постепенно стихает.

– Конечно, не единственный! Изначально Создатель предоставил человечеству полное право ВЫБОРА, ничего не навязывая. Можно подключиться к всевозможным вещам, опять-таки это выбор каждого человека, но он должен взять на себя полную ответственность. Кто-то выбирает анархию, кто-то подключается к системе материальных ценностей и служит им верой и правдой; кто-то обслуживает свои исключительно физические потребности, кто-то верит всякой чертовщине и пытается извлечь из нее пользу, а кто-то вообще живет по

закону всеотрицания... И так можно перечислять до бесконечности. Да, каждый человек имеет полное право на свой личный выбор, другое дело, готов ли он за него заплатить, а платить приходится в любом случае.

– Чем?

– Энергией жизни в разных формах ее конвертации, а конвертироваться она может и в здоровье, и в личные отношения, и в чувства, и в деньги, и в карьеру. Чтобы тебе было проще понять, можно провести аналогию с хорошо тебе известными техническими приспособлениями. Теоретически любой прибор можно подключить к чему угодно, например, телефон – в электророзетку без переходника-трансформатора, хотя он в таком состоянии долго не проживет. Именно поэтому для каждого механизма существуют свои варианты использования, свои провода, штекеры, тумблеры, розетки и даже крошечные микросхемы, которые выдерживают только определенное напряжение в сети. Наша вселенская «сеть» – это наложенная Система Мироздания с конкретной Целью, со своей персональной Инструкцией и с четкими правилами пользования Жизнью, причем настолько понятными и простыми, что я не перестаю удивляться, почему люди продолжают идти по пути соблюдения старых инструкций, если Новую Инструктор лично продемонстрировал почти 2000 лет назад. А теперь мы опять возвращаемся к пункту номер один – в первую очередь нужно ПОВЕРИТЬ.

– Я все понимаю, но не могу ЭТО почувствовать... – Клим отчаянно пытался вырваться из тисков своего логического мышления и настроиться на волну собеседника. – Не могу, и все!..

– ВЕРА – это СОСТОЯНИЕ ТВОЕГО ВНУТРЕННЕГО ДУХА. Она универсальное понятие, фундамент, основа всех основ и связующий элемент остальных звеньев одной цепи, которая и является ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУТЬЮ. Без Веры ты просто висишь в пространстве – ты завис, как компьютер, вырубленный из локальной и глобальной сети. Тогда о каком выполнении Задачи может идти речь?!

– Задачи...

– Задачи – быть ПО-НАСТОЯЩЕМУ СЧАСТЛИВЫМ здесь и сейчас, в Настоящем времени, не оглядываясь в иллюзорное прошлое и не забегая в туманное будущее. ВЕРА – ЭТО БЕЗГРАНИЧНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ БЫТЬ, А НЕ КАЗАТЬСЯ; ЖИТЬ, А НЕ СУЩЕСТВОВАТЬ; ИДТИ НА СВЕТ, А НЕ БРОДИТЬ В ПОТЕМКАХ. Вот скажи, когда ты в последний раз был включен в Систему?..

Клим молчал. Ему не хотелось нарушать необыкновенную легкость, ворошить прошлое и поднимать новую бурю тревожных воспоминаний.

– Ты не отвечаешь, но все прекрасно помнишь, а молчишь только потому, что не хочешь себе в этом признаться... Совершенно верно, Клим, ЭТО было в первый и в последний раз в твоей жизни – ты сам так решил. Однако то, что ты тогда назвал минутной слабостью, – на самом деле было ВСПЛЕСКОМ ВЕРЫ в твоей душе. Только ты испугался непривычного и нового для тебя состояния и благополучно его похоронил на задворках своего прошлого. Но твоя ДУША, задыхающаяся в тесном плenu условностей и ограничений, продолжает тосковать по утраченному Раю. Вспомни: хоть ты и не успел ОСОЗНАТЬ свою Веру, но ты ее хорошо ПРОЧУВСТВОВАЛ...

Конечно, он помнил. Но этот фрагмент из жизни, длившийся ровно три дня и три ночи, был настолько непохожим на другие, что как инородное тело был будто вырезан из его биографии.

Что-то защекотало в носу... Он вдруг почувствовал себя совершенно беспомощным и беззащитным, точно ребенок, которого вынудили раскрыть свою ложь и обнажить долго скрываемую правду.

Пристальный взгляд Ангела заметно потепел. Он подставил ладонь, подхватил пару слезинок, внезапно сорвавшихся с глаз Клима, и тут же протянул ему несколько карамелек в шуршащих обертках.

Клим усмехнулся и облегченно вздохнул:

– Мои любимые... «Барбариски»... Мне их в детстве мама всегда покупала...

– Хочешь поплавать по своим воспоминаниям? – мягко улыбнулся Ангел и кивнул в сторону вдруг появившейся знакомой лодки с надписью «СПАСАТЕЛЬ» на чуть потрескавшемся борту.

Клим сел на лавку, пахнущую мокрым деревом и соленым морем, и лодка медленно отчалила от берега, плавно покачиваясь на волнах его памяти...

* * *

...Это было несколько лет тому назад. Он тогда был настолько поглощен одной крупной сделкой, что не сразу понял смысл происходящего. Его мама в больнице – как гром среди ясного неба! Ей резко стало плохо прямо в автобусе, и ее госпитализировали уже в бессознательном состоянии.

Он немедленно бросил все дела и вскоре без стука влетел в кабинет заведующего отделением кардиологии.

– Обширный инфаркт. Она в реанимации – показатели очень плохие, мы делаем все возможное, но... Не хочу вас обнадеживать... – осторожно начал доктор.

– Что нужно? Деньги, лекарства, лучшие специалисты? Говорите! – закричал Клим.

– Проблема в другом – у нее очень слабое сердце. Остается только уповать на Божью помощь... Не теряйте надежды! – неловко успокаивал заведующий.

Невзирая на больничные правила и запреты, он прорвался в реанимацию. При виде хрупкого маминого тела, потерявшегося на большой металлической кушетке и окутанного бесчисленными проводами, у него самого болезненно сжалось сердце. Она лежала без сознания с подключенным аппаратом искусственного дыхания, какая-то высохшая, посеревшая, очень осунувшаяся и угасшая практически за один день. А может, так было давно? Просто он, круглосуточно занятый своими делами и вечно замотанный (так она говорила), этого не замечал? В лучшем случае раз в неделю – его короткие звонки с формальным вопросом: «Ну, как ты?», быстрые «забеги» к ней по праздникам, но зато – крупная ежемесячная сумма «на проживание», которую она всегда принимала с большим сопротивлением и со слезами на глазах: «Спасибо, сынок, но мне это не нужно!»

«Что ей еще надо?! – искренне недоумевал он после очередного «сражения» с упрямой матерью. – Наконец живет одна в хорошей благоустроенной квартире, наслаждается полной свободой, не знает проблем с деньгами, ест, что хочет, отдыхает, как хочет. И чего же ей не хватает?..»

Только теперь, в реанимации, держа в своей руке тонкую, полупрозрачную руку матери, он наконец понял: ей не хватало ЛЮБВИ! Его тепла, его внимания и его чувств, которые невозможна компенсировать никакими деньгами и другими материальными благами. Когда он в последний раз с нею разговаривал? Просто так – по душам, сидя на ее уютной кухне за чашкой ароматного травяного чая, который она заваривала в смешном цветастом чайнике. И чтобы при этом он не поглядывал втихаря на часы через каждые пять минут и не отвлекался на постоянно звенящий мобильный. Он даже не мог вспомнить, когда это было...

«А что ты вообще обо мне знаешь?» – один-единственный раз с болью в голосе спросила мама в ответ на его незначительный упрек.

Действительно, что он знал об этой женщине, которая его привела в этот мир и посвятила ему всю свою жизнь, а потом тихо и незаметно отошла в сторону? Чем она живет, чем дышит, о чем мечтает, что любит, и вообще – чего ей на самом деле хочется? Он так и не потрудился это узнать – времени не было...

– Мамочка, ты только не уходи! Держись, я прошу тебя! Ты так мне нужна... – прошептал он и нежно поцеловал ее прохладную руку. – Я скоро вернусь, ты потерпи... Я буду с тобой.

Он принял твердое решение, что будет с мамой в больнице столько, сколько на это

потребуется времени – времени на ее выздоровление. Он в это свято верил. Она не может умереть!

Ему не составило особого труда «договориться» с больничным персоналом о том, что он будет не только днем, но и ночью в реанимации.

Он шел торопливым шагом через полупустой больничный двор – оставалось только заскочить домой и взять нужные вещи. Ничто не нарушало тишины – лишь изредка тоскливо вскрикивали одинокие вороны, стряхивая с голых веток деревьев пушистые хлопья первого снега. Вдруг где-то совсем рядом раздался тихий звон. Легкий, мелодичный, он свободно разрезал морозный воздух и вот уже встрепенулся целым хрустальным разноголосием колоколов, затрагивая невидимые струны души, стучась в самое сердце... В маленькой церквушке на территории больницы началась вечерняя служба.

Как загипнотизированный, Клим пошел на этот звук и неожиданно для себя оказался в середине церкви. В мягкой полутьме потрескивали свечи, освещая величественные лики святых на старых иконах, пахло ладаном и царил невероятный покой. Это было похоже на полузабытую картинку из его раннего детства – с ожившими запахами и ощущениями. Когда-то очень давно мама иногда заходила с ним по воскресеньям в небольшую церковь, расположенную недалеко от дома. Ему нравилось рассматривать позолоченные росписи, вдыхать этот успокаивающий запах и самому зажигать свечу возле Распятия. Но очень скоро эти походы прекратились. Отчим, руководствуясь идеальными соображениями и «политикой партии», жестко выбил «этую дурь» у него из головы и запретил маме вовлекать ребенка в свою блажь.

Следуя какому-то внутреннему зову, исключительно по наитию, Клим заказал службу «о Здравии и Спасении», купил свечи и подошел к иконам. Он не был знаком с атрибутами и обрядами веры, не знал слов молитв и не привык просить о помощи – тем более у безмолвных святых. Но сердце само подсказывало нужные слова – они лились из его глубины, отражая все чувства, просьбы и желания. Клим даже не замечал, произносит ли слова вслух или почти безмолвно шепчет одними губами: «Господи, помоги! Дай ей здоровье и спасение...» Сколько времени он молился? Минуту, две или значительно больше? «Не дай ей умереть! Прошу Тебя!» Верил ли он в тот момент? Трудно сказать – он не знал, как это должно быть на самом деле. Но он чувствовал, как душа откликается на зов сердца и раскрывается все шире и шире благодатному потоку, исходящему откуда-то сверху – из золоченых церковных куполов. Вместе с этим росла и крепла его уверенность – ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО. Может, это и есть ВЕРА?..

Он вышел из церкви с легкой и светлой улыбкой – пропала тяжесть, давящая грудь. Уже на обратном пути, по дороге в больницу, он еще раз зашел на церковную территорию и набрал полную бутылку святой воды из маленького источника во дворе, непроизвольно оглянувшись по сторонам – а не заметил ли кто его «слабинку».

Клим несколько суток провел в реанимации, не отходя от мамы ни на шаг. Он с ней тихо разговаривал, поправлял одеяло и, не зная сам зачем, периодически протирал ее лицо и руки водой из церкви.

На третий день ему показалось, что мамины веки чуть дрогнули. Повинувшись какой-то внутренней силе, он намочил водой ее потрескавшиеся губы. А среди ночи его короткий сон прервало легкое прикосновение теплой руки. Клим резко открыл глаза. Мама, с трудом подняв руку к его голове, чуть слышно спросила: «Как ты себя чувствуешь, сынок?» И он разрыдался – первый раз за всю свою «взрослую жизнь», не сдерживая горячие потоки слез и свои чувства.

Мама попросила Библию. Вернее, это он спросил, чего ей хочется. После чуть стесненного и немного робкого ответа он ранним утром сходил в знакомую церковь и купил эту книгу, а заодно еще раз сердечно помолился своими словами возле иконы Спасителя.

И вдруг она попросила у него прощения. Так искренне и душевно, будто бы действительно в чем-то перед ним провинилась. Но ведь это он должен был сказать маме слова раскаяния за то, в чем наконец смог себе признаться! Наверняка она всю жизнь

чувствовала, как он постоянно в душе осуждал ее: за то, что не так жила и не то делала; за то, что родила ребенка в гордом одиночестве; за то, что так долго терпела возле себя деспотичного отчима, не решаясь уйти...

Спустя какое-то время он на полдня вырвался в офис по неотложным делам, а когда вернулся — мамы в реанимации не оказалось. У него подкосились ноги, перехватило дыхание...

— Простите, Клим Александрович, я не успел вам перезвонить, — виновато произнес лечащий врач, выбежав навстречу. — Ей стало намного лучше, состояние стабилизировалось, и мы решили перевести ее в палату. Поздравляю, самое страшное теперь позади!..

* * *

...Лодка уткнулась носом в прибрежный песок. Клим вздрогнул и очнулся, как после глубокого сна. Гел сидел напротив и мастерил ожерелье из маленьких ракушек.

— А что было потом? — спросил он, отложив в сторону свое рукоделье.

— Мама поправилась...

— Ну, это я знаю, — остановил его Ангел. — Я спрашиваю, что случилось с твоей ВЕРОЙ после того, как она тебе помогла?

Клим молчал.

— Ладно, можешь не отвечать. Мне это тоже известно: ты впервые в жизни ВКЛЮЧИЛСЯ, но очень быстро ВЫПАЛ ИЗ СИСТЕМЫ, и все вернулось на круги своя. Верно?

Клим все так же молча кивнул.

— К сожалению, нет в этом мире ничего постоянного, — вздохнул Ангел, — и, ты будешь сейчас удивлен, — ВЕРА тоже не бывает постоянной. Нужно не забывать систематически ПОД-КЛЮ-ЧАТЬ-СЯ к Системе! А ты из нее выпал — раз и надолго... Чередование включения и выключения происходит абсолютно у всех людей, даже у самых благочестивых. И это совершенно нормально — в противном случае человек либо умер, либо святой! — рассмеялся Хранитель. — Однако Систему Связи нужно проверять регулярно, поскольку всегда есть угроза внезапного сбоя. Сорвался, согрешил в поступках или в помыслах, свернул в темную «подворотню», поддался любому искущению, и раз — тумблер мигом переключился, а свет погас! Кстати, практически каждый человек может это ПОЧУВСТВОВАТЬ: по тяжести на сердце, по давлению в груди, по душевной тяжести и по так называемым угрызениям совести. Это не что иное, как первые признаки сбоя в твоей Системе, вызванные нарушением какого-либо Правила из Инструкции. Но как только ошибка исправляется, человек опять включается в Систему.

— А что же мне помешало? — наконец отозвался Клим.

— А ты сам как чувствуешь?

— Мне не хватило... думаю... доверия?..

— Ты у меня спрашиваешь или ты это чувствуешь? — улыбнулся Ангел. — Да, тебе не хватило ДОВЕРИЯ, а ведь именно с ним ВЕРА укрепляется вдвойне: как в себя, так и в того, кому мы что-либо доверили. Причем не важно, как он этим доверием потом распорядится — это уже лично его степень ОТВЕТСТВЕННОСТИ. Ты даже себе не представляешь, насколько это важно! Настоящая ГАРМОНИЯ в отношениях между людьми никогда не настанет, если не будет ТВЕРДОЙ ВЕРЫ и ПОЛНОГО ДОВЕРИЯ. Что, звучит как утопия? Но этот мир, который уже давно балансирует на тонкой грани, либо погибнет от НЕДОВЕРИЯ и ЗЛОБЫ, либо будет спасен ВЕРОЙ и ЛЮБОВЬЮ... Кстати, Клим, а кому это ты не доверился, а?

— Ну, себе, наверное...

— А ведь ты лукавишь! — зеленые лучи опять устремились всепроникающим рентгеном. — Там, в церкви, случилось что-то еще. Но ты тщательно обошел это стороной, когда плавал по волнам своей памяти... Что, уже начинаешь припоминать?.. Так вот, *то, что*

ты тогда не сделал из-за отсутствия ДОВЕРИЯ к другому человеку, обернулось для тебя очень тяжелыми последствиями и ВЫХОДОМ ИЗ СИСТЕМЫ! Хочешь туда вернуться? – перейдя на мягкий тон, спросил Ангел.

– В тот день? – едва слышно прошептал Клим.

– Да. В тот день, в тот час, в ту церковь и на тот ПЕРЕКРЕСТОК. Я тогда чуть было до Небес от радости за тебя не взлетел, но... Ты стушевался в последний момент.

– А какой мне смысл туда возвращаться? – грустно усмехнулся Клим. – Выбор остался в прошлом, я его уже сделал и, судя по твоим словам, оступился, а ситуацию все равно не исправить...

– Ты действительно не сможешь изменить ТУ ситуацию, но ты можешь поменять к ней свое ОТНОШЕНИЕ! – воскликнул Гел. – А это уже немало. *Измени свое отношение к прошлому: проговори застрявшие где-то слова; шагни в своих мыслях, куда не решился когда-то шагнуть, – и ты получишь утерянный поток энергии, ты увидишь, как твоя Вселенная станет чуть ярче и добнее.* Закрывай глаза, Клим, и отправляйся на свой ПЕРЕКРЕСТОК. Позволь своему СЕРДЦУ делать все что угодно. Не бойся – оно не мозг, оно не умеет ошибаться...

* * *

...Последний колокольный звон растаял в воздухе, и воцарилась полная тишина. Он стоял в церкви возле иконы Спасителя и пристально смотрел на безмолвный лик Христа, пытаясь подыскать нужные слова молитвы. Они пришли сами. Не задумываясь над их построением, он просил о самом главном – искренне и горячо: чтобы мама осталась жива и поправилась.

У него оставалось еще несколько свечей, и он растерянно оглянулся вокруг.

– Вон батюшка идет. Если что нужно – вы у него спросите! – словно прочитав замешательство в его глазах, откликнулась старенькая прислужница, которая доставала огарки свечей и бросала их в коробку на полу возле подсвечников.

Робко и нерешительно, как абитуриент перед вступительным экзаменом, он сделал шаг навстречу и произнес:

– А куда можно поставить свечу за... чудо?

Батюшка – пожилой человек с длинной окладистой бородой, как у некоторых святых на иконах, и при этом с молодыми и живыми глазами – не удивился такому вопросу.

– За чудо? Да куда хотите, туда и ставьте! Бог везде – он всегда услышит вашу просьбу. Многие прихожане любят икону Николая Чудотворца – можете к ней подойти.

– А в чем он помогает? – спросил Клим, смущаясь из-за своей необразованности в религиозных вопросах.

– В делах вечных – духовных и сердечных, – нараспев произнес батюшка, – в недугах физических... Главное – искренне молиться, и все, что вы в молитве с глубокою верою попросите, обязательно исполнится!

– А если я не знаю ни одной молитвы?

В этом батюшке было нечто такое, очень располагавшее к доверию. От него воистину исходили спокойствие и доброта.

– Это не страшно, – заверил он Клима. – Можно читать «правильные» молитвы, но при этом не верить в их смысл, а можно молиться своими словами и не сомневаться, что они будут услышаны. Ведь что такое молитва? Это обдуманное направление ваших мыслей и чувств, состоящее из светлых частичек сконцентрированной энергии. Богословы их еще называют мыслеформами. Но за ними нужно тщательно следить и *осознанно их создавать, поскольку наши мысли притягивают в нашу жизнь все то, о чем мы думаем.* Добро, любовь и светлые положительные эмоции – вот основные компоненты созидательных мыслеформ. А вы, судя по всему, оттуда? – батюшка кивнул в сторону больницы.

Клим в двух словах рассказал о своих переживаниях, связанных с болезнью мамы.

– Вы, главное, верьте, и мама ваша тоже пусть веру не теряет, – произнес батюшка и закачал седой головой: – Люди, люди... Как мы все заботимся и печемся о своем физическом теле! Если вдруг что-то заболит – тут же бежим к врачу, но при этом не замечаем своей глубокой душевной раны. А ведь душа человеческая в первую очередь нуждается в лекарстве; без ее исцеления трудно вылечить физическую оболочку. Зубы по два раза на день чистим, а вот душу почистить забываем. Но только здоровая и цельная душа способна справиться с любыми недугами и страданиями – это я вам точно говорю!.. Вот был у меня один знакомый, – продолжил батюшка после короткой заминки. – Молодой, энергичный и успешный. Жил себе да не тужил – по принципу «что хочу – то ворочу». Часто поступал не по совести, а по своей личной выгоде; душу свою не берег и много денег нечестно заработал. А потом вдруг раз – и диагноз ему поставили: рак желудка, и причем на последней стадии...

– И он что, умер? – спросил Клим, заинтересованно глядя на собеседника.

– Нет. Представьте себе – он жив и здоров, – улыбнулся батюшка. – А знаете почему? Он полностью ПЕРЕСМОТРЕЛ СВОЮ ЖИЗНЬ, исправил ошибки и пришел к глубокой ВЕРЕ, причем настолько крепкой и сильной, что не смог больше оставаться в миру и ушел служить Богу и людям... Так что запомните: в каждой проблеме, в каждой жизненной трудности заключены бесценный дар для человека и прекрасная возможность подняться выше благодаря полученному уроку. Главное – ВЕРИТЬ. *«Если вы будете иметь веру с горячее зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас».* В свете обретенной веры, постепенно разгорающейся все ярче и ярче, вы скоро обнаружите, что вы – это избранное дитя Вселенной, которое находится в полной безопасности, абсолютно любимо и пользуется крепкой поддержкой нашего Создателя и Творца всего живого.

– Но я не знаю, как поверить! – воскликнул Клим. – Меня этому никогда не учили...

– Меня тоже. Я сам к этому пришел через огромные страдания. Скажите, а что мучает лично вас? – спросил батюшка. – Я же вижу, как мечется ваша душа... Вам нужно исповедаться, очиститься.

Секунду поколебавшись, Клим согласился. Положив руку на толстую церковную Библию, он поведал все, что накопилось в нем за долгие годы; то, что вызывало сомнения, раздражение, головную боль и периодические вспышки гнева на самого себя. Он вытягивал на поверхность и вскрывал, как старые гнойники, все свои неблаговидные поступки, которые уже теперь он смело мог назвать предательством, обманом и лицемерием.

Странная это была исповедь – батюшка не задавал никаких вопросов, Клим скорее разговаривал со своим сердцем, чувствуя, как оно благодарно откликается на его душевые порывы и постепенно расплывляет свинцовую тяжесть в груди.

– То, что периодически вызывает у вас сильные головные боли и внутреннее раздражение, является проявлением той проблемы, которую следует решить, и тех отношений, которые нуждаются в исправлении. Я надеюсь, вы сумеете поладить с людьми, которых предали и обидели по своему неведению и духовной слепоте, – сказал батюшка, выслушав Клима, а еще на прощание посоветовал: – И обязательно сходите к врачу! Одно другому не помешает...

«По вере вашей да будет вам!» – эхом прозвучало под сводами церкви, и, как в кино с динамичным сюжетом, Клим очутился в совершенно другом месте.

Светлые стены длинного коридора, запах лекарств... Полуоткрытая дверь, в которую он вошел. Человек в стерильно-белом халате внимательно изучал какие-то медицинские снимки.

– А-а, Клим, ну проходи, проходи! – приветливо улыбнулся Иван Иванович, пожимая ему руку. – Хотя – нет, иди себе с Богом! – рассмеялся он. – Ты не наш пациент, так что живи себе и радуйся! Но все равно молодец, что вовремя пришел и не поленился обследоваться. Есть кое-какие проблемы, связанные с сосудами головного мозга, но это легко поправимо и, как говорится, до свадьбы заживет!

Клим вышел из кабинета и, не в силах совладать с радостным сердцеиением, поцеловал с любовью и благодарностью свой маленький нательный крестик и, оглянувшись, бережно спрятал его обратно под рубашку...

* * *

– Что это было? – удивленно спросил Клим после того, как размытые очертания опять превратились в цветущий Фиолент. – Это было мое возможное будущее? Если бы я тогда смог довериться батюшке в церкви, искренне исповедался и вовремя сходил к врачу?

– Последнее уже скорее как следствие, – ответил Ангел, вытягивая лодку на берег. – Причина в другом – если бы ты своевременно ВКЛЮЧИЛСЯ В СИСТЕМУ! Во время болезни матери ты почти осознал всю силу ВЕРЫ, но, вместо того чтобы сделать следующий шаг, выключил «питание». А что ты почувствовал теперь, вернувшись на тот ПЕРЕКРЕСТОК и сделав то, что хотел?

– Освобождение! – ответил Клим без раздумий. У него было такое чувство, как будто бы он только что действительно вернулся из церкви и реально пережил все эти события.

– Вот именно! – обрадовался Гел. – ТОЛЬКО СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ СДЕЛАТЬ ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР! Ты спрашивал, что такое ВЫБОР? Так вот, ВЫБОР – ЭТО И ЕСТЬ СВОБОДА!

– Оказывается, как просто путешествовать во времени, – с легкой грустью произнес Клим, до сих пор ощущая на себе взгляд священника и пережитое блаженство.

– Радуйся – ты живешь в уникальное время! Жаль только, что никто пока не открыл науку «информоэнергетику». В нее можно было бы перенести все информационно-энергетические законы, действия которых продемонстрировал Инструктор еще 2000 лет назад! – воскликнул Хранитель, легонько встряхивая Клима за плечи. – В прошедшие века человечество блуждало в потемках и надеялось на помощь извне, а в Эпоху Водолея вы все можете научиться искать и находить СПАСИТЕЛЯ внутри себя. Потому что СИЛА, КОТОРУЮ ВЫ ТАК ДОЛГО ИЩЕТЕ, ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ВАС САМИХ! И когда вы наконец научитесь ей доверять и откроете в себе свое БОЖЕСТВЕННОЕ НАЧАЛО, полюбив его всем сердцем и душой, то *из жертв вы превратитесь в созидателей, а страх смерти переродится в Любовь к Жизни*.

– Я испытываю какое-то удивительное чувство, – задумчиво произнес Клим. – Оно было тогда и вернулось сейчас – теплое и светлое, как будто бы идущее из сердца...

– Для новичка ты делаешь успехи! – еще больше обрадовался Ангел и заговорщики прошептали: – Да, это оно! РАСКРЫТИЕ ТВОЕГО СЕРДЦА! КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК ОБЛАДАЕТ СПОСОБНОСТЬЮ ЕГО ОТКРЫВАТЬ, НАПОЛНЯТЬСЯ ЛЮБОВЬЮ И ИЗЛУЧАТЬ ЕЕ, ПРИВЛЕКАЯ ПРИ ЭТОМ ЕЩЕ БОЛЬШЕ ЛЮБВИ ИЗ ВСЕЛЕННОЙ В СВОЮ ЖИЗНЬ! Но это, Клим, большой труд, требующий немало душевных сил и терпения. Однажды, если тебе удастся избавиться от своих сомнений и беспокойства, ты увидишь маленький огонек в своем сердце. Сначала он будет не больше искры, потом станет похожим на ровное пламя свечи и наконец начнет разгораться все ярче и ярче, даря ЛЮБОВЬ и пропитывая ею каждую клеточку тела. Я очень рад, что ты сегодня смог нечто почувствовать, потому что *от нехватки Любви, без ее притока в физическое тело человек может даже умереть, как от жажды!*

– Увы, мне грозит другой вид казни, – иронично заметил Клим, бросив чуть недовольный взгляд на Хранителя – ему были неприятны любые напоминания о смерти.

– Каждая ситуация может быть решена с помощью энергии Любви, даже проблемы из прошлого, – не реагируя на это, продолжил Ангел. – Как только они прорабатываются с ЛЮБОВЬЮ, то уже не в силах вернуться – помни об этом!.. А сейчас тебе пора отдохнуть. Поспи немного... Только не забывай, что *ты всегда сможешь вернуться в Место своего Покоя – всегда, когда ты этого захочешь...*

* * *

«Какой странный сон или... не сон?» – размышлял Клим по дороге на работу.

Пожалуй, впервые столичные пробки сослужили ему добрую службу – можно было предаться размышлению, чтобы проанализировать череду загадочных и необъяснимых событий, произошедших с ним за последнее время. Хотя это все не поддавалось никакому анализу и объяснениям! В сотый раз прокручивая в голове цепочку мистических явлений и переставляя их местами, как цветные грани в запутанном «кубике-рубике», он никак не мог сложить общую картину и уж тем более адаптировать ее к реальной жизни.

«А может, это и не надо делать? – задал себе Клим очередной вопрос. – А не лучше ли вообще перестать терзаться размышлениями о своей нормальности или ненормальности? В сущности, какая разница, ЧТО и ГДЕ произошло – в скрытых закоулках сновидений или в реальности, отзывающейся, так сказать, на отдельные изменения химических процессов в большом мозгу...»

«Так меняется физика твоего мозга», – уточняющее прошептал внутренний голос с чуть уловимыми интонациями Ангела-Хранителя...

– Ангел так Ангел!.. А что – тоже неплохо! – усмехаясь, произнес Клим. – В конце концов, главное не то, где заканчивается реальность и начинается иллюзия, а то, как при этом себя чувствуешь.

Надо признать, что после этого сна, похожего на замысловатый мистический триллер, он проснулся с ясной головой и необыкновенной легкостью на сердце, которой уже давно не испытывал.

«Если мое «сумасшествие» и дальше будет протекать подобным образом, то это не самый худший для меня вариант!» – заключил Клим и на центральном перекрестке резко повернул машину в другую, противоположную от заданного маршрута сторону.

* * *

– Сынок?! – Мать откровенно поразилась, увидев его на пороге своего дома «вне расписания» – утром в рабочее время. – Что-то случилось? – в ее глазах мелькнул неподдельный страх.

– Ничего не случилось, просто очень захотелось тебя увидеть! – ответил Клим, крепко ее целуя.

Бросив еще один настороженный взгляд на сына, мама поспешила на кухню ставить чайник, а он прошел в ее комнату, бывшую когда-то его детской. Свежие занавески на окнах, размеренный ход настенных часов, коллекция фикусов на подоконнике – как всегда, все чистенько и аккуратно, и, как всегда, – ощущение одиночества и грусти...

Он перевернул обложкой книжку, брошенную на диване, – мама по-прежнему оставалась верна своей привычке: чтению приторных дамских романов. Она их поглощала в таком количестве и без разбору, что Клим неоднократно пытался с нею воевать на эту тему. «Ты же умная, образованная женщина! – отчитывал он ее, когда заставал за этим занятием. – Ну как ты можешь читать эту дешевку?» Мама виновато вздыхала и прятала книгу на дальнюю полку, чтобы затем, после его отъезда, снова достать. Только теперь он понял, точнее, его осенило, что мама практически никогда не жила своей жизнью, а в последние годы, оставшись в полном одиночестве, открыла для себя доступное средство от тоски: она переживала чужие судьбы на книжных страницах, где все было очень просто, сказочно – и обязательно с романтичным красивым финалом...

– Мамуль, а где мой крестик? – неожиданно спросил Клим, с удовольствием допивая вторую чашку ароматного чая.

– У меня в шкатулке. А зачем он тебе? – Было видно, что у мамы сегодня – день сплошных удивлений. – Ты никогда его не носил и даже никогда о нем не спрашивал...

– А вот теперь – прошу, – тихо ответил Клим.

Он аккуратно принял из маминых рук маленький и немного потемневший от времени нательный крестик, с которым его крестили еще в грудном возрасте, и бережно надел.

… – Береги себя, родной! – мама с любовью поцеловала его на прощание – ее глаза светились радостью и счастьем – и незаметно перекрестила.

На душе у Клима было светло – оказывается, так приятно говорить теплые слова близкому человеку, который искренне тебя любит и всегда ждет! Он не спеша завел машину – ехать в офис не было никакого желания. Хотелось подольше сохранить в себе те чувства, которые сейчас испытывал.

Но привычный мир тут же напомнил о себе звонком мобильника.

– Алло, Климентий Саныч! Примите мои поздравления – ключик почти у нас в кармане! – бодро рапортовал Трухин. – Немного наших стараний, немного подсуетились грамотные адвокаты плюс звонок от вашего имени нужным людям – и «Нептун» опять будет у нас! Один ваш коронный ход – и от конкурентов только ключья полетят! Так когда будем их рвать?

– Я буду чуть позже, – спокойно произнес Клим. Удивительно, но сообщение о возможной близкой победе и предвкушение будущих миллионов его ничуть не взволновало. – Ничего без меня не предпринимайте и вообще оставьте в покое этот объект – всех денег не заработать. Вам что, заняться там больше нечем?!

Повисла напряженная пауза – Трухин лихорадочно пытался сообразить, с чем связано такое резкое перевоплощение босса.

– Клим, ты что, меня не расслышал? – неуверенно переспросил коммерческий директор. – «Нептун» опять будет наш!

– Наверное, это ты меня не расслышал, – жестко ответил Клим. – Занимайтесь другими делами!..

Такое впечатление, что все перевернулось с ног на голову или, может, наоборот! Сделки, конкуренты, объекты, миллионы… – это были отблески того иллюзорного мира, в котором он так долго спал. Но теперь он проснулся, и ему захотелось совсем другого. Чего именно, Клим пока не мог понять. Но сейчас он знал, что поедет в церковь. Именно туда! Чтобы побывать в атмосфере душевного покоя, в которой он находился этой ночью…

Глава 5 Надежда

Мысли, которые мы выбираем, подобны краскам, которыми мы пишем на холсте своей жизни.

Луиза Хей

– Да, девочки, нашего босса как подменили! Я уже несколько недель хожу на работу сама не своя – не знаю, чего еще от него можно ожидать, – томно закатила красивые глазки секретарша Лидочка, разливая по чашкам свежеприготовленный кофе.

– А что тебя не устраивает, Лида? – спросила главбух Тамара Михайловна, заглянувшая на офисную кухню в обеденный перерыв. – Как по мне, так Саныч еще никогда не был таким собранным и уравновешенным, как сейчас, – меньше слов, зато больше дела, и рявкать по поводу и без перестал. Кстати, барышни, он с утра подписал ведомость на премиальные – мелочь, а приятно!

Представительницы женской половины «Виктории» отреагировали на неожиданную новость радостными возгласами.

– Я же говорю, что подменили! – ахнула секретарша. – Что-то здесь неладно…

– Да брось стонать, Лидуся! – прервала ее вздохи бренд-менеджер Илона, тщательно наводившая макияж на своем кукольном личике. – Мы тут все нарадоваться не можем, что наконец-то на работе стало легче дышать, а ты неладное ищешь. Хотя все понятно – расстроилась твоя профессионально-интимная жизнь, да, подруга? – коварно подмигнула

она, сделав последний штрих к портрету кисточкой для румян. – Из мартовского кота шефчик внезапно превратился в зимнего медведя, ну, того, который в спячке!

Сравнение было встречено дружным смехом, а Лидочка покрылась пунцовыми пятнами и огрызнулась:

– Конечно, ты никак не можешь успокоиться, что этот кот с твоей крыши на мою переметнулся!

– Ладно, девчонки, утомонитесь! – сказала Тамара Михайловна. – Как бы там ни было, его мутация-сублимация всем нам на пользу пошла – только бы не сглазить!

– Шеф совсем распустил коллектив, – заявил в курилке начальник отдела кадров, – бабсовет уже больше часа на кухне кофеем балуется – когда это такое было видано?

– Мне бы твои заботы, Кирилл, – заметил Трухин, нервно пуская в потолок сизые кольца дыма. – Меня другое беспокоит: что-то в нем надломилось, а что – не могу объяснить… Знаю одно: нет жесткости – нет Стального босса. Вот я уже который день за ним бегаю, как мальчик, все пытаюсь уговорить довести до конца этот вопрос с «Нептуном», а он только отмахивается! Эх, ребята, такой лакомый кусочек из-под носа уходит, и все из-за глупости или чего там еще… Что с ним происходит – ничего не понимаю!

* * *

Клим и сам не мог понять, что с ним происходит, но эти внутренние перемены его не смущали, а скорее, наоборот, радовали. Он стал намного спокойнее и терпимее – к себе, к людям, к обстоятельствам и даже – к смерти… Теперь эта костлявая старуха все меньше и меньше вызывала у него леденящее чувство ужаса и обреченности. Напротив – он взял ее в свои негласные сообщники и компаньоны: она служила странным стимулом к жизни и постоянно толкала вперед. Куда? Он только смутно догадывался, какое направление выбрала судьба на своем последнем повороте.

Его жизнь чудным образом раздвоилась. В одной он по-прежнему оставался руководителем крупнейшей компании, а в другой – как по мановению волшебной палочки – очутился в иллюзорном, волшебном мире, где, то ли во сне, то ли наяву, общался с Ангелом и свободно перемещался по волнам своей памяти.

После первой «сознательной» встречи с Хранителем и возвращения на Перекресток судьбы он стал с нетерпением ждать каждой ночи. Как избавления от мучительной боли, как бегства от реальности, как освобождения от своей собственной личины, состоящей из толстой брони старых фобий, привычек и условностей. Гел не всегда баловал своим появлением. Иногда, тщетно пытаясь настроиться на Место Покоя и раскрыть свое сердце, как учил его Ангел, Клим проваливался в темное забытье или видел бессмысленные «нарезки» из обрывков личных воспоминаний.

Но когда Хранитель все же являлся во сне, они долго прогуливались по Яшмовому пляжу, или плавали среди серых морских утесов, или свободно парили над Фиолентом, с высоты птичьего полета наслаждаясь его великолепием и красотой. Это были удивительные сны! Ангел с охотой отвечал на вопросы, а он пропитывался колоссальной энергией первозданной природы.

После пробуждения он всегда чувствовал себя окрыленным и чистым, как новорожденный младенец. В такие дни он почти верил в то, что смерти нет, а Жизнь – прекрасна…

* * *

– Иван Иваныч, а вам когда-нибудь приходилось делать выбор? – ни с того ни с сего спросил Клим у доктора после очередной лечебной процедуры.

Тот совершенно не удивился вопросу и немного грустно кивнул головой:

– Да, и не раз. Причем я совершенно не уверен в том, что часто принимал правильные решения. Выбор... Он есть и в большом, и в малом, из него вообще состоит вся наша жизнь, только мы об этом не задумываемся...

– Док, а вы помните свой самый крупный перекресток, точнее, самый серьезный выбор, который, на ваш взгляд, вы сделали неверно?

– Верно и неверно – исключительно субъективные понятия, – задумчиво ответил Иван Иванович. За время лечения он проникся симпатией к своему молодому пациенту, которого так нелепо и жестоко выбила из колеи смертельная болезнь. – Ты будешь смеяться, Клим, но я выбрал не ту профессию.

– Вот как? – Клим удивленно поднял брови. – Но ведь вы – настоящий профи в своем деле!

– Проблема не в этом, – сказал доктор. – Я просто научился качественно относиться к своим профессиональным обязанностям и добросовестно их выполнять, но мои мечты и желания так и остались нереализованными. Любовь и долг по отношению к работе – это две большие разницы... Знаешь, я ведь с детства мечтал стать акушером-гинекологом, – продолжил он после секундной паузы, – как моя мама и моя бабушка. Мне так хотелось встречать новые жизни, а вместо этого я, как правило, провожаю... Этакий Харон, пытающийся облегчить плавание в один конец... Извини, Клим, я хотел сказать...

– Ничего, из песни слов не выкинешь... А что же вам помешало?

– Мой отец – он был известным онкологом – посчитал, что я должен пойти по его стопам и продолжить его дело. В общем-то банальная ситуация... Кстати, уже спустя годы я где-то прочитал, что излишняя полнота – это загнанные в угол нереализованные желания. Вот так-то, молодой человек, – подытожил доктор, хлопнув себя по тучному животу. – Поэтому я тебе, Клим, постоянно твержу – не иди по пути наименьшего сопротивления, не сдавайся болезни, а сражайся за жизнь, если ты ее выбрал...

* * *

Как-то в обед Клим без звонка заехал к матери и застал ее врасплох: она паковала какие-то сумки и кульки, на кухне что-то варились и кипело, и была она очень расстроена, заплакана.

– Сынок, Михаил Фомич при смерти, – прошептала она и расплакалась у него на груди.

Горыныч, как он с детства окрестил отчима, – деспот и самодур – по своей сути должен был житьечно, отравляя существование другим людям. Клим уже больше пяти лет ничего о нем не слышал и слышать не хотел. После того как мать наконец сделала решительный шаг и освободила себя от этого чудовища, он категорически запретил ей произносить его имя: был человек – и нет человека!..

После развода мама осталась одна в квартире, обустроенной Клином, а отчим перебрался в свою хрущевку на другой конец города. И вот, спустя годы, он неожиданно всплыл из прошлого, чтобы опять разрушить маму, на этот раз известием о своей предстоящей кончине.

– Как все случилось? – спросил Клим, усадив ее на диван и накапав успокоительного.

– Он остался без работы, без привычной активной деятельности, без поддержки, да еще совсем один... В последний год он очень тяжело болел, а когда я к нему приехала, то уже и в магазин не мог сам выйти... – проговорилась мать и виновато опустила глаза.

– Значит, ты его видела? – как можно мягче спросил Клим, борясь с противоречивыми чувствами.

– Да, сынок, я его видела, и не один раз, – решительно ответила мама, вытирая слезы. – Он мне позвонил... Он ничего не хотел – просто попросил прощения... А как можно было поступить иначе? Отмахнуться от человека, с которым полжизни прожила? Это не по-людски... Я к нему часто ездила, привозила еду, ходила в магазин, убирала...

– В общем, занималась своей привычной семейной работой, – резко оборвал ее Клим. –

Ну а от меня ты зачем это скрывала?

Его неприятно задело, что она втихаря общалась с Горынычом, и забытая злоба на отчима всколыхнулась с новой силой.

— А что я могла тебе сказать? — в голосе матери звучали непривычные решительные нотки. — Ведь ты со своей категоричностью и непримиримостью ни за что бы меня не понял и уж тем более ничем бы не смог помочь... Сыночек, — уже теплее произнесла она и, как в детстве, погладила его по волосам, — в этой жизни, кроме черного и белого, есть другие цвета, которые надо научиться различать!..

Он заметил, как она тут же вся инстинктивно сжалась. Так бывало всегда, когда она говорила что-то в противовес мужу или ему. Да... Недалеко он ушел от Горыныча, если родная мать боится отстаивать свое мнение даже перед собственным сыном.

В эту минуту она казалась такой маленькой и беззащитной, что он был готов простить даже отчиму его очередное вторжение в их жизнь.

— Может, какие-то деньги нужны? — неуклюже предложил он, стараясь выглядеть менее фальшиво.

— Нет, ничего не нужно, — с облегчением вздохнула мама и достала из шкафа увесистый сверток в пожелтевшей от времени бумаге. — Ну, раз ты все уже знаешь, тогда возьми это сейчас. Михаил Фомич просил передать тебе сразу после своей смерти и... извиниться перед тобой, если ты, конечно, сможешь его простить.

— Это что? — спросил Клим, пытаясь сразу разорвать добротно склеенную бумагу.

— Дома посмотришь, — ответила мама. — Я точно не знаю, что там, но он сказал, что возвращает тебе твою потерю...

* * *

...Он долго не мог заснуть, в сотый раз рассматривая свои сокровища. Да, это действительно были его сокровища, которыми, как мальчишка, никак не мог налюбоваться. Несколько книг его любимых философов, работы известных психологов, зачитанные до дыр брошюры по различным восточным техникам медитации, карманный словарик мудрых изречений и, наконец, главное в этом богатстве — его дневник, где хранились личные записи и размышления о смысле жизни.

— Ну, Горыныч, ну, жучара! Вокруг пальца обвел, говорил, что все уничтожено! — беззлобно усмехнулся Клим, перелистывая страницы, заполненные ровным каллиграфическим почерком.

Вот последняя запись: «КАК СТАТЬ СЧАСТЛИВЫМ», выделенная красной пастой и заканчивающаяся двоеточием, предполагающим долгий и развернутый ответ на этот жизненно важный вопрос. Ответа так и не последовало. Записи оборвались именно на этой фразе, точнее, были оборваны Горынычом. Как всегда, резко и грубо.

«...А ты по-прежнему дурью маешься? Все смысл жизни ищешь?» — прогремел в памяти жесткий командный голос отчима.

Горыныч, как настоящий чекист, умел подкрадываться незаметно. Вот и тогда он внезапно возник за его спиной и умудрился прочитать из-за плеча броское вступление. Клим не успел опомниться, как отчим быстро выхватил дневник и стал громко зачитывать последние фразы, гримасничая и кривляясь на каждом слове. Появилось страстное желание врезать в это самодовольное лицо, и Клим крепко сжал кулаки, чтобы не дать им волю.

«Какое вы имеете право?» — выдавил он из себя.

«Это ты какое имеешь право, тунеядец, так распоряжаться своим драгоценным временем? — прорычал Горыныч, брызжа слюной и размахивая перед его носом растрепанным дневником. — В семнадцать лет пора уже голову иметь на плечах, а не х...й страдать, — выругался отчим. — Счастья тебе захотелось? Так счастье состоит не в погружении в эти маразмы, — он гневно сбросил со стола стопку книг по философии, — а в работе над собой, чтобы стать человеком. Понимаешь? Че-ло-ве-ком, а не этим, как его,

словоблудом...»

Горыныч слегка спустил пары, но совсем ненадолго.

«Все! Ты меня окончательно достал. Значит, пока я пробиваю тебе путевку в жизнь и подготавливаю твое беспроблемное поступление в училище, ты вместо занятий продолжаешь медитировать?! Этот мусор немедленно уйдет на свалку, – он стал забрасывать в подвернувшуюся картонную коробку упавшие на пол книги и дневник. – И не вздумай рыться в кладовке или в моем гараже! – зловеще предупредил он, сузив от ярости глаза. – Все пойдет в печку!»

«Я тебя ненавижу!» – закричал Клим ему в спину. Дыхание перехватило, а слезы затянули пеленой глаза.

«Ненавидь. Зато потом спасибо скажешь», – обернулся Горыныч и, бросив на него полный презрения взгляд, вышел из комнаты.

Почему он тогда позволил забрать свои книги и главное – дневник? Почему не смог отстоять право на свои желания? Почему предал свои мечты? Сейчас было уже трудно найти правильный ответ, да и бессмысленно: Горыныч при смерти, и он сам ненамного от него отстал...

Уже светало, а Клим все листал дневник. Теперь казалось невероятным, что это было когда-то написано его рукой. Автор дневника был романтиком в душе, искателем, философом и мечтателем – дерзким, вдохновенным и целеустремленным, полным желаний и планов.

«Умные мысли, смелый полет фантазии!» – не переставал удивляться Клим, перечитывая строчки, как будто бы рожденные другим человеком.

От дневника веяло теплом, легкой грустью по забытой юности, когда все то, о чем ему неоднократно говорил Хранитель, было так близко и так доступно. Оно было совсем рядом. Стоило только протянуть руку и узнать, как стать СЧАСТЛИВЫМ...

* * *

«Как стать счастливым...» – чуть слышно прошелестели волны, мелодично перекатывая прибрежные камни, и словно легонько вытолкнули его на знакомый берег.

«Я незаметно заснул... или проснулся...» – подумал Клим.

Он с удовольствием глотнул чистого воздуха, пропитанного соленым морем, терпким йодом и можжевеловым ароматом. С каждым разом Место его Покоя становилось все реальнее и осозаемее.

– Слушай, Клим, а ты в юности был толковым парнем!

Он не сразу увидел Ангела, восседавшего на своем любимом камне, чем-то напоминающем по форме уютное домашнее кресло.

Щурясь от яркого солнца, Клим заметил в руках Хранителя свой заветный дневник, который тот с интересом пролистывал.

– Да... Отличные мысли! Сам придумал или у известных мыслителей содрал?

– И то, и другое, – кратко ответил Клим и подошел к Хранителю. Пожав его смуглую руку, он расположился рядом на теплых округлых камнях, ожидая предстоящих «разборок». Судя по всему, они были неизбежны. И Клим не ошибся в своем предчувствии.

– Чудесно! – восхитился Гел и стал цитировать одну из дневниковых записей: – «*Кто я есть? Это единственный вопрос, который заслуживает того, чтобы быть заданным. Судьбой нам предназначено играть бесчисленное множество ролей, но все эти роли – не мы, а за многочисленными масками кроется наша истинная сущность*». И вот дальше – еще лучше! «*Божий замысел относительно нас состоит в том, чтобы мы нашли себя*». Ну как, Клим, ты себя нашел?

– Издеваешься? – лениво переспросил Клим. Почему-то сегодня ему просто хотелось послушать тишину природы, не прерываемую рассуждениями Хранителя.

– Не издеваюсь, а хочу разобраться, когда именно ты завел эту свалку и умудрился так захламить это божественное место!

– Какую еще свалку? – удивился Клим, невольно оглядываясь по сторонам.

Ужас! И где раньше были его глаза?! Чуть поодаль от того участка берега, где они сидели, возле огромной отвесной скалы, густо поросшей пушистыми кустарниками, возвышалась целая гора мусора. А вокруг были разбросаны клочья бумаги, и вился серый пепел от истлевшего костра. Над мусорником с назойливым жужжанием летали навозные мухи и осы. Клим брезгливо поморщился – ему показалось, что от этой свалки исходит тошнотворный запах то ли гниения, то ли застоявшейся плесени...

– Господи, откуда оно тут взялось? – с отвращением воскликнул он.

– Это ты у меня спрашиваешь? – переспросил Хранитель. – Не волнуйся, ты не одинок – у каждого человека есть своя персональная свалка, отличная только по своему составу и размеру. А пока полюбуйся на свой личный мусорник!

– Почему мой? – Клим продолжал оторопело смотреть на зловонный хлам, не рискуя подойти ближе.

– Это мусорник твоих Надежд, – ответил Хранитель, с задумчивым видом листая дневник. – Божественная Сила, заключенная внутри каждого человека, всегда готова помочь в осуществлении заветных желаний и надежд. Но ваша огромная проблема в том, что вы не открываетесь навстречу, потому что «не готовы». А раз «не готовы», то все щедрые дары возвращаются обратно на склад неосуществленных желаний, а ваши собственные надежды и мечты превращаются в мусорную кучу и гниют там до скончания веков... Да, вот, нашел! – обрадовался Ангел. – Как у тебя в дневнике прекрасно сказано: *«Если возникает мысль «МНЕ ЭТОГО ХОЧЕТСЯ», то, значит, у меня есть достаточно потенциала для ее реализации!»* Но к этой фразе я бы добавил еще одну, не менее важную: *«МЫ ВСЕ СВОБОДНЫ ДЕЛАТЬ ВСЕ, ЧТО МЫ ХОТИМ ДЕЛАТЬ»*. Ее как-то раз подсказал мой брат своему подопечному, и у того в результате получилось очень даже мудрое творение, названное «Иллюзиями».

– При чем тут Бах? – буркнул Клим.

– Бах здесь действительно ни при чем – он наверняка уже давно расчистил свой мусорник и освободил место для своих замечательных произведений. А вот почему ты выбросил этот дневник на свалку? – строго спросил Хранитель. – Ведь в нем жили твои МЕЧТЫ...

– Это не я, а Горыныч, то есть отчим... – по-детски виноватым тоном начал оправдываться Клим. – Этот гад мне всю жизнь перепортил своими приказами и запретами...

– Стоп, Клим, – решительно прервал Гел, – почему ты все время решаешь за других, но при этом не берешь ответственности за самого себя? Как на разводе матери настоять – так это ты быстро провернул, а вот как отстоять свои сокровенные желания – так ты в кусты!

– Какие там желания?! – возмутился Клим. – Они даже не успевали толком проклонуться, прорости! Мы с мамой всю жизнь у него были как на ладони и под увеличительным стеклом: что-то ему показалось не так – и он прихлопывал одним махом. Сколько себя помню, я у него строем ходил: шаг влево, шаг вправо – карается расстрелом! Он один знал, как будет лучше для нас, поэтому все решения принимал самостоятельно, и они не подлежали обсуждению. Мечты... Да я холодильник не мог открыть без его разрешения! Ты знаешь об этом? – Клим все больше заводился при воспоминаниях об отчиме. – Как сейчас помню: стою перед ним, маленький, запуганный мальчишка с затравленным взглядом, а он меня гневно отчитывает, что я полез в холодильник во внеурочное время и без его команды. И так абсолютно во всем! Да он уничтожал все мои желания и выбрасывал все мои мечты, которые просто чудом уцелели на страницах этого дневника.

– Я все помню, – тихо отозвался Ангел. – Как он говорил: «Деньги можно делать везде и во всем. Главное – понять основные законы их движения».

Это действительно была «коронка» отчима, которую тот любил постоянно повторять, как «Отче наш». Чиновник одного из крупных министерств, достаточно влиятельный человек с военной закалкой, прошедший школу жизни в КГБ, Михаил Фомич был свято уверен в своей правоте и всегда знал, в каком направлении нужно двигаться. Вначале он всерьез подумывал о военно-политическом образовании для своего пасынка, а затем, когда нагрянули перестроечные времена, быстро смекнул, что нужно перестраховаться, и спротежировал Клима в военно-инженерное строительное училище. Мол, техническое образование – это дополнительная гражданская профессия. Отчим долго потом гордился своей дальновидностью, когда, вместо традиционного Дальнего Востока, сразу после выпуска пасынок попал на службу за границу – в Германию, где, по словам Горыныча, «только ленивый не сможет разбогатеть».

– А чего тебе на самом деле хотелось? – спросил Хранитель, не выпуская дневник из рук. – О чём ты мечтал?

– Трудно сказать... – замялся Клим, уже хорошо зная способности Гела читать и улавливать любые неискренние вибрации. – Мне всегда нравилось живое общение с людьми. Я любил за ними наблюдать, правда, не знаю, зачем мне это было нужно и во что бы это могло вылиться в будущем. Еще я с раннего возраста задумывался над смыслом жизни и поэтому запоем читал книги по религии, философии и психологии, изучал мудрость Востока, занимался восточными единоборствами, пытался постичь искусство медитации... Да, у меня действительно была надежда найти себя, но затем я все оставил...

– А вот это уже честнее, – удовлетворенно заметил Ангел, – а то на отчима все списал! **ТВОЯ ЕДИНСТВЕННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ В ЭТОЙ ЖИЗНИ – БЫТЬ ВЕРНЫМ САМОМУ СЕБЕ**, а не кому-либо! Знаешь, Клим, все в этой жизни возвращается на круги своя, и рано или поздно каждый человек нос к носу сталкивается со свалкой своих похороненных желаний и начинает лихорадочно в ней рыться, пытаясь найти хоть одну неистлевшую мечту. Но в конечном итоге обнаруживает всего лишь жалкие останки **НЕДОелок**: недописанных стихов, недопетых песен, недосделанных открытий и недосмотренных сюжетов своей жизни, задуманных когда-то по велению самого сердца.

– Но я не мог...

– Да брось! – прервал его Ангел, подойдя к свалке и вытянув из нее скомканный лист бумаги. – Кстати, вот что написано по этому поводу в твоем старом щитатнике мудрых изречений: *«Каждый раз, говоря «я не могу», вы сами зажигаете перед собой красный сигнал светофора. Вы перекрываете путь к собственной внутренней мудрости и блокируете поток энергии духовного знания»*. Эх, люди, люди, не научены вы правильно мечтать и надеяться! – сокрушенno вздохнул он и протянул Климу дневник.

– Мечты, желания, надежды... Как вычленить, не пропустить здесь самое главное? – спросил Клим, бережно забирая из рук Хранителя дорогую вещь.

– Тут нет главного и нет второстепенного, – улыбнулся Ангел, – а есть широкое универсальное понятие – **НАДЕЖДА**, которая включает в себя многие элементы. Вот смотри, – он ловко извлек откуда-то небольшую деревянную матрешку и поставил перед Клином. – Это и есть Надежда. А в ней прекрасно уживаются, дополняя и наполняя друг друга, Желания, Фантазии, Мечты, Планы и Действия, – Ангел поочередно извлекал наружу расписных сестричек.

– И какая между ними связь?

– А ты стал настоящим pragmatиком! – добродушно рассмеялся Гел. – Все тебе нужно четко и конкретно! Хорошо, представь себе, что есть некий алгоритм. Вначале человек на уровне чувств получает первый импульс **ЖЕЛАНИЯ** – «мне этого хочется», которое затем дает ему толчок к дальнейшим действиям и трансформируется в **ФАНТАЗИИ**. Самые яркие и продолжительные из них способны воплотиться в **МЕЧТУ**, и, как следствие, вскоре возникает потребность ее реализации – так начинается **ПЛАНИРОВАНИЕ**. Дальше идет **ДЕЙСТВИЕ**. Как видишь, все очень просто, главное – научить людей правильно Надеяться, а значит, правильно Мечтать, Желать, Планировать и, конечно, Действовать.

– Правильно – это как?

– Правильно – это по правилам, по-доброму, по-настоящему, с Верой и энергией Любви, – Ангел принялся собирать матрешку. – «*Каждый день повторяйте для себя, чего вы хотите в жизни. Говорите так, как будто все это у вас уже есть, ведь мы притягиваем в свою жизнь все то, о чем думаем!*» – громко произнес Хранитель. – Это не я сказал, а в дневнике твоем записано. Все правильно, Клим! «**ВЫ – ЭТО ВАШИ МЫСЛИ!**» Мыслеформы материальны, и они подвержены общему закону резонанса – подобное притягивает к себе подобное. Так вот, мысли тоже имеют свойство притягиваться в жизнь, поэтому всегда можно визуализировать любые свои мечты и подробно их записывать, тщательно на них концентрируясь. На самом деле это совсем не трудно, но вы, люди, готовы заниматься чем угодно, только не созиданием собственной жизни. А ведь мечту можно представить, конкретизируя абсолютно все и до мелочей, главное – не лениться это делать. Свои мечты нужно уважать, поскольку каждая из них, даже самая маленькая, является совокупностью высших проявлений человеческой сущности. А вы с ними так небрежно обращаетесь: поиграли – и на помойку!

Ангел опять устроился на своем любимом камне.

– Теперь расскажу о роли планирования в этой цепочке. Оно и есть конкретное приближение к исполнению мечты. Иными словами, ПЛАНЫ – это систематизация действий, очень важных при реализации задуманного.

– Если я правильно тебя понял, все начинается с желания, то есть с хотения? – задумчиво уточнил Клим. – Но, как говорится, хотеть не вредно...

– Вредно не хотеть! Да, все начинается с желания – это маленький стартовый кирпичик будущего прочного фундамента. Предвижу твой следующий вопрос и отвечаю: ЖЕЛАНИЕ НИКОГДА НЕ ДАЕТСЯ БЕЗ ТОГО, ЧТОБЫ НЕ ДАВАЛИСЬ СИЛЫ ЕГО ОСУЩЕСТВИТЬ, поэтому ни одно желание нельзя считать случайным, бесполезным или излишним. Его, как и мечту, нужно уважать, холить и лелеять. *Однажды ваши желания приведут вас к Богу!*

– Кстати, о Создателе. Вот скажи мне, Гел, почему Бог создал такое множество желанных объектов, заведомо зная, что большинство из них нам не по зубам? Это что, лишний повод искусить человечество?

– Нет, Клим. Будь проще и смотри на желания как на стремление получить то, что Создатель хочет тебе дать. *Этот мир – Его подарок, а возможность Создателя преподносить тебе дары ограничена только твоей способностью их получать!*

– Ну, знаешь, если бы все так было просто: захотел – получил...

– У каждого человека есть своя РАЗРЕШИТЕЛЬНАЯ система – насколько он может себе позволить хотеть, мечтать и получать в этом мире. Люди сами создают себе ограничительную черту по принципу: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда», а затем сами себе находят оправдание, почему их мечты завалились на свалке, а они сами оказались чужими на «празднике жизни». Проблемы с желаниями, мой друг, возникают только тогда, когда на их пути появляются какие-либо искусственные препятствия, так что пеняйте сами на себя. ЭНЕРГИИ ЖИЗНИ НЕ НРАВИТСЯ БЫТЬ ВЗАПЕРТИ!

– Ну допустим, – согласился Клим. – А чем тогда фантазии отличаются от желаний?

– Объясняю. – Хранитель придержал улыбку в уголках губ. – Желания ближе к обыденным, реальным вещам, а Фантазии – к нереальным. Но это только на первый взгляд – нереальные вещи, поскольку они очень далеко и на данный момент кажутся недоступными. Но спешу тебя заверить, что любые человеческие фантазии – это звонок из будущих времен, которому пока что недостает нужных знаний и опыта для воплощения в жизнь. Яркий тому пример – известные фантастические произведения. Многие придумки из них уже вовсю используются человечеством и давно перестали быть чем-то удивительным... Эй, шеф, что ты задумал? – вдруг встрепенулся Гел, заметив, как Клим приблизился к свалке с обнаруженной на берегу лопатой.

– Хочу навести порядок, закопать этот хлам...

— Стоп, стоп, стоп, так дела не делаются! — решительно заявил Хранитель, отбирая лопату. — Это ценный раритет, который ты начал коллекционировать... — он слегка прищурился, будто бы стараясь что-то вспомнить, — полжизни назад. И от него тебе так просто не отделаться.

— На что ты намекаешь? — Клим попытался поймать в глазах Хранителя хоть какую-нибудь подсказку.

— Я не намекаю, а говорю прямо, — улыбнулся Ангел, — что у тебя всегда и во всем есть ВЫБОР и даже — сейчас...

* * *

— ...А ты по-прежнему дурью маешься?! — прогремел из-за спины металлический голос отчима.

Клим от неожиданности вздрогнул и уронил красную ручку, которой только что закончил писать ключевую фразу: «Как стать счастливым». А Горыныч уже ловко выхватил дневник и стал бегло читать первые попавшиеся строки.

— Все смысл жизни ишешь, словоблуд? — криво усмехнулся. Его покрытое пунцовыми пятнами лицо не предвещало ничего хорошего.

— Какое вы имеете... — начал было Клим, привстав со стула, но тут же осекся.

Несколько долгих секунд они с Горынычем молча испепеляли друг друга неприязненными взглядами, пока Клим первым не нарушил свинцовое молчание. Глубоко вздохнув, как при погружении в некую бездну, он как можно спокойнее произнес:

— Михаил Фомич, присядьте, пожалуйста, есть серьезный разговор.

— Еще какой серьезный! — опять взвился отчим, не выпуская дневника из своих рук. — А ты думаешь, зачем я к тебе пришел?! Ахинею эту читать? — он ткнул толстым пальцем в свеженаписанные строчки.

— Я думаю, что вы пришли поговорить о моем поступлении в военное училище, — ровным голосом произнес Клим, не отрывая взгляда от выпущенных глаз Горыныча.

— «Поговорить о моем поступлении!» — перекривил его отчим, грузно опускаясь на диван и расслабляя тугой галстук на покрасневшей от напряжения шее. — Да уже все давно решено, и твоя задача — немедленно выбросить этот хлам, пока я сам до него не добрался, и взяться за голову и за нужные книги.

— Но у меня уже есть все нужные книги, — сделал Клим ударение на последних словах. — Михаил Фомич, — продолжил он, чувствуя, как лоб начинает покрываться предательской испариной и как от волнения холдеют ладони. — Михаил Фомич, я передумал... То есть... Я никогда этого не хотел! Это было исключительно ваше желание и решение, чтобы я поступил в военно-инженерное училище. Но мне это не интересно! Я твердо знаю, чего мне хочется в этой жизни, я выбрал свой путь, и я уважаю свои мечты. Позвольте, — закончил он, решительно забрав дневник из рук оторопевшего Горыныча.

— Лида! — рявкнул отчим, да с такой силой, что тревожно зазвенел хрусталь в серванте. — Иди полюбуйся, кого мы вырастили и как он нас за это отблагодарил!

Тут же на крик прибежала побледневшая мать и застыла в дверях, нервно теребя край передника.

— Этот щенок решил на все и всех наплевать! — ревел Горыныч, размахивая руками, как крыльями ветряной мельницы. — Ему плевать на свое будущее, на мою заботу и, в конце концов, на мою репутацию! Он решил стать нищим!

Мать охнула и присела на край стула.

— Михаил Фомич, — спокойным тоном сказал Клим, радуясь в глубине души, что на смену привычному оцепенению пришла уверенность. — Как раз больше всего на свете мне не наплевать на свое будущее. Именно сейчас я закладываю фундамент, и это — мой выбор, который я для себя уже сделал. А что касается вас... Я вам искренне благодарен за заботу, поддержку и беспокойство о моей судьбе. Я знаю, что я вам не безразличен, и очень это

ценю. Но позвольте мне отныне самому принимать решения и в том числе открывать холодильник тогда, когда мне этого захочется!

Клим не знал, откуда брались все эти слова, но он говорил так искренне, что и сам был готов поверить в то, что он действительно испытывает благодарность к деспотичному Горынычу.

Дальнейшие события развивались стихийно. Мама тихонько всхлипывала, боясь проронить лишнее слово, отчим сотрясал воздух угрозами и обвинениями, а он, стараясь отключиться от происходящего, бережно складывал разбросанные книги и записи на своем рабочем столе.

— И в кого ты превратишься? — сорванным от крика голосом прохрипел Фомич. Он заметно выдохся и теперь выпускал из себя остатки пара. — Станешь философом или, как его, баптистом каким-нибудь, спасающим заблудшие души? Впрочем, какая разница — все равно ты будешь нищим, поскольку ни одно из твоих излюбленных занятий не принесет тебе достатка.

— Все будет хорошо, — вежливо парировал Клим, ощущая долгожданное освобождение от тяжелого груза на душе. — *Деньги честно приходят только тогда, когда работа доставляет истинное удовольствие!* Но еще большая ценность — это Любовь к тому, чем ты занимаешься, а с Любовью можно горы перевернуть!

— Ну и переворачивай! — устало отмахнулся Горыныч, капитулируя к выходу. — Но только сам. Слышишь?! Теперь ты — сам. И не рассчитывай ни на мою помощь, ни на мои связи, ни на мои деньги!

Оставшись наконец один, Клим облегченно вздохнул, включил настольную лампу и нетерпеливо открыл свой дневник. Первое, что он написал после прерванного двоеточия, после ключевой фразы о счастье, было следующее: «*Каждое желание и каждая мечта никогда не даются без того, чтобы не давались силы на их осуществление. Главное — уважать и беречь свои мечты, и однажды они непременно осуществляются!*»

* * *

...Это уже с ним было... Когда-то... В одной из жизней или в одном из снов... Кажется, что он теряет сознание, но тут же опять выныривает из водоворота оборванных событий и коротких фрагментов и снова погружается с головой в фантомное будущее... или настояще, или...

Книги. Горы книг. Такое впечатление, что он ими завален. Скомканые черновики... Бегущие куда-то мысли, которые нужно поймать и удержать... Тусклый свет настольной лампы... Как болят глаза... Копейки в рваном кошельке... Противное чувство голода... Злость... На самого себя... Я это смогу! Я это сделаю! Страшно хочется спать... Розовый рассвет за окном бросает луч на финальную страницу в толстой тетради... Я это сделал!

...Люди... Лица... Глаза, в которых притаился крик о помощи... Маленькая тесная комнатка превращается в большую светлую аудиторию, которая стремительно заполняется людьми... Аплодисменты... Его душа ликует и рвется наружу... Он стремительно идет по длинному темному коридору... Потрескивают тусклые лампочки... Коридор расширяется, и ослепительный свет, который бывает только ясным солнечным днем, брызжет ему в глаза...

Большая многолюдная площадь. Улыбки, поздравления, ему жмут руку, желают удачи. Небо над головой — синее-синее, как ЕЕ глаза... ОНА стоит рядом и улыбается счастливой улыбкой. Да, в ЕЕ лазурных глазах отражается небо, а лучики солнца играют в прятки в золотистых волосах...

Семен? Какая неожиданная встреча! Да нет, судя по всему, вполне закономерная.

— Старик! Ты ЭТО сделал! — радостно восклицает Сема и заключает его в свои крепкие медвежьи объятия.

— Это МЫ сделали! — отвечает он и с благодарностью обнимает верного друга.

— Я горжусь тобой, сынок! — легонько хлопает его по плечу вдруг появившийся

Горыныч. В его глазах – неподдельное уважение и... Он улыбается! Широко и открыто! Оказывается, он умеет так улыбаться... Рядом, держа в руке букет нежных весенних цветов, умиленно всхлипывает удивительно помолодевшая мама. Видно, как она счастлива.

РАДОСТЬ... Она пропитывает все вокруг, отражается в сотнях глаз, звенит разноголосием и безудержно рвется наружу, легко и свободно расширяя пространство вокруг себя.

Люди расступаются и освобождают ему дорогу. Куда? Он медленно идет, отсчитывая про себя каждый шаг, который приближает его к МЕЧТЕ. Его Мечта похожа на большое красивое здание, выстроенное из светлого камня и весело поблескивающее новенькими окнами. Вовсю разгулявшееся солнце не дает полностью прочитать вывеску на центральном входе: «Институт...»

Где он на самом деле? Будто во сне, он перерезает алую ленту, и стая белоснежных голубей взмывает в небо, а за ними летят яркие воздушные шарики с помещенными вовнутрь заветными мечтами-записками. Как он и хотел...

– И мое желание полетело к Богу! – всплескивает ручонками светлоглазая малышка, провожая восторженным взглядом свой ярко-розовый шарик. – Оно же исполнится, правда, папочка?

– Ну конечно, милая! – отвечает он. – Так всегда бывает, когда чего-то ОЧЕНЬ СИЛЬНО ХОЧЕШЬ!

Шарики поднимаются все выше и выше, унося на небо сокровенные мечты, пока окончательно не растворяются в лазурной вышине...

* * *

...– Интересно, а что ты написал в своей записке? – лукаво поинтересовался вездесущий Хранитель, придерживая за нитку темно-синий воздушный шар с просвечивающей в середине белой бумажкой.

Это шар оттуда – с его ПЕРЕКРЕСТКА, где живет СЧАСТЬЕ и где очень много РАДОСТИ и СВЕТА...

Клим, как заколдованный, смотрел на воздушного посланника из своего несостоявшегося будущего. Потом протянул руку, но шар внезапно лопнул и рассыпался по земле маленькими голубыми незабудками, а из его центра, где была записка с желанием, взмыла большая красивая чайка. Сделав плавный круг над берегом, она устремилась в морскую даль.

– А ты молодец! – отозвался Гел. – Двух зайцев завалил на одном Перекрестке!

– Ты о чем? – оторопев, уставился на него Клим.

– Не дал самому себе уничтожить собственные Мечты и победил кровожадного Горыныча!

– Увидел, как он умеет улыбаться! – усмехнулся Клим, вспоминая непривычно добродушное лицо отчима.

– Ты впервые в жизни посмотрел на него другими глазами, – произнес Ангел. – ИЗМЕНИСЬ САМ – И ВОКРУГ ТЕБЯ ИЗМЕНЯТСЯ ТЫСЯЧИ! Советую запомнить эту фразу раз и навсегда. А то решил взвалить на бедного Фомича, у которого своих проблем хватает, еще и ответственность за твою жизнь и за твои разбитые мечты. Он тут ни при чем!

– Я уже понял, – пробормотал Клим, перебирая разноцветные камешки на берегу Яшмового пляжа.

– Ура! – кратко провозгласил Ангел, шлепая босыми ногами по мокрому песку. – Жизнь так устроена, что в каждом негативе заключен позитив. Это как две стороны одной медали. В каждом СТРАХЕ таится желание ЖИЗНИ, в самоуничтожении – самораскрытие, в гневе – мир и согласие, а в тирании, например, живет потребность быть признанным и услышанным.

– Это ты о нем?

– Нормальный он мужик на второй стороне медали – только присмотришь получше! Видишь ли, Клим, твой отчим всю жизнь руководствовался «выбором без выбора», впрочем, как и твоя мать. Таков стереотип мышления, присущий целому поколению тех лет. К сожалению, все «дети войны» несут в своем подсознании колоссальное чувство СТРАХА – страха голода, смерти и нищеты. Твой Фомич – не исключение из правил. Вот таким изощренным способом – через тиранию и диктатуру – он пытался тебя защитить от возможных лишений и оградить от разрушительной программы постоянного страха за жизнь. На самом-то деле он хотел как лучше... А что ты теперь к нему чувствуешь? – тут же поинтересовался Ангел.

Клим по колено зашел в прозрачную теплую воду.

– Наверное... Сложно сказать... Но мне спокойно. Он уже не вызывает никаких отрицательных эмоций.

– Да и поведение мамы, наверное, уже не вызывает былого раздражения, правда, Клим?

Тот молча кивнул головой.

– Вот видишь, как хорошо! – обрадовался Ангел. – Твоя мать, которую ты постоянно осуждал за жертвенность и, как ты считал, бесхребетность, имела полное право прожить свою жизнь так, как она сочла нужным. И это – ее личный ВЫБОР, в который ты не должен вмешиваться. Освобождение от негативных эмоций, которое ты испытал, это и есть отпущение. Закон Вселенной прост: *«Если в твоей жизни есть что-либо ненавистное и невыносимое, то самый простой способ от этого избавиться – это благословить его с Любовью и отпустить»*. Хотя, скажу тебе откровенно, на это уходят порой годы и требуется много мудрости и терпения...

– Гел, – внезапно спросил Клим, пристально заглянув в изумрудные глаза Хранителя. – А что ТАМ было?..

– Ты дописал свой дневник.

– А потом?

– А потом, как положено настоящему мужчине, посадил дерево, построил дом и вырастил сына! – отшутился Ангел.

– Я о доме как раз и спрашиваю! Что это было за здание и какое оно имело ко мне отношение?

– А О ЧЕМ ТЫ МЕЧТАЛ? – вопросом на вопрос ответил Хранитель, всем своим видом давая понять, что эта тема закрыта. – Кстати, уже можно убирать мусор!

За всеми этими видениями Клим совершенно забыл о зловонной свалке под скалой.

– Гел, но здесь НИЧЕГО НЕТ! – через минуту растерянно топтался он на знакомом пятаке.

– Зри в корень! – лукаво подмигнул Гел.

Клим присмотрелся и неожиданно заметил на месте бывшей мусорной кучи слегка присыпанный мелкой галькой некий светлый прямоугольный предмет... Да это книга!

– «ПЕРЕКРЕСТОК»... Гел, я ее уже видел – там, в книжном магазине! – удивленно воскликнул Клим, протягивая Хранителю томик в знакомом плотном переплете и с изображением облачного неба на обложке.

– Цель каждого человека – строить свою МЕЧТУ и воплощать ее в жизнь, – начал Ангел без лишних предисловий. – Мечта – это самое ценное и сокровенное, поэтому нужно уметь создавать из нее реальную физическую форму и делать позитивное действие. Это – обязательная задача для каждого живущего на Земле и вечный жизненный экзамен. ИЗ НИТОЧКИ СВЕТА СЛАГАЕТСЯ ВЕЧНОСТЬ! – туманно добавил Хранитель, прижав к себе книгу, как хрупкую драгоценность.

– Дай еще посмотреть! – попросил Клим.

– Еще насмотришься! – интригующе заверил Ангел...

* * *

Старенькая дверь хрущевки уныло скрипнула жалобным стоном давно не смазанных петель. В узком коридоре стоял тяжелый спертый воздух – то ли от многочисленных лекарств, то ли от запущенной смертельной тоски...

В полутемной комнате с плотными шторами беззвучно мигал телевизор и монотонно тикали старинные настенные часы.

Клим не сразу узнал в маленьком щуплом старику, задремавшем в кресле, грозу своего детства и юности. Веки старика дрогнули, и он совершенно чужим и слабым голосом спросил:

– Клим, это ты? А где мама?

– Мама осталась дома, Михаил Фомич. Я взял у нее ключи и решил к вам заехать. Как вы себя чувствуете?

– Да ничего... Можно сказать, что отлично! – попытался взбодриться отчим, с трудом нашупывая очки на журнальном столике. – Вот видишь – уже сижу, даже с палочкой иногда пытаюсь ходить, и все это – благодаря ей!

Клим успел заметить аккуратно разложенные на столе старые фотоальбомы с семейными фотографиями.

– Любуюсь прошлым, – со скрытой грустью объяснил Фомич, поймав взгляд Клима. – А ты очень изменился, совсем взрослый стал!

Клим непроизвольно улыбнулся – такое впечатление, что речь шла о белобрысом мальчишке с черно-белой фотографии из альбома. И сжалось сердце – больной, одинокий старик, оставшийся наедине со своей памятью, и властолюбивый жестокий Горыныч – совершенно разные люди!

– Спасибо, что пришел! – тусклые глаза старика заметно увлажнились. – Я уже и не надеялся тебя увидеть...

– Михаил Фомич, я пришел вам сказать, – начал Клим, присев возле отчима, – во-первых, спасибо за книги и за дневник – это было для меня настоящим подарком. А во-вторых... – он увидел, как губы старика заметно задрожали, – простите меня... Ведь это я тогда настоял на вашем разводе с матерью, я запретил ей видеться с вами, я провернул куплю-продажу вашей квартиры в центре города и я...

– Дальше не продолжай, – остановил его отчим. – Сейчас не время выяснять отношения. Значит, я это заслужил... Рано или поздно каждому из нас приходится платить по счетам и отвечать перед жизнью за то, как мы распорядились ее дарами. Так что и ты меня прости, Клим, – продолжил Фомич, и его сморщенное лицо еще больше сжалось от внутренней боли. – Я был тираном, деспотом, самодуром... Не перебивай! Я и сам знаю, что это – так... Иначе ты бы меня хоть раз в жизни папой назвал. Но я искренне тебя любил, как мог... Грех один старый на мне есть и не дает покоя... Вот послушай. Был у меня в молодости закадычный друг, не разлей вода. И надо же – мы с ним одновременно влюбились в одну и ту же девушку! Но был он слишком ветреный и вольный, как птица. Я знал, что поиграет он с нею немного и дальше полетит. А я был настроен серьезно и решительно. Однако что я ни делал, как ни старался ухаживать – а она все равно к нему да к нему... Но ты меня знаешь, – усмехнулся отчим, – если мне что нужно – так я зубами выгрызу! Так и тогда. Сказал своему другу, что, мол-де, она ему со мной изменяла, и неоднократно, даже доказательства умудрился подстроить. А ему поверить – только на руку оказалось: она уже была от него беременна на третьем месяце. Ну, в результате друга я потерял, зато жену себе приобрел такую, как хотел. Правда, посопротивлялась она немножко, а потом – ничего: стерпелось, слюбилось, да и куда ей самой с дитем на руках?..

Клим молча, не отрываясь, смотрел на отчима, пытаясь определить, какие чувства у него сейчас вызывает этот жалкий старик после откровенных и жестких признаний.

– Да, это я ее разлучил с твоим отцом, – продолжил Михаил Фомич. – За обман – каюсь, но будущего у них все равно бы не было. Я старался тебя любить, Клим, как родного сына, и все время хотел из тебя воспитать настоящего мужика. Но, признаюсь откровенно, все равно все эти годы сидела в сердце затаенная обида на твою мать, что когда-то она меня

другому предпочла. А ведь ты мог быть действительно моим кровным сыном! Знаешь, сколько я об этом думал? Наверное, поэтому я и тирианил вас излишне — мстил таким образом, что ли...

— Ладно, Фомич, это тоже дело прошлого, — Клим миролюбиво коснулся его плеча. — Будем считать, что мы — квиты. Кстати, а за мужика тебе спасибо — воспитал-таки!

Во взгляде отчима промелькнуло что-то знакомое из недавнего сновидения.

— Тебе, наверное, еще на работу ехать... — тихо произнес он. — Перекуси перед дорогой, сынок. Возьми в холодильнике...

* * *

Фомич умер на следующий день во сне — тихо, мирно и неожиданно. Его так и похоронили: с легкой улыбкой на губах и каким-то светлым, умиротворенным выражением лица.

Бывшие сослуживцы шептались на похоронах:

— Мы его таким при жизни не видели.

— Да... Такую смерть тоже нужно заслужить...

Как оказалось, незадолго до смерти Михаил Фомич успел составить завещание, согласно которому все накопленные за долгие годы усердных трудов и экономии приличные сбережения переходили к его приемному сыну.

К завещанию прилагалась записка Климу, в которой неровным почерком была написана всего одна фраза: «*Не жалей денег на свои мечты. Они стоят того, чтобы осуществиться!*»

Глава 6 Добро

Свое пережитое ты должен
Отшлифовать так,
Как шлифуют алмаз —
В его собственной пыли.
Ты сам шлифовальщик
Драгоценных камней
И золотых дел мастер
Своего кольца жизни.

Бо Ин Ра

— Климентий Александрович, я буквально на пять минут, — финансовый директор Роман Скорик не вошел, а ворвался в кабинет без предупреждения, вооруженный толстой папкой по бухучету. Из-за его плеча выглядывал покрасневший и растерянный Трухин. Практика уже показала, что он находился в таком замешательстве всякий раз, когда отчаянно пытался одновременно усидеть на двух стульях.

— Я, конечно, понимаю, что вы — полноправный владелец собственной компании, — начал Скорик, еле сдерживая гнев в голосе, — но не кажется ли вам, что в последнее время «Виктория» больше напоминает фонд милосердия, чем инвестиционно-строительную компанию? Мне как финдиректору хочется понять, с чем связаны регулярные отчисления с нашего счета.

— Тебе чего-то не хватает, Роман, а может, тебе, Паша, маловато? — сухо спросил Клим.

— Климентий Саныч, я — фигура второстепенная, — поспешил оправдаться Трухин, заметив, что глаза шефа наливаются хорошо знакомой сталью. — Но как исполнительный

директор «Виктории» я вынужден нести определенную ответственность за деятельность компании...

— А деятельность компании нынче сводится к тому, — перебил его Скорик, — что мы без устали переводим деньги — непонятно кому и зачем. То выписываются внеплановые премиальные сотрудникам, то мы затыкаем дыры «Астре», щедро компенсируя ее застой, кстати, по нашей вине... — Тут финдиректор бросил многозначительный взгляд на Клима. — То кормим благотворительные фонды, и наконец сегодня колоссальная сумма денег уплывает в какую-то больницу! Это не входило в наши планы...

— А в мои — входит, — отрезал Клим, впиваясь потемневшим взглядом в глаза Скорика. — В «какой-то» больнице, как ты, Рома, только что изволил выразиться, ежедневно умирают без помощи онкобольные дети. И я это видел собственными глазами! Это страшно... А на «Виктории» и уж тем более на твоей драгоценной личности эти отчисления никак не отразятся! Все! Я так решил.

Клим демонстративно включил компьютер, подчеркивая тем самым, что разговор закончен. И так все понятно! Скорик давно высчитал свою квартальную премию, а Трухин был не против разделить финансовый успех «Виктории» с прибавкой к жалованью, вот они и задержались, когда началась «внеплановая утечка» денег.

— Хозяин — барин, — прошипел Скорик, — но не забывайте, босс, о том, что благими намерениями дорога в ад устелена...

— Клим, я тут пробил одну информацию, — задержался на пороге Трухин, пытаясь загладить зарождающийся конфликт, — и выяснил, кто является директором представительства в Украине той самой иностранной компании — нашего конкурента. Это наш бывший земляк. Все данные уже на твоей личной почте. Кстати, он сейчас в Крыму. Может, тебе это будет интересно? — с надеждой спросил Трухин, который никак не мог избавиться от идеи отвоевать территорию для «Нептуна».

Клим молча кивнул головой и жестом указал на дверь.

* * *

... — Ну, ну, тебя уже за ДОБРО попрекают! Это — хороший знак! — прозвучал знакомый голос.

Клим оторвался от компьютера и непроизвольно рассмеялся — уж больно смешно и нарочито выглядел Гел в этом дурацком деловом костюме, застегнутом на все пуговицы, и с нелепо ярким галстуком на шее.

Для того чтобы встретиться с Хранителем, уже было необязательно ждать ночи и настраиваться на Место своего Покоя. Иногда он появлялся внезапно и без приглашения. Вот и сейчас возник из ниоткуда и развалился вальяжно на кожаном диване, поигрывая в руке новеньkim мобильным телефоном.

— Не вы к нам — так мы к вам! — весело произнес Гел, заметив легкое замешательство Клима. — Ты куда пропал? Я уже соскучился по нашим дружеским посиделкам.

Действительно, последние события настолько выбили Клима из колеи, что он засыпал исключительно на снотворных и успокоительных, проваливаясь в глубокий сон без видений и привычных бесед с Ангелом. Сначала — похороны отчима, потом — внезапно обострившиеся мамины страхи о здоровье сына, с которыми приходилось бороться и всячески переубеждать ее в обратном, хотя его приступы усилились и пришлое увеличить дозу болеутоляющих.

— Кстати, — продолжил всезнающий Хранитель, не дожидаясь ответа Клима, — благодаря твоему переводу в онкоцентр Машеньку завтра будут готовить к операции, а Коле уже купили все необходимые лекарства. А он еще посмел заикнуться о дороге в ад!

— Это ты о Скорике? — улыбнулся Клим.

— Да больно нужен мне твой хитрый лис! — отмахнулся Гел. — К сожалению, такими скориками земля кишмя кишит. Меня огорчила сама эта фраза: «Благими намерениями

дорога в ад устелена». Не перестаю удивляться, как быстро человечество взяло на вооружение то, чего на самом деле нет в Инструкции. Кстати, эта фраза отсутствует не только в Новом Завете, но и в Ветхом. Но людям она нравится. Ведь ею, как щитом, можно прикрываться каждый раз, когда необходимо остановить какие-либо добрые поступки и действия. Конечно, проще с видом знатока процитировать якобы библейскую мудрость, объясняя свое бездействие.

– Помню, что когда-то в юности я и сам пытался объяснить эту фразу, – задумчиво произнес Клим, – и наткнулся на следующую версию. Мол, когда мы решаем сделать кому-то доброе дело, то не интересуемся, нуждается ли он в этом. А вдруг мы вмешиваемся в обучающий процесс свыше и не даем возможности человеку самому что-то постичь и чему-то научиться?

– Глупости! – отрезал Ангел. – Джордж Герберт – английский богослов XVII столетия – до сих пор не может успокоиться, что его мудрое изречение «*Ад полон добрыми намерениями и желаниями*» так изощренно перекрученено современным человечеством! На самом деле изначальный смысл этой замечательной фразы в том, что добрых намерений значительно больше, чем добрых дел, а люди, которые не реализовывают свои благие стремления, а только о них говорят, не могут считаться праведниками и попадают в ад. В определенной степени это вольное переложение мысли апостола Иакова, выраженной в его Соборном послании: «*Вера без дел мертвa*», поскольку о действительности и крепости Веры можно судить только на основании добрых дел, а неосуществленность благих намерений считается результатом слабости веры и закрывает дорогу к спасению. Помнишь, о чем мы с тобой говорили возле мусорной свалки? Мы легко соглашаемся на словах творить добро, но нам не хватает постоянства, терпения и трудолюбия, а ведь Намерения – это и есть Мечты, Планы, Надежды и в конце концов – Добрые Дела, которые являются одной из составляющих ФОРМУЛЫ СЧАСТЬЯ. «*Дух отважен, но бессильна плоть*», – сказал Инструктор в притче о семенах, упавших на камни. Так вот, для того чтобы прорости, нужно творить ДОБРО! – изрек Ангел и исчез так же внезапно, как и появился.

Если бы не маленькое белоснежное перышко, опустившееся на диван, Клим бы решил, что все это время разговаривал сам с собой.

* * *

Только к концу дня, допоздна засидевшись на работе, он вспомнил об упомянутом Трухиным «досье» на конкурента. «Нептун» – несостоявшийся гостинично-развлекательный комплекс в Крыму – действительно мог бы стать самым крупным объектом за всю историю его компании и до конца жизни обеспечить ему как минимум безбедное существование. В том-то и дело, что ДО КОНЦА жизни... Клим не то чтобы предчувствовал этот конец – он сознательно решил отказаться от всякого рода суэты суэт, в число которых входила и затянувшаяся борьба с западными конкурентами за крымскую землю под строительство. В этой борьбе он явно мог выйти победителем, стоило только сделать нужный звонок, поставить личную подпись, отблагодарить полезных людей... Какие, казалось бы, мелочи! Раз – и он уже мультимиллионер! Но хотелось ли ему этого? Не кривя душой, он сам себе признался, что уже – нет. На данном отрезке времени любое распыление жизненной энергии и любая, даже самая незначительная сделка с совестью (а с «Нептуном» иначе бы не получилось) тут же отторгались его сущностью как некие ядохимикаты. То ли Гел постарался, то ли он сам устал от бесконечной гонки за миллионами и лжи самому себе...

«Интересно, кому это из бывших соотечественников я отвалил такое счастье?» – подумал Клим и решил исключительно из любопытства заглянуть в электронную почту.

– Не может быть! – спустя минуту громко воскликнул он, прочитав короткое сообщение от Трухина. – Этого просто не может быть! – повторил еще раз, словно уговаривая себя не верить глазам.

Некоторое время он сидел в замешательстве, пытаясь осмыслить только что увиденное,

затем быстро переписал адрес и контактные телефоны представительства в Крыму, залпом выпил дежурную рюмку коньяка и решительно набрал мобильный своего водителя:

— Ильич, знаю, что ты уже отдохаешь. Постарайся хорошенько выспаться до пяти утра, чтобы мы не позже семи выехали в Крым. Куда именно? В Ялту!..

«Надо же, какое совпадение!» — Клим еще раз бросил взгляд на экран монитора, где висело сообщение: «Семен Ольшанский, директор Украинского представительства компании по гостиничному строительству «Modern systems LTD». — Хотя... совпадений быть не может, — твердо заключил он, выключая компьютер.

* * *

...До рассвета оставалось не так много времени, а нахлынувшие воспоминания не давали уснуть. Тем не менее Клим прилег на кровать и закрыл глаза, практически не сомневаясь, что где-то на туманной границе между сном и явью его уже поджидает Ангел с указателем для одного из ключевых Перекрестков судьбы...

— Все сходится! — сначала Клим услышал голос Хранителя, а потом заприметил его на морском берегу.

Гел уже снял с себя нелепый деловой костюм и опять был одет в свободную белоснежную рубаху и легкие светлые брюки, закатанные по щиколотку. Было очевидно, что он чем-то очень занят. Подойдя поближе, Клим увидел, как он раскладывает перед собой замысловатый пасьянс... из толстой пачки стодолларовых купюр и что-то тщательно записывает в блокноте, сморщив от напряжения лоб.

— Чем ты занимаешься? — с изумлением спросил Клим, впервые застав своего Ангела за таким непривычным занятием.

— Подсчитываю твой баланс, — не отрываясь от «пасьянса», ответил тот и еще раз повторил: — Действительно, все сходится! Тебя можно поздравить, мой друг! Твои сбережения запросто позволяют отвоевать тот земельный участок в Крыму и осуществить твою мечту. Ты же давно мечтишь в «богачи года», правда, Клим? — хитро сощурился Гел.

— С чего ты взял, что это — моя мечта? — Клим был неприятно удивлен таким началом встречи и слегка раздражен из-за того, что Место Покоя по прихоти Гела вдруг превратилось в филиал его компании.

— Уже не мечта? — с наигранным удивлением переспросил Хранитель. — Отлично! Тогда этих денег тебе вполне может хватить на желания из твоего дневника. Начнем с самого главного...

— Положи, где взял! — грубо прервал Клим. — Эти деньги предназначены для другой цели.

— А тебе не жалко? — с сомнением в голосе поинтересовался Ангел, собирая хрустящие купюры в плотный мешок. — Здесь же целое состояние! Думаешь, ОН это оценит?..

— Решил поиграть в змия-искусителя? — усмехнулся Клим. — Тогда один — ноль в мою пользу: я это делаю не для ЕГО оценки, а для того, чтобы снять с себя головную боль и наконец избавиться от чувства вины.

— Нужно заменить вину на ответственность, — поправил Хранитель. — И это серьезное испытание, Клим... — многозначительно изрек он и тут же беззаботно добавил: —...пить пиво в такую жару!

Клим повернул голову и совсем рядом заметил маленькое кафе из разряда уличных забегаловок, особенно популярных много лет тому назад. И он без раздумий и колебаний вошел в полуоткрытую дверь своей Памяти...

* * *

...Клим сидел за липким столиком в прокуренном кафе с глупейшим названием

«Улыбка» и за очередным бокалом слегка подгулявшего пива подводил итоги своей жизни. Итак, что у него есть? Если мыслить позитивно, то не так уж и мало: здоровье, молодость, силы и «копейка»-«жигуленок», оставшийся на память от некогда комфортной гэдээровской жизни. На этом позитив заканчивался, и Клим в очередной раз чертыхнулся, проклиная себя за то, что когда-то пошел на поводу у Горыныча, всегда знающего, «как лучше». Вот оно и получилось, как лучше: он остался без работы, без денег и без четких планов на будущее, да и всемогущий отчим сам оказался в том месте, на котором обычно сидят.

А вначале все складывалось не так уж и плохо. Под нажимом Горыныча он все-таки поступил в военно-инженерное училище и со временем даже успел к нему привыкнуть – нашлись любимые предметы и хорошие друзья. Затем, получив звание офицера, он тут же уехал на службу в ГДР, что также подсуетил, благодаря своим связям, Михаил Фомич. Тогда его называли везунчиком. Еще бы! Блестящая «заграница», хороший оклад и реальная возможность неплохо подзаработать. Клим заранее мог себя считать состоятельным человеком: все, кто оттуда возвращался, привозили как минимум по одному автомобилю, а это была просто царская роскошь, учитывая тот факт, что новенький «жигуленок» приравнивался по цене к неплохой квартире.

Да, единственное, что он успел, – это купить машину. Через два года его службы за границей советская система затрещала по швам, и все войска начали выводить обратно. В криворожской части, куда Клима направили, его хватило буквально на полгода – уж слишком разительным и невыносимым оказался контраст между немецким качеством и советской действительностью. А после стремительного и окончательного развала «единого и могучего» Клим обнаружил свое будущее в густом тумане: военное ремесло было теперь не только безденежным, но и бесперспективным, а его собственные мечты и надежды давно канули в Лету вместе с потерянным дневником и нераскрытым смыслом жизни.

Из-за политических и социальных пертурбаций и у Горыныча начались существенные перемены на работе, которые были явно не в его пользу. Он ходил темный как туча – проторенная карьерная лестница в насиженном министерстве резко оборвалась, и Клим даже при всем своем желании уже не мог рассчитывать на поддержку отчима.

Он ушел из армии без сожаления и колебаний, скорее даже с каким-то скрытым внутренним облегчением – исчезла необходимость заниматься принудительным делом, не приносящим ни удовлетворения, ни радости.

Правда, классический вопрос «что делать?» ежедневно преследовал его, как навязчивый кошмар, избавиться от которого Климу никак не удавалось – он действительно не знал, в какую сторону ему теперь рулить и чем заняться.

Серые, однообразные дни проходили в полном бездействии и апатии. И чем быстрее таяли накопленные сбережения, тем глубже он погружался в вязкую неопределенность и осознавал бессмысличество своего существования.

Поморщившись, он сделал глубокий глоток приевшегося пива: «А что, если продать машину и...»

– Философ?! Вот так встреча! А я случайно мимо проходил и заметил знакомое лицо в этом «генделыке»! Вот уж не ожидал так не ожидал тебя здесь увидеть!

Клим не сразу узнал в этом холеном и хорошо прикинутом франте, бурно выражавшем радость от встречи, бывшего сокурсника Сему Ольшанского. Вечный Двигатель, как его окрестили на «военке» за чересчур активный темперамент, был одним из немногих курсантов, с кем Клим говорил на одном языке и кого смело мог назвать своим другом. Изобретательный и шустрой Сема трудно увязывался с военной службой, поэтому Клим не удивился дошедшем слухам, что Ольшанский практически сразу после выпуска ушел из армии и что-то «замутил» на гражданке.

Судя по внешнему виду и довольному выражению лица, Двигатель явно процветал.

– Значит, так, – по-деловому сказал он, протягивая Климу его куртку, – я понял, что ты особо никуда не спешишь, да и у меня есть часок-другой свободного времени. Для начала – сменим дислокацию, а там и поговорим по душам.

Несколько позже, выслушав короткое повествование Клима, Сема задумчиво произнес:

– Да-а, вижу, ты конкретно развалился с Союзом за компанию... Но ничего, мы тебя быстро соберем! Ты ведь знаешь, моих идей на многих хватит! – тут же оптимистично заверил он друга и щедро заказал в роскошном ресторане еще «добавки» к хорошей закуске.

«Час-другой» затянулся до позднего вечера, и за это время Двигатель успел разработать целую стратегию и тактику в их будущем перспективном и процветающем бизнесе. Оказалось, что Сема уже хорошо закрепился на бирже, которая занималась недвижимостью, и предложил товарищу свободное брокерское место по купле-продаже квартир.

– Но я не... – начал было Клим, растерявшись от неожиданности, но сопротивляясь напору Семы было бесполезно.

– Не боги горшки обжигают! Ты, главное, слушай меня, а потом, когда втянешься, мы с тобой еще таких делов наделаем... Ох, чует мое сердце! Давай быстрей по рукам!

Так встреча с Ольшанским мигом перевернула жизнь Клима. Он легко благодаря Семе освоил новую профессию, и вскоре они составили прекрасный tandem друзей-партнеров. Смекалистый и шустрый Двигатель был настоящим генератором идей – они сыпались из него, как из рога изобилия, причем он всегда мог просчитать самые выгодные варианты и самые удачные комбинации решения всевозможных вопросов. Клим же, обладая врожденным ораторским искусством и неплохим знанием человеческой психологии, гармонично дополнял изобретательного Сему и воплощал его идеи в действительность. Вскоре он увлекся этой «игрой в бизнес», почувствовал вкус денег иставил перед собой все более сложные задачи.

Автомобиль продавать не пришлось: он им пригодился на первом этапе становления, когда распахнулся железный занавес и на волне миграции они заработали дополнительные деньги на посреднической деятельности. Начальный капитал позволил снять небольшой офис, чтобы реализовать новое Семино изобретение, проверенное на одном старом еврейчике, чья квартира была выкуплена по смешной цене, а затем втридорога перепродана. Как показала дальнейшая практика, Ольшанский нашупал настоящую золотую жилу. Они находили «завалившиеся» квартиры и оперативно их выкупали, после чего, немного подождав, выставляли на продажу и на разнице зарабатывали вполне приличные деньги.

Вскоре неугомонного Сему опять озарило: покупать по дешевке квартиры в самом запущенном и убитом состоянии, а затем их реанимировать своими силами. Так их маленькая и новоиспеченная фирма «Виктория» открыла очень выгодное направление в своей деятельности – сдачу в аренду квартир и офисов, и так зародилась «Астра-Нова» – дочернее предприятие по ремонту.

Все развивалось настолько успешно, что казалось, они были «на ты» с госпожой Фортуной, поэтому свой первый крупный проигрыш и финансовую потерю Клим воспринял как личный прокол. Нарвавшись на мошенника с фальшивыми документами, он особенно остро ощутил нехватку специального образования и поступил на юридический факультет, чтобы вооружиться необходимыми знаниями.

К тому времени партнеры стали использовать новое изобретение: брали сами в долгосрочную аренду квартиры, делали в них евроремонт, а затем сдавали посуточно для приезжих иностранцев. Сема просчитал, что таким образом не нужно вкладывать большие деньги в покупку, прибыль же была значительной.

Клим быстро пересел с устаревшего «жижуленка» в новенькую «девятку», что по тем временам считалось визитной карточкой обеспеченного человека.

Но тут произошел неожиданный поворот событий. Один из влиятельных клиентов предложил Ольшанскому работу в городском совете, и тот, недолго думая, согласился, поскольку увидел в этом предложении отличную перспективу для развития бизнеса. Для Клима же это был удар ниже пояса – над его наконец-то отлаженным миром нависла реальная угроза очередного развода, поскольку он не представлял дальнейшую деятельность без Вечного Двигателя, подавшегося в чиновники.

– Смотри глубже, – успокоил его Сема, – я все заранее просчитал и хорошо продумал.

Ты даже представить себе не можешь, насколько мы с тобой выигрываем от такого расклада!

Двигатель и предательство были несовместимыми понятиями. И это успокаивало. А идея, предложенная им, превзошла все его предшествующие инновации.

– Все гениальное просто! – изрек Ольшанский. – Сейчас началась повальная приватизация, на которой мы и сыграем. А играть будем по-крупному: на государственных объектах. Не забывай, что я теперь имею доступ к нужной информации, поэтому можешь считать, что ты уже выиграл многие тендеры по приватизации различных госпомещений!

Климу ничего не оставалось, как поверить другу на слово, тем более что, уходя на государственную службу, Ольшанскому пришлось оставить свою долю бизнеса в их общем деле и переоформить все документы на Клима, сделав его стопроцентным собственником компании. Клим было заикнулся о подписании каких-либо бумаг, на что Семен со свойственной ему легкостью сказал:

– Мы же с тобой не один пуд соли вместе съели – какие могут быть бумаги? Мне вполне достаточно слова друга, ведь я тебе доверяю как самому себе!

Данный вариант Клима вполне устраивал, тем более ему удалось убедить товарища вкладывать в бизнес все заработанные деньги. Семен, которому был не чужд дух транжирства, немного посопротивлялся, но затем все же согласился с предложением умерить свой пыл на несколько лет, чтобы потом ни в чем себе не отказывать.

Ольшанский щедро подкидывал партнеру всевозможные объекты и помогал их проводить по всем необходимым процедурам. Результаты превзошли самые смелые ожидания Клима. «Виктория» переехала в новый просторный офис, «Астра» существенно расширила свой штат, а сами они купили себе по долгожданной квартире в центре города.

Бизнес в стране напоминал крутые американские горки: то круто вверх, то резко – вниз. Но благо прозорливость Семы выручала каждый раз, когда возникали очередные непредвиденные сложности.

Со временем объекты для приватизации начали таять буквально на глазах, а разница между приватационной и рыночной стоимостью становилась такой незначительной, что нужно было немедленно выйти на другой уровень, чтобы не нарушить налаженную работу их расширявшейся компании. На этот раз Двигатель размышлял дальше обычного... Отложив приватизацию, их компания замахнулась на самостоятельное строительство объектов. Это была афера века, как любил говорить Клим, но зато какая! Пронырливый Семен Маркович, прочно закрепившийся в чиновничих кругах, активно ходатайствовал о выделении ООО «Виктория» земельных участков под строительство объектов – так со стандартных жилых домов началась для их «Астры» «большая стройка», а для их бизнеса – новые высоты, которые за три года вознесли к реальным миллионам.

Клим привык жить на широкую ногу. Кто сказал, что деньги портят человека?! Напротив, они щедро предоставили ему пропуск к СВОБОДЕ. Теперь он легко и просто мог купить все и вся: женщин, машины, связи, признание и престиж, причем не напрягая себя излишними вопросами «удобно – неудобно». Очень быстро освоив негласный закон джунглей: «Если не ты – то тебя», он стал одним из самых молодых и перспективных предпринимателей столицы, отдав этому почетному званию все свои умения, знания и... душу.

Но вот страну в очередной раз затрясло от политических перемен, и Клим почувствовал это одним из первых. В течение целого года Семен не смог подбросить ни одного нового заказа, и «Виктория» проиграла тендер на строительство крупного спортивного комплекса.

– Какое мне дело, что в твоей верхушке меняется команда? – орал Клим в телефонную трубку. – У меня уже все было на мази, а теперь я потерял огромные бабки. Кто их компенсирует? Ты?!

Это был их первый конфликт, и Клим решил трезво посмотреть на вещи и признать тот факт, что Двигатель утратил свое былое влияние, а это только начало...

Тогда он предложил Семену сделать паузу в их сотрудничестве «до лучших времен», хотя все для себя уже решил: он вырос из старых штанишек и способен действовать

самостоятельно, благо репутация компании уже работала на него.

Около трех месяцев он умышленно избегал контактов с бывшим партнером, не выходя на связь и не отвечая на его телефонные звонки, тем более что, как он слышал, сейчас Ольшанскому было не до него: к власти пришла новая команда, и Сема лез из кожи вон, чтобы удержаться на плаву.

... – Проще попасть на прием к президенту страны, чем к тебе, – съязвил Семен, входя к нему в кабинет. – Пока пробьешься через все кордоны твоей охраны... Но зато сразу видно, что у нас все в порядке!

– Не у нас, а у меня, Сема, – отрезил его Клим, по-хозяйски указав на стул.

– Видно, я что-то пропустил? – попытался пошутировать Ольшанский.

– Я знаю, зачем ты пришел, – холодно произнес Клим, соблюдая дистанцию. – Разведка донесла, что тебя уволили. А у меня свободных серьезных денег нет – все крутится, как ты понимаешь, в бизнесе, хотя кое-какие дивиденды из «копилки» я смогу для тебя найти...

– Строишь из себя добродетеля? – Семен ошарашенно вытаращил глаза на протянутый ему бумажный конверт. – Какая копилка, Клим? Мы же с тобой партнеры! Да, меня выперли из горсовета, но это же ничего не меняет. Зато теперь у меня будет больше времени, чтобы вместе с тобой развивать наше дело.

– Это дело уже давно стало МОИМ, – отрезал Клим, – еще с тех пор, как ты прошарил все государственные заказы. Времена изменились, Сема, и мы вместе с ними. Чего ты носом крутишь? Скажи спасибо, что я решил гонорар выплатить – он тебе сейчас, как понимаю, очень кстати!

– Ну ты и шкура! – взорвался Сема. – Внештатным менеджером меня решил сделать?! А как же наш договор?

– Какой договор? – ухмыльнулся Клим. – Разве мы что-то с тобой подписывали, Ольшанский? Или тебе мало твоих процентов? А кто здесь вкалывал денно и нощно и между двумя фирмами разрывался на части, пока ты на чиновничьем кресле штаны протирал? Бери – и не выпендривайся!

– Я-то возьму, хотя это – сотая доля того, что мне причитается. Жаль, Клим... Не денег жаль, а того, что ты такой сволочью оказался. Но ничего – твое же к тебе и вернется, вот увидишь! – Семен на прощание сплюнул в его сторону.

Истолковав по-своему эти слова, Клим решил перестраховаться и навсегда поставить жирную точку в их отношениях. На следующий день бригада «товарищей» была отправлена по месту жительства Ольшанского и передала ему от Клима «большой привет».

Довольно скоро после «предупреждения» Семен с женой уехал за границу. Больше Клим о нем ничего не слышал. И от этого ему было спокойно: с глаз долой – из головы вон. Но спустя годы Сема, как скрытое угрызение совести, стал периодически выныривать в памяти, а вслед за этим – приступы головной боли...

* * *

...Маленько кафе растворилось, как мираж, а Клим стоял на пустынном морском берегу, ощущая во рту слабый привкус горьковатого пива.

– Не смотри на меня так! – сказал он, поймав укоризненный взгляд подошедшего к нему Ангела. – Да, я тогда так решил, потому что ситуация резко изменилась.

– Я не спрашиваю, в каком месте она изменилась, – хладнокровно произнес Ангел, и у Клима неприятно кольнуло в области сердца. – Меня интересует другое – ты считаешь, что поступил правильно?

– Справедливо, – вызывающе ответил Клим, стараясь не смотреть в глаза Хранителя, которые приобрели темно-зеленый оттенок. – Ты, Гел, конечно, мастер в духовных делах, но в реальности все обстоит гораздо сложнее и приземленнее. Есть некие правила большого бизнеса... Впрочем, тебе этого не понять.

– Да уж куда мне с моим слабым умишком тягаться с тобой! – иронично воскликнул

Ангел. – Действительно, в нашей Небесной канцелярии все гораздо проще и примитивнее: «*Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит*». А теперь объясняю по-вашему, по-человечески, – в голосе Хранителя прозвенел непривычный металл. – СПРАВЕДЛИВОСТЬ – это всего лишь выполнение того, о чем вы ДОГОВОРИЛИСЬ, и никакие природные и социальные катаклизмы не должны повлиять на данное тобой слово. Ты взял на себя некие обязательства перед своим партнером, и какая разница – на словах они или на бумаге? Озвученные обещания имеют не меньшее, а даже большее значение, чем подпись на чеке, которую банк принимает к исполнению. Кстати, твой Сема оказался гораздо ближе к Системе, чем ты, поскольку он проигнорировал в свое время какие-либо официальные оформления. Он ВЕРИЛ тебе, понимаешь? И твое СЛОВО значило для него гораздо больше, чем какая-то бездушная бумажка, унижающая недоверием само человеческое достоинство. Но вы, современные бизнесмены, стали настолько ушлыми в «житейских» вопросах, что обман теперь считается высшим пилотажем и мастерством. Разве не так?

– Но ведь я же руководил всеми проектами, я вкладывал деньги, я шел на риск... – попытался защититься Клим, искоса поглядывая на разбушевавшегося Гела.

– Спасибо, что напомнил! – воскликнул Ангел. – В вашем мире совершенно обесценились ИДЕИ, и все опять сводится к этим зеленым фантикам! Да, ты руководил и реализовывал, но кто придумывал? Вначале было слово – его Идеи, Надежды и Мечты, которыми он с тобой великодушно и открыто поделился, потому что очень в них верил, а чуть позже у тебя образовался необходимый запас энергии в виде денег, которые быстро стали твоей суррогатной мечтой после потери настоящей... Конечно, ты абсолютно заслуженно считаешь себя умным человеком, – голос Гела немного потепел, – но ум очень часто плохо приспособлен для того, чтобы принести человеку счастье, удовлетворение и душевный покой. Вот если бы ты его тогда не обманул, Клим, неужели ты бы стал беднее? Да твой Сема, я уверен, принес бы тебе еще 33 свежие идеи, одна из которых, быть может, воскресила бы и твою личную МЕЧТУ...

– Не дави мне на совесть. – защищался Клим.

– Это я-то давлю? Твоя СОВЕСТЬ – это голос твоей ДУШИ, твой внутренний голос. Вспомни, сколько раз ты не хотел его слышать! Ты затыкал рот своей душе, и она задыхалась. Как вы, люди, не можете понять, что, РАСПРАВЛЯЯСЬ СО СВОЕЙ СОВЕСТЬЮ, УБИВАЕТЕ ДУШУ! А без души вы кто? Звери!

Клим давно не видел Ангела таким раздосадованным, рассерженным. Конечно, этот Перекресток судьбы был особенно тяжелым и болезненным. Сема как напророчил – все к нему же и вернулось: его первые головные боли начались с приходом мысли избавиться от партнера и усилились спустя недолгое время после их громкого разрыва. После того, когда упование собственной победой и независимостью сменилось внутренней тоской и опустошенностью...

– Вот скажи мне, Гел, а почему твой Шеф, ой, прости, Создатель, так скептически относится к зарабатыванию денег? – спросил Клим, решив сменить неприятную для него тему предательства. – Он даже в Инструкции советует нам не заботиться о том, что есть, что пить и во что одеваться. Так что это получается – махнуть на все рукой и жить как попало?

– Перечитай на досуге Инструкцию, – снисходительно посоветовал Хранитель. Он уже немного успокоился и теперь занимался тем, что мастерил какое-то замысловатое оригами из новеньких стодолларовых купюр. – Создатель имел в виду, что он видит, в чем вы нуждаетесь, и не оставит вас без поддержки, но во всем должна быть мера, а вы, как правило, ее не знаете. *«Не собираите себе сокровищ на земле, где моль и ржса истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собираите себе сокровища на небе... ибо, где сокровища ваше, там будет и сердце ваше»*. А где твое сердце, Клим? Молчишь? Вот то-то и оно... Да нормально Он относится к деньгам – это вы до сих пор не научились управлять их энергией!

– По-твоему, у денег тоже есть энергия? – спросил Клим, борясь с соблазном отобрать у Гела его новую «игрушку».

– Еще какая! – ответил тот, пристраивая крышу к бумажному замку. – Вы грамотно научились управлять потоками денег – вон сколько колледжей, факультетов и университетов создали для этой цели! *Но денежные потоки и денежная энергия – это две большие разницы.* Знаешь, почему говорят, что большие деньги погубили человека? Это значит, что он не справился с их энергией.

– Да ладно, Гел, денег много не бывает! – рассмеялся Клим, живо представив себе, как он тонет в бушующем потоке из баксов.

– Кстати, так оно и есть! – подмигнул ему Хранитель, мигом просканировав «картинку» Клима. – В известной притче «Золотая антилопа» четко показана трансформация денежных энергий. Жадный казначей тоже считал, что денег много не бывает, а ему попытались объяснить, что это – исключительно философское понятие и если он вдруг скажет, что все, с него хватит, то деньги тут же превратятся во что-то другое. И вот когда его по уши засыпало денежным песком, он таки закричал «хватит», но уже было поздно… Увы, многие слепо верят, что смогут управлять деньгами в любом количестве, хотя на самом деле у каждого человека есть свой барьер управления энергией денег и свои границы, переходить через которые очень опасно. Люди настолько стали заложниками богатства, что уже не они управляют деньгами, а деньги руководят ими, постепенно затягивая в смертельную западню лучшие человеческие качества и достоинства. Поэтому запомни, *нельзя одновременно служить двум господам: Богу и мамоне*, но можно быть состоятельным человеком – состоявшейся личностью, оставаясь при этом ЧЕЛОВЕКОМ и самим собой.

– Тебя послушать – так быть богатым просто стыдно! – ухмыльнулся Клим, с тревогой поглядывая на большой бумажный замок, который еще недавно был частью его капитала.

– Во-первых, богатство – это относительное понятие, а во-вторых – не стыдно, а трудно! – парировал Ангел, любуясь своим творением. – *«Трудно богатому войти в Царство Небесное; удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Божие».* Кстати, не сказано: «нельзя войти», а «трудно». Одни из ворот в Иерусалим назывались «Игольное ушко», поскольку они были очень низкие и тесные. Торговцам сначала приходилось развязывать верблюда, самим занести тяжелую кладь, а затем помочь животным, которые проползали через ворота буквально на коленях. Я ни в коем случае не осуждаю богатых людей, просто им особенно необходимо регулярно над собой работать, поскольку они взяли на себя очень большую ответственность, управляя крупными коллективами и колоссальными энергиями денег. И чтобы энергия денег не превратила их души в обугленные головешки, им нужно постоянно придерживаться четких правил Инструкции, одно из которых: *«Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся».*

– Ты так много говоришь о правилах, – подметил Клим, – но чем же правила в бизнесе отличаются от основных – ну, тех, о которых ты мне уже когда-то рассказывал?

– Да ничем! – улыбнулся Ангел. – Абсолютно во всех вещах действует одно и то же ключевое правило: **ОТНОСИСЬ К ЛЮДЯМ ТАК, КАК ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ОНИ ОТНОСИЛИСЬ К ТЕБЕ; ПОВЕРЬ В СИСТЕМУ И В САМОГО СЕБЯ, СОЗДАННОГО ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ СОЗДАТЕЛЯ.** Даже когда ваша ООН летом 2011 года примет резолюцию о Счастье, еще долгие годы человечество будет пытаться понять СМЫСЛ новой экономики и энергии денег.

Несколько минут они молча сидели на теплых камнях, выглядывающих из воды, как спины диковинных динозавров, погруженных в морскую пучину. Над Местом Покоя стояла тишина, изредка нарушающаяся криком белокрылых чаек и шорохом волн, разбивающихся о скалистые утесы.

– Гел, так я пошел? – тихонько спросил Клим у Ангела.

– А ты знаешь, куда идти?

Он кивнул и медленно побрел по берегу, разгребая босыми ногами мелкие разноцветные камешки. Берег был по-прежнему пустынным, но Клим четко знал, что где-то там, за дальним поворотом прибрежной косы, его ждет дверь, в которую он должен войти…

* * *

...Он долго звонил, пока дверь наконец не открыли. На пороге стояла Лиля – с покрасневшими глазами и осунувшимся лицом.

– Ну как, подрастаем? – как можно веселее спросил Клим, глядя на ее заметно округлившийся живот.

– Клим! – обрадовалась жена Семена, пропуская его в квартиру. – Ну, наконец-то! А то Семка совсем расклеился после этого проклятого сокращения. Никого ни видеть, ни слышать не хочет, а тут еще вбил себе в голову, что и ты решил его кинуть! Какая глупость, правда? – с надеждой в голосе спросила Лиля, проводя его в кабинет мужа.

Судя по недельной щетине Семы, застоявшемуся воздуху и батарее пивных бутылок на полу, тот действительно всерьез потерял контакт с внешним миром.

– Какими судьбами? – удивился Ольшанский, дыхнув на Клима тяжелым перегаром.

– Извини, друг, раньше приехать не мог, а по мобильному ну что с тобой говорить? Это не телефонный разговор, – сказал Клим, открывая форточку. – Сколько времени тебе надо на реабилитацию – день, два, три? Хотя лично я буду очень рад, если буквально завтра увижу тебя на работе.

– Ты что, нанять меня решил? – скривился Сема.

Клим почувствовал, как нелегко приходится Двигателю справляться с ущемленными амбициями.

– Нанять? – он в свою очередь сыграл удивление. – «Виктория» – такая же твоя фирма, как и моя, просто, пока ты там в чиновника игрался, ты об этом слегка подзабыл. Но ничего, я тебе напоминаю, что там твоя доля – пятьдесят процентов, а это уже обязывает... Так что давай, с вещами на выход!

– Пятьдесят? – моментальнопротрезвел Ольшанский. – Разве мы с тобой что-то подписывали?

– Вот сейчас самое время все правильно оформить! И не смотри на меня, как Фома Неверующий, – улыбнулся Клим. – Неужели тебе мало СЛОВА, которое дал офицер офицеру?

Семен поднял на него глаза. Климу стало не по себе. Он увидел в них слезы...

* * *

...Секундный провал – и все те же глаза друга, только на этот раз искрящиеся веселым задором и характерной Семкиной энергией. «Как быстро пролетело время! – промелькнуло в голове у Клима. – Сколько же лет прошло с тех пор, как мы опять работаем вместе? Три? Четыре?»

– Хэппи бездей! – пропел Ольшанский на смешном английском и вручил ему картонную папку, перевязанную крупным синим бантом.

– Что это? – рассмеялся Клим, принимая необычный презент.

– Это мой тебе подарок на день рождения, – хитро улыбнулся Сема.

– Я понял. А что в середине? – Клим уже боролся с добротно завязанным, по-видимому, маленькой Семиной дочкой бантиком.

– Там... Ты даже представить себе не можешь, что там! – радостно прогудел Сема. – Как говорил Остап Бендер, в этой папке – море, пальмы, девочки и белый теплоход!

– Что-то на девочек это не совсем смахивает, – произнес Клим, разглядывая разноцветные чертежи. – А вот на проект теплохода – может быть...

– Ты, как всегда, прав, мой умный друг! Да, это проект корабля твоей МЕЧТЫ! Прошу любить и жаловать – все разработано, просчитано и продумано до мелочей профессионалами высочайшего класса. Кстати, Клим, тут и территория под строительство имеется в придачу. Я, прежде чем тогда уйти с государственной службы, успел припасти кое-какую земельку, ну

так, на всякий случай, авось пригодится. Вот и пригодилось! – расплылся в улыбке Сема.

– Двигатель, не может быть! – воскликнул Клим, пересматривая чертежи. – Ты имеешь в виду...

– Вот именно! – подмигнул Сема. – Я хоть и старый, но память у меня хорошая. Я все помню – и про твой дневник, и про твою идею-фикс, ставшую голубой мечтой. Так почему бы и нет? Я тут немного помозгал – идея отличная, а у меня, как ты знаешь, обязательно найдется в закромах сто тридцать три варианта для ее реализации! Так что давай, дерзай и готовь свой Институт. Кстати, как его?..

– Я еще не решил, – ответил Клим, пытаясь прийти в себя от неожиданной радости.

– Ну, что-нибудь придумаем, – по-деловому заверил его друг. – Главное, что ты СЧАСТЛИВ, или я ошибаюсь?..

* * *

... – Или я ошибаюсь? – в унисон подхватил Ангел, приветствуя Клима на берегу. – У тебя такая довольная физиономия, как будто бы ты эндорфинов объелся!

– Ф-ф-у-х, – выдохнул Клим, освежая разгоряченное лицо прохладной морской водой. – Я уже окончательно запутался, в каком мире живу... Все так реально и так ощущимо...

– Здесь нет никакой мистики, мой дорогой друг! – заверил Хранитель. – Ты живешь в СВОЕМ мире, а значит, все, что ты чувствуешь, – это и есть твоя реальность. Ну что, конвертация прошла успешно? – лукаво спросил он, явно обрадованный трансформацией на Перекрестке.

– Конвертация чего? – Клим не переставал удивляться неожиданным речевым оборотам Ангела.

– ДОБРА, – коротко ответил Хранитель и, уловив замешательство Клима, стал терпеливо объяснять: – Как ты уже понял, добро – это действия и поступки по Правилам и наглядная демонстрация того, что ты действительно исполняешь Инструкцию и веришь в Систему. Мир изначально создан очень по-доброму, Клим, и его Система базируется исключительно на фундаменте Добра. А добрыми делами ты гармонизируешь жизненное пространство.

– Тогда откуда появилось зло – вечный антипод?

– Это очень просто. Все сделано так, чтобы у людей был ВЫБОР. И только в ВЫБОРЕ тех или иных поступков проверяется душа каждого человека на предмет накопленного информационно-энергетического состояния, которое соответствует Инструкции. И как показывает история, ВЫБОР правильных (то есть совершенных по правилам Инструкции) и неправильных решений не заканчивается никогда. «*Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит зло*». И сегодня ты сделал еще один свой ВЫБОР, – закончил Ангел.

– Но это же были не реальные поступки, а мои фантазии, я все только представлял, – тихо произнес Клим.

– То, что у тебя внутри, то и снаружи, – Хранитель медленно растворялся в пене морского прибоя. – Главное – не форма, а содержание, главное – кто ты ЕСТЬ, а не кем КАЖЕШЬСЯ...

* * *

... Несмотря на то что сон-явь был совсем коротким, а дорога в Ялту – достаточно долгой и утомительной, Клим чувствовал себя вполне неплохо. Окончательно же его взбодрил свежий крымский воздух, который он с удовольствием впустил, открыв окно машины.

Офис представительства строительной компании «Modern systems LTD» располагался в

центре города. Клим толкнул дверь, пытаясь унять легкое сердцебиение. Господин Ольшанский оказался на месте; только пришлось немного поспорить с упретым охранником и несговорчивой секретаршей, отказывающейся пропустить к шефу вне записи и договоренности, но, как только Клим положил на стол свою визитку, девушка изменилась в лице и тут же набрала внутренний телефон:

— Семен Маркович, к вам посетитель, которого вы, сказали, примете в любое время.

Да, это был тот же самый Сема, только заметно взмужавший и слегка поседевший. Клим было протянул ему руку, но тут же быстро опустил, заметив нескрываемое отчуждение бывшего партнера.

— Я даже не сомневался, что ты объявишься, — сказал Ольшанский вместо приветствия, — как только узнал, что на эту землю изначально претендовала твоя «Виктория». Я даже удивлен, что тебя так долго не было видно и слышно! Знаю, что ты мне не поверишь, — продолжил он, сохраняя видимое спокойствие, — но тем не менее факт остается фактом: мы сначала заключили соглашение с крымской администрацией, и только потом выяснилось, что у нас серьезный конкурент в твоем лице. Так что никакой мести с моей стороны не было — мы всего лишь делаем свое дело...

— С чего ты взял, что я подумал о мести? — перебил его Клим, ощущая, как кровь приливает к голове.

— Просто я тебя не первый год знаю, — усмехнулся Ольшанский. — Ты же всех на свой аршин меряешь!

— Я здесь не с этой целью, — Клим изучающе посмотрел на человека, который был когда-то его лучшим другом. — Слышишь, Сема... Семен, я не воевать к тебе приехал! Бог с ней, этой землей, — для «Нептуна» найдется другая территория...

Семен хранил сдержанное молчание. Он вообще стал каким-то очень уравновешенным и невозмутимым. Клим его таким раньше не видел.

— Я хочу попросить у тебя прощения — только и всего, — произнес наконец Клим.

В глазах Семена промелькнуло неподдельное удивление.

— Прощение? Так я давно тебя простили, хотя, наверное, в это трудно поверить... Я долго боролся с чувством злости и ненависти, но в конце концов победил...

Клим почувствовал, что разговор не клеится. Напряжение нарастало, и он явно был здесь нежеланным гостем.

— Как ты жил эти годы? — все же он не удержался от вопроса.

— Замечательно! — сухо ответил Семен и тут же поймал себя на мысли, что на самом деле ему очень хочется рассказать бывшему партнеру, через какие испытания пришлось пройти, прежде чем он смог начать новую жизнь и стать успешным человеком. Даже страшно вспоминать об этом... Когда он одновременно потерял работу, деньги и лучшего друга, то с ним остались только жена и его собственные мозги. Все остальное пришлось начинать с нуля. Не было времени ни на переживания, ни на раздумья — нужно было оперативно принимать решение, и он это сделал. Они с Лилей уехали в Македонию, полагаясь на судьбу и информацию, что там гораздо проще открыть собственный бизнес. Вначале было трудно. Колossalно трудно. Адаптироваться, выжить, пробиться, доказать... Но в конце концов ему это удалось. Он давно мечтал строить отели и сумел воплотить это в жизнь. Правда, в чужой стране и с чужими людьми...

— ...А теперь еще лучше! — добавил Ольшанский, отогнав воспоминания. — Вот открыли представительство компании на родной земле... Так что, Клим, как говорят у вас, в Украине, не переймайся: я все забыл и отпустил.

— Слукавлю, если скажу, что мне стало сразу намного легче, — честно признался Клим.

С одной стороны, он был рад за Сему и видел, что у того действительно нет на него злости, а с другой — было очевидно, что от их дружбы не осталось ничего... Хотя это было закономерно.

— Ну, что же, я был рад тебя видеть, — сказал Клим и положил на стол большой кейс. — Я возвращаю тебе старый долг — здесь те деньги, которые по праву принадлежат тебе.

Извини, что я немного опоздал...

Семен распахнул чемодан. Сначала он изумленно смотрел на толстые пачки стодолларовых купюр, упакованные плотными рядами, а затем решительно захлопнул кейс и резко пододвинул его Климу.

– Спасибо, но это – не мое!

– Да ты что, Сема, я же тебе такие деньги отдаю, твои деньги! – попытался было возразить Клим, но Ольшанский, как всегда, был неумолим:

– Хороша ложка к обеду, Клим. Давно прошли те времена, когда эти деньги были моими и я особенно сильно в них нуждался. Теперь я не только в них не нуждаюсь – я их не чувствую... Наверное, потому, что они превратились в твой личный груз, за который ты сам несешь ответственность. Я – состоятельный человек, и все, что мне нужно, – у меня уже есть. Так что забери это, пожалуйста.

Спорить было бесполезно.

– Так что мне теперь с ними делать? – растерянно спросил Клим. Ему даже показалось, что Семен несколько брезгливо отряхнул руки.

– А это твои проблемы, – ответил Ольшанский. – Направь в какое-нибудь нужное русло, ну, тебе виднее...

Повисла неприятная пауза. Клим забрал кейс и, заметив фотографию в тонкой рамке, на которой Сема обнимал жену и миловидную темноглазую малышку со смешными кудряшками, напоследок произнес:

– Дочка у вас классная. Как зовут?

– Ника, – ответил Семен с теплотой в голосе и бережно поправил фотографию на столе. – Она родилась уже там, за границей...

Клим не нашелся, что еще сказать, и снова возникло неловкое молчание.

– Ну, будь здоров, – выручил его Сема и протянул на прощание руку.

* * *

Он вышел из офиса Ольшанского в полуобморочном состоянии. Голова была чугунной, как котел, в висках бешено стучало. Он достал платок и приложил его к носу – на ткани тут же появились пятна алой крови.

«Началось...» – безразлично подумал Клим, нащупывая таблетки в боковом кармане. Но все правильно, все по-справедливости, как говорит Гел. Сколько еще потерь будет всплывать из прошлого из-за его грубых ошибок на Перекрестках? Сколько еще людей – близких и случайных – он зацепил мимоходом? И как? Об этом знает только его Ангел-Хранитель и Совесть, молчаливо оберегающая все его тайны... до поры до времени...

– Климентий Саныч, да вы совсем расхворались! – подбежал к нему испуганный водитель, увидев бледного, как смерть, шефа с окровавленным платком. – Вам нужно срочно в гостиницу и немедленно вызвать врача!

– Не волнуйся, Ильич, это – перемена климата, – остановил его Клим. – Мне нужен не врач, а свежий воздух, поэтому мы сейчас же поедем на прогулку!

– Какая прогулка! – ужаснулся водитель, поддерживая его за руку. – На вас же лица нет! Да и кто катается в такую погоду, того и гляди не снегопад, так ливень начнется... – Ильич указал на затянутое тучами осеннее небо, на глазах приобретавшее зловещую свинцовую окраску, как перед бурей.

– Это не обсуждается, – слабым, но решительным тоном произнес Клим. Ему сейчас было просто необходимо опять попасть в Место своего Покоя. Подумать, вспомнить, побывать в тишине...

Ильич только покачал головой и завел машину, но она тут же заглохла. Провозившись с двигателем минут десять, он развел руками:

– Вот видите, Саныч, даже техника против вашей затеи! Тут серьезная поломка – на пару часов работы точно хватит, так что езжайте-ка вы на такси в гостиницу и лечитесь, а я

тем временем буду разбираться. Кстати, вот и машина!..

– Шеф, куда едем? – свистя тормозами, остановилось рядом такси, из которого высунулся улыбчивый моложавый водитель.

– Пока прямо! – сказал Клим, усаживаясь на переднее сиденье.

...– Да-а-а, поздняя в этом году выдалась осень, но ранняя будет зима, – заметил таксист, включая «дворники». На лобовое стекло упали первые капли холодного дождя.

Климу сейчас меньше всего хотелось поддерживать с кем-либо разговор, но водитель оказался не из молчаливых.

– На Фиолент, говорите? Подышать свежим воздухом? – призадумался он, выехав за черту города, и внимательно посмотрел на стремительно бегущие по небу тучи. – Нет, шеф, не повезу я вас в такое ненастье на Фиолент – с минуты на минуту в том районе разыграется сильная буря, поднимется страшный ветер, начнется шторм... В общем, вы не сможете спуститься на берег – беда там будет...

– Ты что, в прогнозе погоды подрабатываете?! – усмехнулся Клим.

– Мне просто все сверху видно, – подмигнул таксист Климу, явно намекая на гористую крымскую местность. – Но я предлагаю альтернативу, – добавил он, заметив раздражение клиента. – Есть тут неподалеку одно чудное место... Мне почему-то кажется, что вам оно должно понравиться.

– Что за место? – спросил Клим, на всякий случай покрепче прижимая к себе кейс с долларами.

– Инкерманский Свято-Климентовский монастырь – может, слышали? Чудное место, – еще раз повторил водитель, разворачивая машину, – непростое – по энергетике и святости очень сильное, да и сама история у него интересная.

– Кстати, мое имя – Климентий, – удивился такому необычному совпадению Клим. – Ну давай съездим, раз так. А что там за история?

Голову немного отпустило, так что теперь он мог без особого напряжения послушать таксиста, у которого, видно, аж язык чесался – так хотелось поговорить.

– Священномученик Климент – это первый христианин на территории современной Украины, – со знанием дела начал тот. – Папа Римский и ученик самого апостола Павла. В 98 году за активное распространение христианства был сослан римским императором и рьяным язычником Трояном на каторжные работы в крымский город Херсонес – на инкерманские каменоломни, куда мы сейчас и едем. Но и там не прекращал своей апостольской деятельности – люди принимали христианскую веру и сотнями крестились каждый день. Поэтому по приказу императора он был утоплен в 101 году. А в IX веке Херсонес посетили равноапостольные Кирилл и Мефодий. Они же и перенесли часть мощей Клиmenta в Рим, а его святую главу впоследствии доставил в Киев князь Владимир и положил в Десятинной церкви. Но частица мощей от честной главы священномученика до сих пор хранится на территории монастыря в пещерном храме его имени. В общем, это божественное место, поэтому прихожане рассказывают о различных чудесах исцеления тут, – подытожил водитель и спросил у Клима, настраивая старенькую магнитолу в машине: – Вы не против?

Из приемника зазвучала какая-то знакомая мелодия.

– Это Митяев, – объяснил водитель, усилив громкость, – прямо как по индивидуальному заказу! Я очень люблю его песни, особенно эту. Вот послушайте, какие умные слова: «Я приветствую в тебе Бога, повстречавшегося со мной».

– Действительно, хорошо, – согласился Клим, дослушав песню до конца.

– Кстати, в Непале вместо традиционного «добрый день» или «здравствуйте» люди встречают друг друга словами: «Я приветствую в тебе Бога!» – сказал таксист, опять приглушив звук приемника. – Ну как можно сделать кому-то плохо после такого обращения?! Наверняка в этой стране, где живут такие мудрые люди, царят добро и согласие. И как может быть иначе, если они ежедневно напоминают друг другу о том, что все они созданы по образу и подобию Творца!

— Абсолютно согласен, — ответил Клим и пристально посмотрел на разговорчивого таксиста.

Тот широко улыбнулся и перевел его внимание на дорогу:

— Вот смотрите, уже подъезжаем. Видите эту скалу? Согласно церковному преданию, отдельные крипты были вырублены в ней еще в первые века христианства, а в дальнейшем, благодаря трудам Клиmenta и его учеников, в Крыму было построено еще около 75 храмов.

Клим вышел из такси и оглянулся вокруг. На фоне серого грозового неба и мелко моросящего дождя монастырь выглядел особенно величественно и завораживающе. Казалось, что огромная скала, похожая на застывшего колосса, уходит вдаль и сливается с горизонтом. Вокруг — ни звука, ни души. О цивилизации напоминали только железнодорожные пути, проходящие почти под самыми монастырскими стенами, небольшая церковная пристройка и слабый, чуть заметный дымок, вьющийся из крошечных окон келий, вырубленных в скале.

— Подождешь немного? — спросил Клим у водителя.

— Да хоть целую вечность! — улыбнулся тот, выключая двигатель.

Действительно, это было чудное место. Такого монастыря Клим еще никогда не видел — казалось, что сама природа охраняет былую историю в своих крепких каменных объятиях. Пройдя низенькую арку, он попал на маленький, как пятачок, монастырский дворик и через массивную металлическую дверь вошел в огромную скалу, в которой была вырублена действующая церковь монастыря. Поднявшись по крутым каменным ступенькам, он задержался возле глубокой ниши, закрытой стеклом, на котором было крупно выведено: «*Мы были такими, как вы, вы станете такими, как мы*». Получше присмотревшись, он различил в черном провале белые человеческие черепа, аккуратно расставленные в несколько рядов. От увиденного мороз пробежал по телу — вот так давно почившие монахи решили напомнить ныне живущим о том, что все проходит...

Клим неторопливо прошелся по всем трем залам пещерного храма. Под низкими каменными сводами ровно горели свечи, освещая в полумраке лики святых на старинных иконах. Даже не верилось, что все это поддерживается силами небольшой горстки монахов.

Он тоже поставил свечи, помолился и приложился к останкам мощей священномуученика Клиmenta.

— Просите искренне — и будет вам дано! — раздался тихий голос, тут же разнесшийся эхом под каменными сводами.

Клим поднял голову и увидел пожилого монаха в темной рясе, который готовил церковный алтарь к вечерней службе.

— Это правда, что монастырь восстанавливается главным образом собственными силами монахов? — полуслепотом спросил Клим, боясь нарушить идеальную тишину.

— Практически да. Он был возобновлен только в 1991 году, после чего до сих пор ведутся реставрационные работы на территории монастыря и восстанавливаются его окрестные храмы. Но все очень медленно, — вздохнул монах, очищая потемневший подсвечник от застывшего воска, — кого это еще, кроме нас, беспокоит...

— А пожертвования вы принимаете? — спросил Клим.

— Бывает, что помогают добрые люди, которые небезразличны к святыне. Нам даже предложили расчетный счет повесить — так, на всякий случай, но это — большая редкость.

— А можно сразу наличными, без счета? — не раздумывая, Клим сунул в руки растерявшемуся монаху свой кейс. — Возьмите, это мое личное пожертвование на монастырь.

Монах чуть приоткрыл кейс и испуганно произнес:

— Спаси вас Боже... За кого молиться, добрый человек?

— О здравии и спасении Клиmentия, — коротко ответил Клим и, не оглядываясь, быстро вышел из церкви.

«...А ты не погорячился?» — робко отозвался внутренний голос.

— Господи, как хорошо! — облегченно вздохнул Клим, подставляя лицо прохладному

ливню.

В пятидесяти метрах от монастыря просигналило одинокое такси, и незнакомый водитель помахал ему рукой.

– Это вы мне? – удивленно спросил Клим, оглядываясь в поисках старой машины.

– А что, разве, кроме вас, здесь кто-то еще есть? – в свою очередь удивился таксист. – Был вызов по маршруту Инкерманский монастырь – гостиница «Ариадна». Или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – ответил Клим, садясь в машину. В последнее время он перестал удивляться чудесам своей жизни.

– Спасибо моей поломке! – это первое, что сообщил ему на следующий день Ильич перед обратной дорогой в Киев. – Только что в утренних новостях передавали, что вчера на вашем Фиоленте случилась трагедия: стихия так разбушевалась, что где-то в районе спуска на берег произошел обвал и погибли несколько туристов-экстремалов, которых, как и вас, туда понесло. Есть Бог на свете, – перекрестился водитель, – отвел вас от этой беды...

– А почему ты думаешь, что и я мог попасть под обвал?

– Я не думаю, а предполагаю. Вы ведь очень любите играть с судьбой вперегонки...

* * *

... – Откуда ты знал о предстоящей катастрофе? – тут же спросил Клим у Ангела, как только опять оказался в Месте своего Покоя.

– Мне сверху все видно! – широко улыбнулся тот и прищурился от ослепительного солнца, висящего над лазурным морем, как огромный спелый апельсин.

– Я так и понял... – пробормотал Клим. – Ну спасибо тебе! – он крепко пожал тонкую руку Хранителя.

– Не стоит благодарности, – похлопал его по плечу Ангел. – Ты ведь не забыл о своей Миссии на земле? Так она еще не закончена! И ты меня приятно удивил! – с одобрением добавил он. – Я даже не думал, что ты так легко сможешь оторвать от себя такие деньги!

– Я и сам не думал, – признался Клим, – но, на удивление, почувствовал колоссальное облегчение – как от тяжелого груза избавился.

– Значит, ты вернул долг Жизни. *«Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая»*. Издавна была традиция отдавать определенную часть своего дохода церкви как месту, откуда проистекала духовная пища. Считалось, что это – один из способов привлечения денег и умножения своего благосостояния по правилам обмена энергиями. Теперь эту традицию не очень-то жалуют...

– Потому что многие уверены, что церковь – это такой же бизнес, только замаскированный под соборными куполами, – подхватил его мысль Клим.

– Я в курсе, что так говорят. Но Система так устроена, что каждый ее элемент выполняет свою задачу. Так вот, задача церкви, как места связи между Небом и Землей, это консервирование и сохранение духовных знаний, а на это тоже требуется энергия жизни в виде денег. Поэтому вам, прихожанам, нет смысла задаваться вопросом: на что уходят пожертвования, поскольку церковь, выполняя свою миссию, тоже несет ответственность за свои деяния.

– Ты знаешь, Гел, – отвлеченно сказал Клим, занятый своими мыслями, – а ведь именно благодаря болезни моя жизнь наполнилась каким-то смыслом и содержанием... Мне трудно тебе это объяснить, но происходит что-то очень удивительное: как будто бы моя душа выздоравливает, крепнет и все дальше отдаляется от больного и тяжелого тела... Это значит, что я скоро умру?..

– *«Не торопи события, а спеши жить!»* – опять улыбнулся Ангел и впервые расправил за своей спиной широкие белоснежные крылья – такие большие, что казалось, они сейчас коснутся края солнца.

– Ого! – восхищенно ахнул Клим, глядя на них. – Гел, да ты становишься настоящим

Ангелом!

— А ты становишься настоящим ЧЕЛОВЕКОМ! — произнес Ангел-Хранитель и плавно взмыл над горизонтом навстречу лучам сияющего солнца.

Глава 7 Любовь

Нет трудностей, с которыми не справилась бы настоящая любовь.

Нет болезни, которую она не излечила бы, и двери, которую она не сумела бы открыть.

Нет такой пропасти, через которую не перекинула бы мост настоящая любовь.

Нет такой стены, которую она не разрушила бы, и греха, которого она не смогла бы искупить.

Все разрешит любовь.

И если вы способны беззаботно любить, вы станете самым счастливым и могущественным человеком на свете.

Эммет Фокс

«В одиночестве и свободе есть своя прелесть, — подумал Клим, неторопливо шурша листьями по аллее старого парка. — Никому не должен, никуда не спешишь и волен себе выбирать любой маршрут, любые мысли в любое время...»

Мысли... В последнее время они стали упорядоченными, спокойными и последовательными... Другое дело, сколько их еще осталось? Впрочем, и это уже не важно. Кто знает, как долго будет плестись это причудливое ожерелье под названием Жизнь? Зато из бесконечного списка безответных вопросов вычеркнуты самые главные — те самые, которые возникали на основных Перекрестках его Судьбы. И по мере того как эти вопросы трансформировались в четкое осознание действительности, его состояние приближалось... да, к той самой долгожданной гармонии, которую он почти всю свою взрослую жизнь считал иллюзорной Синей птицей, не стоящей того, чтобы бежать за ней.

Клим наслаждался бодрящей прохладой свежего осеннего утра и состоянием спокойного созерцания.

А вокруг — извечная суeta сует! В каких-то ста метрах от уединенной тишины парковой зоны раздраженно бурлит бесконечный поток машин, в которых водители громко проклинают пробки, чертыхаются на каждом светофоре и боятся не успеть. Куда? На ненавистную работу, навязанную учебу или занудно-формальную встречу, которые ни на сотую долю не приблизят к состоянию Счастья, а лишь прибавят головной боли и усилият тяжесть на душе...

Взвинченные и уставшие от вечной беготни мамы раздраженно тянут за руки сонных детишек в садики и школы, сварливо «перегавкиваются» хмурые дворники, тысячи пешеходов заранее накручивают себя на сражения в предстоящей транспортной давке...

Люди с пустыми погасшими глазами и сосредоточенными серыми лицами упрямо-целенаправленно спешат. Спешат и боятся опоздать вовремя начать выполнение своего долга перед социумом. Самое интересное, они даже не догадываются о том, что четко распланированная по стандартному графику жизнь, вечная суeta могут прерваться в один момент, когда некий Иван Иванович огласит их дальнейший маршрут в один конец. И вот только тогда в тусклых глазах может вспыхнуть запоздавшая искра жизни, высеченная словом «смерть».

Клим присел на скамейку в глубине парка и, отвлеченно листая утреннюю газету,

краем глаза продолжал наблюдать за бесплатным спектаклем под названием «Суeta сует». Еще он с удовольствием выкурит одну запретную сигарету, а потом, когда час пик пойдет на спад, съездит все-таки в офис – накопленные документы давно нуждаются в мало-мальском упорядочении.

Нереально яркий даже для зрелой осени красно-синий мяч так внезапно приземлился прямо возле ног Клима, что от неожиданности он уронил только что взятую сигарету.

– Тебе не грустно? – симпатичная девчушка лет восьми участливо смотрела на Клима большими глазами цвета свежих незабудок.

– Твой? – Клим подхватил мяч и стал отряхивать его от прилипших листьев и мокрого песка.

– Мой! – широко улыбнулась она.

– А почему мне должно быть грустно?

– Ты один... в пустом парке... Газету читаешь вверх ногами, и глаза у тебя грустные...

– Да нет, – он был почти искренен. – Мне так нравится. Хотя... Ты знаешь, немножко все-таки грустно и чуть-чуть страшно...

Оказывается, как забавно и приятно говорить с детьми на их языке – открыто и непринужденно!..

– Если страшно – иди домой! – малышка подошла к нему еще ближе. – Например, когда мне становится грустно или немножко страшно, я сразу так делаю – и все проходит!

– Увы, дома мне еще страшнее... – с грустью признался Клим.

– Почему? – ясные глаза ребенка широко раскрылись от неподдельного удивления.

– Там пусто... – выдохнул Клим.

– Я поняла! – участливо воскликнула девочка. – У тебя нет жены и ребенка!

Клим молча пожал плечами.

– Так ты заведи семью – и тебе перестанет быть грустно! – прелестное лицико малышки прояснилось от решения проблемы «одинокого дяди».

– Боюсь, что я не успею...

«Так, еще пару слов, и старая боль, с которой я так долго и небезуспешно боролся, опять вырвется наружу, как джинн из плохо закрытой бутылки, и продолжит свое гнусное дело!» – констатировал Клим, но удивительно – совсем беспристрастно.

От прелестной маленькой незнакомки веяло теплом и домашним уютом. А еще – полузабытой рождественской сказкой про дружную и счастливую семью возле нарядной елки с игрушками и уютно потрескивающего камина. Короче, всем тем, от чего он всегда был далек и что уверенно называл когда-то стандартным сюжетом для типичной «сопливой мелодрамы». Странно! Он никогда не находил, да и не пытался найти общего языка с детьми. Они ему казались шумными и назойливыми существами с другой планеты, создающими хаотичное броуновское движение и вносящими смуту в размеренную жизнь. А тут перед ним стояло одно из этих непонятных существ и вызывало самые положительные эмоции – он даже ощутил желание прикоснуться к ее маленькой ручонке, чтобы почувствовать детские тепло и нежность.

– Не грусти, у тебя все впереди! – по-взрослому поды托жила девчушка, прижав к себе мяч.

– А вот ты почему одна здесь гуляешь? У тебя что, урок природоведения? – попытался пошутить Клим, вдруг реально осознав странность появления девочки в безлюдном месте.

– А я не одна! – ответила малышка. – Меня мама ждет!

– Где? – Клим машинально оглянулся по сторонам, но, кроме прогуливающихся вдалеке старушек с собачками, никого не увидел.

– Мама там, на перекрестке! – Девчушка махнула рукой куда-то в глубину парка, где старые деревья плотно сходились ветвями и, казалось, суживались в одно целое.

Перекресток! Это слово в последнее время оказывало на Клима буквально магическое воздействие.

– На каком перекрестке? – он даже чуть привстал, чтобы разглядеть за густыми

деревьями намек на дорогу. – Там же тупик!

– Да нет, там перекресток! Просто ты его раньше не видел! – девчушка махнула на прощание рукой и, на ходу подбрасывая мяч, вприпрыжку побежала в сторону заброшенной части парка, где, по ее версии, пересекалось несколько аллей.

– Любаша! Любаша! – звонкий женский голос действительно прозвучал оттуда.

– Мамуля, я уже иду! – откликнулась девочка и побежала быстрее.

Маленькая сценка из простой человеческой жизни так внезапно ворвалась в жизнь Клима, что ему вдруг захотелось досмотреть ее до конца. Просто так. Из любопытства. От чего делать. Подсмотреть чужую жизнь, где есть то, что он никогда уже не испытает. Оттого, что малышка такая милая, что глаза у нее – синие-пресиние... Даже просто по-мужски стало любопытно поглядеть, как выглядит ее мамаша, оставившая ребенка одного почти в пустынном парке...

Клим сунул газету под мышку и ускорил шаг вслед за девочкой, оправдывая себя тем, что он и так собирался уже уходить.

Стройная фигурка в элегантном светлом плаще впереди... И вот он уже видит, как Любаша повисла на руках у мамы и что-то ей восторженно щебечет. А мама радостно смеется...

Поправив съехавшую на лоб шапочку ребенка и спрятав выбившуюся непослушную светлую прядь, женщина подняла голову и бросила скользящий мимолетный взгляд на Клима. Это была всего одна секунда, но ее оказалось достаточно!

– Надя... Надежда! – прошептал Клим пересохшими губами.

От неожиданности его как током прошибло и пригвоздило к месту. Он зачарованно смотрел, как мама и дочка, держась за руки и оживленно болтая, уходили в глубину аллеи.

– На-дя! – наконец отчаянно крикнул Клим, не в силах по-прежнему сделать хоть шаг. Женщина уже явно не могла ничего услышать, но она будто случайно повернула голову в его сторону. Ему даже показалось – или привиделось? – что чуть заметно улыбнулась.

Ступор прошел, когда две фигурки скрылись за поворотом.

«Я не сошел с ума! – у Клима стучало в висках. – Это она! Сомнений быть не может... Ее музыкальный голос... Золото ее волос... И удивительные глаза, которые просто невозможно не узнать! Когда она смотрит пусть даже вскользь и невзначай – все равно словно погружаешься с головой в бесконечное пространство поднебесья...»

Он понесся по аллее. За поворотом начиналась прямая, как стрела, дорога. Но она была пуста. «Не успел!..»

Клим отрешенно смотрел, как внезапно налетевший ветер играл осенней листвой. Потом неожиданно пошел снег. Впрочем, почему неожиданно?! Клим отогнал от лица несколько прохладных хлопьев, знаменующих скорую зиму. Одна из снежинок, очень напоминающая легкое белое перышко, плавно опустилась возле его ног...

«Ну и что бы я ей сказал? – Клим пытался дышать спокойно, идя назад по дороге. – Здравствуй, Надя, как живешь?.. И так видно, что хорошо. Дочь – умница и прелесть, сама стала еще краше... А я? Наверняка эту страницу своей биографии она уже давно за ненадобностью вычеркнула из памяти...»

Гармония была резко нарушена. Вот так, одним ударом красно-синего мячика из чужой рождественской сказки...

* * *

...Таким же ясным, наивным и распахнутым взглядом, как у ее Любаши, она смотрела на него почти десять лет назад, когда он, небрежно пуская сигаретный дым, старался говорить спокойно и уверенно:

– Кто из нас медик? Ты! Вот и придумай что-нибудь! Ну есть же какие-то травки, которые можно попить!

Синие глаза Надежды затянуло серой дымкой боли, а она сама сжалась, как от резкого

удара. Стало как-то не по себе. Неуютно, что ли...

Но в ту минуту ОН оказался сильнее его – холодный СТРАХ, который металлическими тисками сжал мозг.

«Только этого сейчас не хватало! Конец всему, что только начинается, – планам, карьере, свободе, в конце концов!» – он представил картинки возможного «светлого» будущего: бессонные ночи, вечный детский плач, вечно уставшая жена (жена?! Об этом вообще речи не шло!), вечерние спешки домой с обязательным «забегом» в магазины...

– Я люблю тебя, малыш, – он попытался придать голосу мягкие нотки. – Но ты же умная девочка! Ты должна понимать, что мы с тобой еще не готовы к такому «счастью»!

Видно, слово «счастье» было пропитано такой нескрываемой иронией, что Надежда вздрогнула, точно от внезапной пощечины. Она молчала и продолжала смотреть на него, в глазах блестели слезинки. Лучше бы громкая истерика, упреки – взрыв эмоций!

– Я оплачу лучших врачей, найду лучшую клинику! Надь... – он неловко попытался ее приобнять за дрожащие плечи. – А потом мы уедем. Куда ты хочешь! Помнишь, где тебе больше всего понравилось? – Клим чувствовал, как его начинает тошнить от собственной фальши.

... – Мне отказали... Вот, возьми обратно, – Надя положила на стол скомканые денежные купюры. – Сказали, что большой срок и очень большой риск с моими показаниями...

– Ну конечно! – взорвался Клим. – Хотят больше денег? Не вопрос! Не ты первая – не ты последняя! В конце концов, эта беременность в твои планы тоже не входила!

– Я люблю тебя... – «не в тему» прошептала Надя и впервые громко разрыдалась, по-детски закрыв лицо руками.

Что было потом? Это оказалось практически стертым предусмотрительной памятью. Волна страха и злости буквально накрыла его с головой, а что именно он говорил и выкрикивал, пытаясь прервать ее неожиданную истерику, было как в тумане...

– Надя, ты куда на ночь глядя? – Он очнулся только тогда, когда увидел, как она открывает входную дверь.

– А это уже мои проблемы, – непривычно спокойно отрезала Надя и тихо закрыла за собой дверь.

– Ну и... с тобой! – Он яростно швырнул в дверь невостребованный букет цветов.

Через пару-тройку дней, прия в себя после хмельного разгрузочного марафона, Клим уверенно набрал ее номер. Телефон долго не отвечал, после чего трубку наконец взяла ее тетка.

– Надя уехала к себе домой, навсегда, – металлом отрезала тетя, давая понять, что его звонок более чем нежелателен.

– Будьте добры, ее адрес... – начал было он, но родственница на полуслове бросила трубку.

Вскоре от ближайшей подруги Надежды он узнал, что она все-таки самостоятельно решила «свою проблему», что операция прошла не ахти как хорошо, что у нее началась депрессия, и она решила навсегда уехать в свой маленький городок, к маме. Вот так, с концами, без обратной связи и права на переписку!

Потом было немного тоски (с непривычки), чуть-чуть ностальгии (из-за привычки), но спустя короткое время жизнь по-новому завертелась разноцветной каруселью. Он с упоением наверстывал упущенное, развернув бурную деятельность по всем фронтам.

Как в калейдоскопе, сменялись длинноногие Бабетты и Джорджетты – яркие, как бабочки, легкие, беспечные, раскрепощенные, сексуальные и беспроблемные. Одна другой краше – всегда открытые для свободной любви, но закрытые для сердца и для души. Но ему так было удобно. Наверное...

Он, конечно, в офис не попал. Новый приступ головной боли, к которой присоединилась еще и душевная, пригнал домой.

«Пожилой человек сказал бы, что все это – к старости, а в моем случае...» – грустно подумал Клим, поймав себя на полном погружении в мир воспоминаний. Оказалось, что где-то в забытых коробках, в кладовке, сохранились ее фотографии, письма и даже смешные наивные записочки с сердечками, розочками и «прочей дребеденью» (как сказал бы Клим еще вчера).

«Приятно вспомнить прошлое», – подумал он теперь, бережно упаковывая обратно свои воспоминания.

– Не ври себе! Ведь ты нечто очень важное пропустил ТАМ, на перекрестке! – Гел, как нередко уже случалось, проник в его сознание, не дожидаясь официального приглашения в Место Покоя.

– Да! Я знаю! Этот яркий мяч, эта девочка с синими глазами, ее золотые волосы... Это могла бы быть МОЯ рождественская сказка возле праздничной елки с подарками! Да! Я подумал об этом! – крикнул в пустоту Клим, понимая, что его Хранитель и так все знал без лишних слов.

* * *

...Он стоял посередине поляны, благоухающей травами и окруженной пушистыми елками. А дальше простирались высокие горы, покрытые бархатным ковром всех оттенков зелени. На дальних вершинах серебрился снег, укутанный легким покрывалом тумана. Прозрачный воздух звенел чистым хрусталем, а от гор и от теплой земли шла такая колоссальная энергетика, что Клим почувствовал, как каждая клеточка тела впитывает эту мощь и силу.

– Вот она, настоящая земная благодать! – громко воскликнул Хранитель, с разбегу плюхнувшись в высокую траву и при этом ничуть не заботясь о своем белоснежном одеянии. – Стоит поверить людским легендам, что на вершинах этих гор поселились Боги! Кстати, я смотрю, ты здесь уже был? – он изучающе посмотрел на Клима.

– Когда-то очень давно... С этим местом у меня связаны особые воспоминания – тогда я был абсолютно счастлив.

Клим отчетливо вспомнил события «столетней давности», когда он, пылко влюбленный, сделал неожиданный сюрприз своей девушке – подарил ей несколько дней в Карпатах.

Теперь он может с уверенностью сказать, что это были действительно незабываемые дни, наполненные искренними эмоциями, жаркими чувствами и светлой радостью. Каким счастьем светились тогда глаза Надежды!

Он растратил все свои сбережения, чтобы снять уютный номер в маленьком пансионе, расположенному в глубине Карпатских гор, и чувствовал себя настоящим шейхом, подарившим принцессе своего сердца волшебную сказку. Тогда все было впервые: их первая весна, первые дни и ночи, смешавшиеся в крепких объятиях, их любовь без оглядки и сомнений...

Местные старожилы, щедрые на разные истории, рассказали, что где-то неподалеку, высоко в горах, находится чудесная Поляна Любви, надежно спрятанная от людских глаз за густой стеной старых карпатских смерек. И те влюбленные, которые найдут эту поляну и обменяются на ней крепким поцелуем, будут жить долго и счастливо...

Она искренне поверила в эту легенду и смешно захлопала в ладоши:

– Климчик, миленький, мы должны ее найти!

Они отправились на поиски еще перед рассветом, чтобы успеть встретить восход солнца на самой поляне. Он сонно бурчал, преодолевая крутые подъемы и разгребая колючие заросли, а она весело смеялась и подбадривала его нежными поцелуями.

Они вышли на поляну в тот самый миг, когда пылающий солнечный диск вырвался

из-за далеких вершин и залил алым светом высокие горы. Горы ожили, и проснувшаяся природа встретила новый день звонким разноголосием птичьего пения. От восторга перехватило дыхание. Это был самый яркий фрагмент его жизни и самая дорогая картинка в альбоме памяти, когда он был безмерно счастлив. Они долго и страстно целовались в мягкой ароматной траве, и тогда ему казалось, что с этой девушкой он готов подниматься на любые горы – и пусть этот маршрут длится целую вечность...

– Красивая история, – умиленно вздохнул Хранитель, – но потом ты все испортил...

– Гел, ты опять без разрешения вторгся в мои воспоминания! – начал было Клим, но тут же осекся: он почувствовал, что стоит на Перекрестке своей личной жизни, отправной точкой которой и была Поляна Любви...

* * *

...Она сидела рядом и плела венок из ярких полевых цветов. Юная, красивая и совершенно реальная... Он осторожно обнял ее, как будто бы опасаясь, что она сейчас растворится в воздухе, как мираж. Надежда подняла на него свои синющие глаза и сама крепко обвила его руками – он ощутил полузабытые изгибы ее тела, почувствовал ее живое тепло и цветочный запах пушистых волос. Как будто бы между ними не было ни времени, ни расстояния...

– Я так счастлива! Спасибо тебе, – прошептала она, щекоча его шею своей золотистой прядью.

Все, как было тогда, только...

– Только будь внимателен и найди, где ты потерял свои важные слова и не расслышал свои истинные чувства, – послышался из-за плеча голос Хранителя.

...– О чем ты сейчас думаешь? – спросила она, доверчиво глядя ему в глаза.

Тогда у него в голове пронеслась где-то вычитанная фраза: «Если женщина в самый неподходящий момент спрашивает, о чем вы сейчас думаете, то это значит, что она хочет от вас услышать нужные ей слова».

– О том, что мы опоздали на завтрак! – выждав секундную паузу, серьезно ответил он и тут же рассмеялся своей шутке. Он даже не заметил, как она натянуто улыбнулась и что в ее светлых глазах промелькнуло легкое облачко грусти. А впрочем, она привыкла. Он никогда открыто не выражал своих чувств и даже порой стыдился своих «случайных» эмоций, считая их пережитками «мыльных опер» и дешевых дамских романов. Когда-то она сделала неловкую попытку «вытянуть» из него признание.

– Я – старый солдат и не знаю слов любви! – отрезал он в шутливой форме, после чего достаточно резко добавил: – Надя, я не по этим делам, так что давай обойдемся без сантиментов и планирования наших отношений. Ну разве тебе со мной плохо?

«Понятно, к чему она клонит, – подумал он, – рано или поздно все эти признания приводят в ЗАГС, причем дважды: сначала – чтобы пожениться, а потом – чтобы развестись. А чувства... Чем дольше будет сохраняться нейтралитет и независимые отношения, тем больше шансов на их продление».

После этого разговора она замкнулась, стала более робкой и нерешительной, чем вызывала у него скрытое раздражение и периодические, неосознанные вспышки гнева. Прежде всего на самого себя – он не мог ее понять... А оказывается, потому, что не умел говорить «нужные слова» и постоянно держал на цепи свои чувства. Пожалуй, в Карпатах он впервые испытал что-то похожее на внутреннее раскрепощение – толстая короста, в которую при рождении было запаяно его сердце, стала трещать по швам. Но все-таки не свершилось...

...– Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ, – уверенно сказал он СЕЙЧАС, слушая свое сердце. Не так-то и сложно облачать свои чувства в нужные слова!

– Правда?! – она восхлинула настолько удивленно, как будто бы только что состоялось новое открытие Америки.

— Правдивее и быть не может, — улыбнулся Клим, и тут же стало невероятно легко, как будто бы этими простыми словами он сам себя освободил из какого-то векового заключения.

Она молча уткнулась ему в грудь и счастливо всхлипнула, но он и без слов все прекрасно понял.

— А ты спроси, чего ей действительно хочется! — чуть слышно прошептал Ангел-Хранитель.

И Клим спросил. Только сейчас он осознал, насколько важны взаимный обмен чувствами между людьми и открытое предъявление своих сокровенных желаний.

— Я хочу от тебя детей, — она ответила так искренне и так просто.

— Что будет, если ты ей это дашь? — прозвучал риторический вопрос Хранителя. — Что ты при этом потеряешь, а что — обретешь?

* * *

Клим протянул ей руку, и Поляна тут же завертелась, как разноцветная юла. Секунда — и к его ногам прыгнул красно-синий мяч. Две симпатичные малыши — почти одногодки — звонко смеясь, бросились к нему наперегонки. Та, которая постарше, была очень похожа на повстречавшуюся в парке, из «чужой сказки»...

— Папа! Давай с нами! — радостно крикнула девочка, схватив мяч первой, а ее маленькая сестричка с разбегу уткнулась в его колени. Повинуясь внутреннему порыву, он подхватил ее на руки и крепко обнял. Оказывается, у детей какой-то особенный запах: парного молока, солнечного тепла, домашнего уюта...

— Девочки! Ведите папу обедать! — весело позвала Надежда. Она сидела прямо на траве возле импровизированного стола и колдовала над широкой светлой скатертью, ловко раскладывая на ней всевозможные аппетитные кушанья.

— Смотри не простудись! — вырвалось у Клима.

Она слегка выпрямила спину и благодарно ему улыбнулась, с нежностью погладив свой округлившийся живот.

— Не волнуйся, все просто замечательно!

Он еще крепче прижал к себе малышку. Ничего не исчезло! Зато появилось что-то совсем новое для него и бесконечно приятное. Он не сумел правильно подобрать слова, но это ожило где-то в глубине его сердца — радостное и светлое, похожее на маленькое яркое солнышко, излучающее тепло и покой.

Все было настолько живо и отчетливо, что Клим на миг даже поверил — это реальная действительность, а не вымыселный мираж. ЕГО действительность, его семья...

— А может, *твоя реальная жизнь — это и есть сплошной вымысел?* — тут же подхватил его мысль Хранитель. Девочка тем временем проворно соскользнула с рук Клима и доверчиво потянулась к Ангелу.

Жена, дети, белая скатерть... Последнее, что Клим смог отчетливо увидеть, это были глаза Надежды, переполненные Счастьем и Любовью...

* * *

— Видишь, как на самом деле все просто? — задумчиво подытожил Ангел, провожая взглядом растворяющееся видение. — Да-а-а, все они, женщины, одинаковы... Мало им любви, нежности и внимания — подавай им семью вместе с гарантированным письмом «о невыезде» и штампом о вечном сроке годности, не правда ли, Климентий? — в голосе Хранителя прозвучали уже хорошо знакомые иронические нотки, предвещающие серьезный разговор.

— Не знаю... — рассеянно сказал Клим, продолжая завороженно смотреть на то, как светлая полупрозрачная дымка поглощает последние смутные очертания его «виртуальной семьи».

– Что ты ЧУВСТВОВАЛ? – Ангел умел отрезвлять неожиданным вопросом.

– Радость, покой и... гармонию, – слегка застряв на последнем слове, ответил Клим.

– Ого! Спешу тебя поздравить хоть с несколько запоздалым, но прогрессом! – оживился Хранитель. – Вот он, момент истины! Не прошло и полжизни, как ты радикально пересмотрел свое отношение к зловещему и кровавому триллеру под названием «Жизнь после брака»!

– Твой сарказм совершенно неуместен! Ты же прекрасно знаешь, что это мой самый тяжелый и, не исключено, что самый главный Перекресток! – вспылил Клим. – А ты ведешь себя, как...

– Последний гад или что-то в этом роде? – рассмеялся Ангел. – Дорогой мой, я всего лишь скопировал твою привычную манеру рассуждать на эту тему! И вообще не оскверняй своими негативными вибрациями Место Покоя!

– Извини... – буркнул Клим, заметив, что на изумрудные вершины бархатных гор стали надвигаться свинцово-серые тучи. – Правда прости! Я и сам не думал, насколько это для меня окажется важным!

– Ладно, пролетели! *Семья – это на самом деле ключевой момент, потому что только таким образом и передается Счастье, а точнее, умение быть СЧАСТЛИВЫМ!* Да, мой друг! *Самая устойчивая и налаженная система качественного производства душ, а также их сохранения в нужном информационно-энергетическом состоянии, – это полноценная семья. Иными словами, это основной элемент Системостроения.*

– Тогда почему так мало счастливых семей? И так много браков, которые или уже развалились, или продолжают тянуть свое жалкое и скандальное существование? И почему столько одиноких людей, которые не нашли или уже бросили искать свое Счастье?

– Тест на создание Семьи и жизнь в ней является одним из самых сложных за все время проверки души живущего человека. Нужно пройти через миллион соблазнов и массу испытаний и суметь при этом найти НАСТОЯЩЕЕ! – коротко ответил Хранитель.

– Но как показывает опыт, уже через несколько лет совместной жизни это «настоящее» надоедает, и все пытаются найти что-то новенькое, поинтереснее, – не унимался Клим.

– Это обязательно происходит с теми, кто либо женился по расчету, либо потому, что так мама сказала, либо «подзатетели», или же, что бывает достаточно часто, назло своей Любви. А еще подобное случается с теми, кто действительно нашел свою любовь, но с годами потерял ее. Ведь сохранить Любовь – задача еще более трудная, чем найти ее. Для этого нужно часто возвращаться своими чувствами в то время, когда ты ее нашел, сравнивать себя того и нынешнего и отыскивать Любовь среди серости быта, ухаживать за нею. Настоящая Любовь – это Любовь БЕЗУСЛОВНАЯ, то есть без всяких условий. Просто так, потому что я так ЧУВСТВУЮ, потому что я ЛЮБЛЮ. А ЛЮБИТЬ – это же глагол, и нужно постоянно делать реальные действия любви: разговаривать, дарить цветы, обнимать друг друга... то есть любить во всех проявлениях всю жизнь.

– Наверное, это очень трудно, если получается так редко?

– Да, трудно, но зато какая награда тем, кто сможет этого достичь! – восхликал Хранитель. – Эти везунчики в Счастье проживают жизнь, в Счастье растят своих детей и в старости умирают Счастливыми. Потому, что они видят, как дети по их образу и подобию переняли опыт БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМИ И УМЕТЬ ЛЮБИТЬ. Вот какая гениальная Система придумана Создателем! А теперь скажи мне, пожалуйста, – выдержав небольшую паузу, продолжил Ангел, – а ты хотел бы повторить жизнь своих родителей?

– Да Боже упаси! – не мешкая ни секунды, ответил Клим. Перед его глазами, как в ускоренной перемотке киноленты, пронеслись черно-белые кадры из совместного проживания под одной крышей матери и отчима. Ничего нового – самая стандартная ситуация! Его вечная занятость, ее вечные упреки и слезы, его гнев, ее отчаяние, их общее раздражение от бега по тесному и замкнутому кругу, названному семьей...

– И что такое брак в твоем представлении? – улыбнулся Хранитель, «прочитав» его беглые воспоминания.

– В моем представлении – это добровольно-принудительное наказание в виде лишения свободы на неопределенный отрезок времени в колонии строгого режима!

– Это НЕ ТВОЕ ЛИЧНОЕ представление! – подозрительно мягко возразил Ангел. – Это так называемая родительская матрица, то есть клише, переданное тебе в качестве «драгоценного» наследства: «семья – это тяжкий груз и жертвоприношение». Твои родители, в свою очередь, тоже могут «поблагодарить» своих предков. И запомни, вездесущий ЗАКОН РЕЗОНАНСА объясняет отсутствие любых случайностей в этой жизни. На этом законе построены практически все встречи, ситуации и, как вы любите говорить, сложившиеся обстоятельства. При выборе спутника или спутницы жизни тоже срабатывает невидимое резонирование, поэтому в большинстве случаев мужчины выбирают себе жен, похожих на своих матерей, а женщины подсознательно ищут в мужьях сходства со своими отцами. А дальше все очень просто. Чем счастливее и гармоничнее был родительский союз, тем больше вероятности, что человек построит свою семью по такому же образу и подобию. Дети, внуки, правнуки и так далее из поколения в поколение выстраивают свои собственные семьи по образу и подобию, заложенным в их генах посредством родовой информации, поэтому счастье должно ГЕ-НЕ-РИ-РО-ВАТЬ-СЯ и передаваться по наследству!

– Значит, согласно твоей аксиоме, у меня, впрочем, как и у миллионов людей с наследственным отрицательным опытом семейной жизни, шансы на генерацию Счастья практически равны нулю?

– Шансы есть у всех! У КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА ЕСТЬ ВЫБОР. Независимо от того, сколько испорченных и гнилых компонентов в его родовом «винегрете», он всегда может самостоятельно состряпать новое, свежее и качественное блюдо, а не продолжать по инерции давиться сто лет назад приготовленной и протухшой пищей. *Каждый второй, третий, четвертый, пятый или двадцатый член рода может стать первым и начать свой отсчет времени по генерации Счастья последующих поколений.* Нужно просто заняться переделыванием самого себя!

– Спасибо, обнадежил! – попытался пошутить Клим, чтобы отогнать внезапно возникшую в его сознании тучку. – У меня так вообще все впереди!.. А если серьезно – дети являются необходимым условием для Счастья? Без них этого состояния достичь невозможно?

– Возможно, но не в том объеме. Поистине полное Счастье реально только в семье с детьми. Система деторождения является самой главной – и это не вы придумали! Это и есть Вечный Двигатель, если его не захочет остановить сам Создатель.

– Получается, что наши неприятности и болезни – это наказание за невыполнение основных законов?

– Люди почему-то считают, что это – наказание, и обижаются, но на самом деле это просто замещение энергий. Глупо же обижаться на электрический ток, который вы тоже не можете себе представить и до конца понять, вставив оба пальца в розетку! Человеки, у вас в Программе что было заложено? – чуть повысил тон Хранитель. – Дать дополнительную энергию и поддерживать Генератор Счастья. А куда вы ее потратили? На обслуживание негативных переживаний, на хождение налево, на построение бизнеса или накопление капитала! Так вот, Высшему Разуму ваш бизнес – до спины и ниже. Ему нужны не счета в банке, а качественные СЧАСТЛИВЫЕ души!

– Послушай, Гел, раз уж мы о семье заговорили... – задумчиво произнес Клим. – Почему все женщины так норовят сразу официально узаконить отношения? Я ни в коем случае не оспариваю вашу, то есть нашу Систему, просто не могу понять, почему нельзя спокойно генерировать Счастье без этой цветочно-гламурной канители?

– А-а, это ты о свадьбе говоришь? – засмеялся Ангел. – Давай не будем путать грехное с праведным! Здесь дело не в ленточках с розочками, а совсем в другом...

– Ну конечно! В большой и жирной печати в паспорте, которая действует на женщину как лучшее возбуждающее средство!

– Да-а, – иронично произнес Хранитель, одарив Клима дружеским и сочувствующим

взглядом. – Ты – типичный носитель многолетних человеческих установок и векового невежества! Не печать имеет значение, а СЛОВО как информационно-энергетическая печать! *Слово, которое люди дают при свидетелях перед тем, как начать жить вместе, чтобы построить Счастливую семью.*

– А без этого они ну никак не начнут?!

– В Инструкции очень четко написано, что как только мужчина и женщина объявляются мужем и женой и тем самым становятся семьей, Система их автоматически засчитывает в ОДНО ЦЕЛОЕ: «*И станут они единым целым...*» При церковном венчании батюшка не случайно задает один и тот же вопрос как невесте, так и жениху: «Готова ли ты (готов ли ты) и в радости, и в горести, и до конца дней своих быть вместе с ним (с нею)?» Что затем звучит? Согласие! Вы сами сказали это слово: ДА! И вас никто не тянул за язык! Недаром в Инструкции говорится о чистоте слов и конкретном выражении своих мыслей и чувств: «*Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что свех того, то от лукавого.*» Нельзя просто так играть словами, за каждое из которых вы будете платить.

Ангел сделал небольшую паузу, чтобы послушать тишину. Клим уже знал, что он не был любителем долгих дискуссий в Месте Покоя, поскольку считал, что длительные и слишком оживленные разговоры перекрывают тихий голос Гармонии, который можно услышать только в тишине своего Сердца.

Ангел медленно оторвался от земли и сделал несколько кругов высоко над Поляной. Белоснежный парящий силуэт с распахнутыми крыльями невероятно красиво смотрелся на фоне лазурного неба и высоких зеленых гор. Когда он приземлился обратно, то его глаза сияли изумрудным блеском, на щеках горел румянец, и он улыбался широко и счастливо.

– Взбодрись, мой друг! – Хранитель, как шаловливый ребенок, залепил в Клима снежком, принесенным с самой высокой горной вершины. – Это не только Место Покоя, это Место Силы – потрясающее ощущение полной Свободы и слияния со всем миром! Кстати, ты тоже можешь полететь в свое удовольствие, если захочешь! Что приуныл, Клементий? Ты же сам выбрал это Место – так используй его, а если что-то не так – можем сменить дислокацию...

– Нет, все хорошо, – задумчиво ответил Клим, – просто, пока ты летал, я тут подумал...

– Вот именно поэтому я решил хоть на пару минут оставить тебя, – весело изрек Хранитель. – Ну, и что ты опять надумал?

– Да все то же... – Клим неожиданно поймал себя на мысли, что он впервые не может полноценно расслабиться в Месте Покоя. – Гел, ты что, действительно искренне веришь в магическую силу слова, сказанного в стенах официального учреждения? А что мешает любящим людям сказать то же самое «ДА», не пересекая порог ЗАГСа или церкви?

– Ой, как с тобой сегодня занятно, хоть и немного нудновато, разговаривать! – Ангел был явно доволен. – Видишь ли, Клим, тебе наверняка хорошо известно, что гражданский брак, который ты сейчас пытаешься защитить, это *сознательное нежелание отвечать за свои поступки и слова, а также – страх брать друг за друга ОТВЕТСТВЕННОСТЬ*.

– О каком страхе ты говоришь? По-твоему, ответственность может быть только узаконенной?

– Я говорю все о том же страхе супругов повторить негативную программу брака своих родителей. Опираясь на сложившийся стереотип, человек на подсознательном уровне боится пережить все те психотравмы, которые он испытал в детстве. Вот такой сильный психологический блок как раз и мешает переступить черту официальной регистрации с произнесением ключевого «магического» слова «ДА». Кроме того, 99 % незарегистрированных пар называют свои отношения «гражданским браком», стесняясь сказать себе правду, что это простое сожительство.

– Все понятно! – Клим решил перeskочить на другой вопрос: – Судя по всему, разводиться тоже нельзя?

– Можно, но только один раз, как говорил твой преподаватель по саперно-подрывному делу, – улыбнулся Ангел. – В Инструкции очень конкретно об этом сказано: «*Итак, что Бог*

сочетал, того человек да не разлучает».

— А как же официальное разрешение Моисея на выдачу разводных писем? — блеснул своими библейскими знаниями Клим, выхваченными из какого-то источника.

— Инструктор сам лично это объяснил: «*Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими; а сначала не было так*». Здесь важно, что у ребенка, который никогда не сталкивался с разводом родителей и не видел всех его перипетий, и в сознании, и в подсознании этот разрушительный файл отсутствует. И когда он вырастет, женится и неминуемо встретится с различными семейными проблемами, то у него даже мысли не возникнет о том, что нужно все бросить и немедленно развестись. Скорее он подумает о другом: «Может, я перестал делать что-то такое, что делал раньше, когда мы только полюбили друг друга?» И соответственно он станет наводить порядок на своей территории, а не спасаться с нее бегством.

— Я уверен, что миллионы женщин, если бы они услышали эту речь, благоговейно пали бы ниц и единодушно провозгласили тебя президентом своей Женской республики! — зааплодировал Клим. — Не разводиться ни при каких обстоятельствах — это сродни простому бабскому убеждению: «Пусть плохонький — но свой!» А если супружеская жизнь совсем стала невмоготу? То все равно нужно продолжать тянуть этот воз, в котором не осталось ни любви, ни нежности, ни заботы?

— Но в этом «возе» все же когда-то была и любовь, и нежность, и забота! — настойчиво произнес Хранитель. — Если изначально это было именно так, то там и нужно ее разыскивать, а вместо этого вы все норовите искать на стороне...

— Если ты о вечной «лебединой верности», то брось, Гел, это нереально! — не сдавался Клим. — Ты, конечно, идеальный и высоконравственный парень, обитаешь там у себя, в Области, но в земной жизни практически невозможно удержать постоянство — мужчина, который не соблазнится видом красивой и эффектной женщины, или совсем ослеп, или уже умер!

— И не говори! — воодушевленно подхватил Хранитель. — Нужно быть действительно полным шизофреником, чтобы замкнуться в четырех стенах и провести всю жизнь только с одной женщиной. Это такая скоттища! Хорошо, что есть выбор, правда, Клим? — Ангел с иронией посмотрел ему в глаза. — Всегда можно избавиться от серой монотонности и переключиться на яркое разнообразие, не забывая при этом, ЧТО ЗА ВСЕ ПРИХОДИТСЯ ПЛАТИТЬ. А цена в данном случае может оказаться такой «неподъемной», что, пожалуй, будет лучше унять свой пыл и наводить порядок в своем «возу»! Человек, который потратил «налево» свою драгоценную божественную энергию, — допустил утечку в своем «внутреннем контуре», то есть в семье. Следовательно, здесь и произойдет замещение энергий в зависимости от истории взаимоотношений. Удар может задеть жену, коснуться детей, перенестись на здоровье мужа... Да как угодно! Это очень похоже на бухгалтерский дебет-кредит: с одного счета ушло, а на другой — пришло.

Хранитель сделал паузу, будто предоставляя своему собеседнику возможность прочувствовать и осознать все услышанное. Климу тоже не хотелось нарушать внезапно возникшую тишину. Его «петушиный» настрой внезапно развеялся, как легкая тучка на лазурном небе, уступив место чувству покоя и умиротворения.

— Спасибо тебе, Гел, — тихо произнес Клим. — За сегодня — особенное спасибо. Не могу сказать, что я принял «на ура» абсолютно все и сразу, но из нашего долгого и откровенного разговора вынес для себя много важного.

— Не буду спрашивать, что именно, — лучезарно улыбнулся Хранитель.

— Потому что ты и так слишком много обо мне знаешь! — шутливо заметил Клим, но тут же воспоминания о красно-синем мяче из чужого и недоступного настоящего и о прекрасной женщине из своего, но отвергнутого прошлого опять грустью выплеснулись из глубины его сердца. — Гел, а ведь я ПОТЕРЯЛ свою настоящую Любовь! — печально произнес он.

— Ты не потерял свою ЛЮБОВЬ — ты только сейчас смог действительно ее ПРОЧУВСТВОВАТЬ! — мягко сказал Ангел. — Раскрой свое Сердце и поблагодари его за эту

удивительную возможность. Для того, чтобы получить ЛЮБОВЬ, ее нужно сначала дать!

* * *

Он проснулся с чувством тоски. По ней. Первый раз почти за десять лет. Но, как сказал гениальный классик, «печаль моя светла». Осознание давно сложившейся ситуации помогло Климу не выпустить свои чувства за разрешимые пределы, где уже начинались губительные уныние и глубокая депрессия. Да, это была светлая и легкая, как прозрачная паутинка бабьего лета, грусть. О том искреннем, чистом и настоящем чувстве, которое было только тогда и только с нею.

«Я должен ей сказать главные слова! Пусть она сделает вид, что не помнит, пусть вначале бросит трубку, пусть скажет, что я – самое грязное пятно в ее жизни! Не важно! Я хочу сказать ей эти слова!» – Клим с самого утра знал, что ему нужно делать, точнее, что ему ХОЧЕТСЯ. Сейчас, когда у него есть только одно: энное количество оставшегося времени, он уже привык слушать исключительно свое сердце.

На поиск телефона Надежды ушел не один час. По известному теткиному номеру ему нахамили новые хозяева квартиры, Надины подружки давно канули в Лету и в свои неизвестные судьбы, а на ее бывшей работе произошла «смена караула». Наконец через «пятье-двадцатые» руки, от «товарища товарища» и «подруги ее подруги» он раздобыл домашний номер Надиной мамы.

Казалось, что длинные гудки длились бесконечно...

– Алло... – уставший женский голос явно принадлежал не ЕЙ.

– Я могу поговорить или как-то связаться с Надей? – Клим постарался придать своему голосу спокойную уверенность.

– Кто вы? – безжизненный голос резко вздрогнул и наполнился напряженными нотками.

– Это... Вас беспокоят с ее бывшего места работы по вопросу...

– Вы что, ничего не знаете? – перебили на другом конце провода. – Надюши уже давно нет.

– Как нет? Она уехала? – испугался Клим.

– Она умерла, – после паузы прошептал голос. – Скоро будет десять лет...

На него обрушилась тяжелая могильная плита.

– Что... Что случилось? – выдал непослушный язык.

– Наденька умерла... – голос матери задрожал от нахлынувших воспоминаний и разбуженной старой боли. – Одним словом... Одна операция у нее прошла неудачно, начались серьезные осложнения... В общем, она ушла очень быстро...

– Какая операция? – спросил Клим чужим голосом, хотя ответ он и так знал.

– Извините меня... – сорвался голос, и в трубке прозвучали короткие гудки.

Он пришел в себя только на стареньком районном кладбище, очнувшись среди тесных и простых могил. Неподалеку ожидало такси, которое Клим заказал по маршруту «туда и обратно». Водитель с настороженным интересом наблюдал за своим странным пассажиром, очередной раз пытаясь определить, кто он: псих, наркоман или, что еще хуже, безумный маньяк. «Нет, скорее псих! Заплатить бешеные бабки, чтобы смотреться из столицы в эту тму-таракань, побродить по кладбищу и вернуться обратно!»

Он на удивление быстро нашел ее могилу. То ли удача (не применимое к этой ситуации определение), то ли заботливый Хранитель молча вел его в нужном направлении... Короткая надпись: «Наденьке с бесконечной любовью», высеченная вдоль ее портрета, на котором она улыбалась своей открытой прекрасной улыбкой. И дата, в которой он практически не сомневался... Убедился – и приступ боли накрыл его голову железным колпаком.

Он сидел возле нее, пока не сгостились сумерки, и говорил, просил, убеждал, рассказывал о том, что не успел сказать тогда, когда она молча смотрела на него живыми и полными боли глазами. Капли мелкого дождя стекали солеными струйками по его щекам. Он

в последний раз оглянулся на ее застывшую улыбку и в сотый раз сказал «прости» в звенящую тишину. Он ПОЧУВСТВОВАЛ, что самый главный перекресток его судьбы исчез вместе с ее уходом из его жизни.

Глава 8

Открытие

*Нет ничего сокровенного, что не открылось бы,
и тайного, что не было бы узнано.*

Евангелие от Матфея, глава 10, стих 26

...Он стоял на самой вершине горы и смотрел на бесконечный морской простор, уходящий за светлый горизонт. Сегодня море было необыкновенно спокойным и безмятежным. Его ровную поверхность нежно ласкали мягкие волны, а вода была настолько хрустально-чистой и прозрачной, что даже с высоты было отчетливо видно, как в бирюзовой глубине величественно колышется бархатный зеленый ковер, обнажая бело-розовые кораллы и замысловатые подводные гроты.

Клим легко оттолкнулся от земли и взмыл над Голубой бухтой, наслаждаясь чувством свободного полета и раскрывая свои объятия этому волшебному миру.

Он сделал стремительный поворот, вспугнув пару белоснежных чаек, и плавно опустился на теплую поверхность самого большого камня, выступающего из воды.

— Славный выдался сегодня денек! — довольный и умиротворенный Хранитель, соскользнув с неба по солнечному лучу, ловко приземлился рядом и с наслаждением потянулся.

— Почему ты мне ничего не сказал? — Клим в упор посмотрел в ясные глаза Ангела, в которых отражалось бескрайнее море.

— Разве я не поздоровался? — наивно переспросил Хранитель и добродушно распахнул свои крылья: — Ну здравствуй, мой дорогой друг!

— Гел, ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю, — сказал Клим, не отводя пристального взгляда. — Ты наверняка знал, что ее давно нет в живых, и вместе с тем воссоздал вполне правдоподобную картину нашей встречи и ее реального присутствия...

— Стоп, стоп, стоп! Ты явно что-то путаешь! — остановил его Хранитель. — Ты уже достаточно потрудился и многое понял для того, чтобы не допускать подмену понятий — где помогаю я, а что делаешь лично ты. Это была исключительно твоя картина и твоя встреча! И вообще, с чего ты взял, что Надежда — это иллюзия? Все, что хранится в твоем подсознании, живее любой реальности в твоем материальном мире. Вопрос только в том, кому или чему ты даешь право на жизнь. Скажи, что тебя мучает больше всего? Ее смерть или...

— Или, — грустно ответил Клим. — Я так и не успел попросить у нее прощения: ни при жизни, ни на Поляне Любви. Она была такая реальная, такая живая, счастливая... Кто знал? Я бы тогда сказал ей совсем другие слова...

— Вот заладил — реальная, реальная! — перебил его Хранитель. — Конечно, реальная! Она живет в твоей памяти, а этого вполне достаточно, чтобы не устраивать фальшивые поминки. И, как ты успел заметить, она действительно легко и прекрасно себя чувствует, потому что смогла разрешить эту проблему гораздо раньше, чем ты об этом подумал. Она СВОБОДНА, чего и тебе желаю!

— От чего?

— От боли. От разочарования. От обиды. Ты хотел получить от нее прощение? Так она давно это сделала, и теперь твоя личная задача — искренне простить самого себя. Недооценивая свою внутреннюю силу, вы, люди, часто занимаетесь словесной манипуляцией: «Поверь мне! Я тебя люблю! Я тебя прощаю!» Безусловно, за слова нужно отвечать, но их звуковые вибрации должны исходить из самого сердца и рождаться в глубине души — только тогда они не будут бессмысленным сотрясанием воздуха.

Да будет тебе известно, что прощение в мыслях имеет не меньшую силу воздействия, чем сказанные вслух слова. Колossalная работа мысли дает удивительную возможность простить всех – независимо от времени и от расстояния. *Единственная освобождающая сила во Вселенной – это ПРОЩЕНИЕ, которому пришел нас научить Инструктор!..* Снимаю шляпу! – помолчав, восхищенно вдруг добавил Хранитель и слегка наклонил голову, коснувшись искрящегося золотистым светом нимба над своими кудрями, – эта девушка познала агапэ.

– Что-что? – рассеянно спросил Клим, погруженный в собственные мысли.

– Агапэ – НАСТОЯЩУЮ ЛЮБОВЬ. – Ангел поднялся и, скрестив руки на груди, широко расправил белоснежные крылья. Сияние, исходившее от его нимба, разгоралось все ярче и ярче, разбрасывая золотые искры по прибрежным камням и отражаясь в бирюзовой глади моря. – Это чистая и открытая любовь, которую отдают свободно и щедро, не раздумывая о заслугах любимого человека, не просчитывая цену или выгоду и не ожидая «возврата долга». Такая любовь не просит, не претендует и не требует – это полное ВСЕПРОЩЕНИЕ И ВСЕПРИНЯТИЕ.

– Кстати, – сказал он, разворачиваясь к Климу, – самая чистая любовь существует там, где ее меньше всего можно ожидать, – в непривязанности, а тот, кто этого достигает, постоянно пребывает в потоке любви. *БЕЗУСЛОВНАЯ ЛЮБОВЬ – вот лучший подарок человечеству от Создателя за всю историю сотворения Мира. Эта Любовь создана по образу и подобию Божественной Любви, а ее достижение прежде всего начинается с принятия себя.*

Клим ощутил, что сейчас что-то должно произойти. Или уже произошло. Открытие, осознание, откровение... Что-то очень важное, ценное и главное в его жизни. Это было на уровне ощущений, которые всколыхнулись в самом сердце и теперь рвались на свободу, переполняя все естество чувством светлой радости и умиротворения. Прямо на его глазах тесные прибрежные скалы расступились, а узкая береговая полоса расширилась и протянулась просторной песчаной косой, уходящей далеко за горизонт, где сиял огромный солнечный диск.

– А ты говоришь, иллюзии! – улыбнулся Ангел и показал рукой куда-то вдаль.

...Они шли по берегу моря, прекрасная женщина и чудесная девочка, держась за руки и весело разговаривая. Легкий морской бриз трепал ее золотистые волосы иshalовливо путался в складках воздушного платья, все время норовя поднять подол и освободить красивые стройные ноги. Женщина звонко смеялась, когда малышка смешно подпрыгивала на игристых барашках, скользящих вдоль берега.

Клим быстро спрыгнул с камня и, не раздумывая ни секунды, бросился вслед. Его ноги вязли во влажном песке, крик смывало шумом прибоя, а расстояние между ними, несмотря на все его усилия, не сокращалось.

Она сама остановилась и повернулась к нему. Взгляд ее больших глаз был полон невероятной нежности и безграничных чувств. Она что-то беззвучно произнесла губами, и он услышал, что сказала ее сердце.

– Где есть Любовь, там не нужно много слов, – тихо шепнул из-за плеча невидимый Хранитель. – Та Любовь, которую ты испытываешь к другому человеку, – это концентрированная форма универсальной любви. Ты можешь все ее формы испытать сполна, если позволишь себе раскрыться.

И тогда он мысленно распахнул свое Сердце – так сильно, как еще никогда не раскрывал. Белая лилия, выросшая внутри его груди, широко раскинула тонкие лепестки и открыла маленькую, похожую на перламутровую жемчужинку сердцевину, откуда заструились нежно-розовые сияющие лучи. Омыв его тело теплыми и благодатными потоками, они превратились в ослепительный столп света, который стремительно расширился и вышел за его пределы. Он удивленно смотрел, как розовые волны теперь переливались по ее телу и нежно касались лица ребенка, разбрызгивая радужные искорки света. Женщина счастливо улыбнулась, а девочка приветливо помахала ему рукой и послала

воздушный поцелуй, который с благодарностью тут же приняло его Сердце.

Они пошли дальше по песчаному берегу, окруженные светом его абсолютной Любви. Он смотрел им вслед до тех пор, пока они не скрылись за радужным горизонтом, а их легкие следы на песке не смыво пущистой морской пеной.

Волны вынесли на берег яркий предмет. Это был красно-синий мяч, он подкатился к ногам Клима.

— Я ЗНАЮ! — Радость, гармония, покой и ощущение Счастья слились в одном душевном порыве. Он присел на корточки и уверенно вывел на влажном прибрежном песке ключевую Формулу из Алхимии Жизни:

СЧАСТЬЕ = ВЕРА + НАДЕЖДА + ЛЮБОВЬ

Бирюзовые волны, встретившись с берегом, аккуратно заполнили контуры букв своей прозрачной влагой, и Формула ожила, ярко засияв всеми цветами радуги.

— Гел, я АБСОЛЮТНО СЧАСТЛИВ! — воскликнул Клим и, не сдерживая нахлынувших чувств и эмоций, заключил Ангела в крепкие объятия.

— Тихо, тихо! Ты мне все красоту испортишь! — рассмеялся Хранитель. — Я вижу, и это — лучшее доказательство!

Он удовлетворенно потер руки и медленно прошелся по песку, внимательно рассматривая надпись со всех сторон.

— Поздравляю с победой! — наконец сказал. — Ты сам дошел до осознания Формулы Счастья и вывел ее исключительно из своих ощущений.

— Значит, все правильно? — немного удивленно спросил Клим.

— ТАК И ЕСТЬ. А ты ожидал сложнейшего математического уравнения с десятью неизвестными? Да, представь себе — на самом деле все очень просто! Эта формула настолько банальна и доступна, что ее знает каждый, по крайней мере словосочетание «ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ» знакомо абсолютно всем, просто его никто официально не объявлял основным правилом. Это прописная истина, которая была изначально заложена Создателем в каждого человека, и Он предполагал, что люди смогут ее самостоятельно прочитать и расшифровать. Однако, как оказалось, это дано не каждому, хотя большей простоты придумать, пожалуй, невозможно. Что такое ВЕРА? Как ты помнишь, это — *включись в Систему, поверь в Создателя и в свое Божественное происхождение и предназначение*. НАДЕЖДА — это *твои правильные мечты, искренние желания, светлые чувства и последующие организованные действия, основанные на Добре и Милосердии*. А без энергии ЛЮБВИ, которая движет Вселенной и питает каждое живое существо на этой планете, Жизнь вообще невозможна. Колossalную силу Любви можно почувствовать, и ею можно научиться управлять в полной мере, если держать свое Сердце открытым. *Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть Любовь*. Ты не изменил свои ПЕРЕКРЕСТКИ, это невозможно, но ты поменял к ним свое отношение, а значит — трансформировал свое информационное поле, то есть изменился сам, поэтому у тебя и получилось открыть ФОРМУЛУ СЧАСТЬЯ. Таким образом, ты добрался до ответа на главный вопрос — В ЧЕМ СМЫСЛ ЖИЗНИ?

— Значит, он все-таки существует... — задумчиво произнес Клим.

— Что? Смысл? — улыбнулся Ангел. — Еще бы! Мы с тобой так много обо всем говорили, что теперь — самое время подвести итоги. *Создателю нужны души, которые, пройдя определенные испытания, как «тест-драйв» для автомобиля, остались при этом в необходимом информационно-энергетическом заряде — «идеальном заряде»*. В религии это называется спасти душу или остаться с чистой совестью. И это состояние не что иное, как ОЩУЩЕНИЕ СЧАСТЬЯ! Поэтому СМЫСЛ ЖИЗНИ на земле для вас, ЧЕЛОВЕКИ, заключается только в одном: как можно чаще быть ПО-НАСТОЯЩЕМУ СЧАСТЛИВЫМИ! Это можно сравнить с правильной покупкой батареек, когда перед тем, как взять их для

использования, ты прибором проверяешь заряженность и дееспособность каждой. И если заряд меньше, чем положено, ты просто ее не возьмешь. Но похоже, что с зарядом у тебя уже все в порядке!

— Ты весь светишься! Это от гордости за меня? — шутливо спросил Клим.

— Это светится твое открытое Сердце, — улыбнулся Хранитель. — Помнишь старую легенду о том, как, устав от бесконечных мирских просьб и сует, Бог решил спрятаться где-то в укромном месте, чтобы настырное человечество не обременяло его своими постоянными вопросами и желаниями?

— Припоминаю. Он решил спрятаться...

— Совершенно верно! Там, где его меньше всего будут искать люди, — в их сердцах! Ты же не поленился, проделал этот кропотливый труд и нашел Божественное начало внутри себя. И наконец ты принял самого себя — целиком и полностью, без сомнений и раздумий, ощущив *ту истинную силу, которая является собой единственную существующую реальность в этом мире — Силу абсолютной Любви*.

— Гел, ты как-то странно на меня смотришь... — насторожился Клим, заметив в глазах Ангела туманную пелену грусти. — Как будто бы прощаешься... Мы что, больше не встретимся?

— Ну вот! Учи тебя, учи — а ты на ровном месте спотыкаешься! — как ни в чем не бывало шутливо сказал Хранитель. — Я что, создаю впечатление улетающего в далекие страны без права переписки? Место встречи изменить нельзя! — рассмеялся он и уже серьезным тоном добавил: — *На самом деле место и время выбираешь только ты. Все, что тебе нужно, это открыть свое сердце, и твой Ангел-Хранитель тут же появится! Но что бы ни происходило в твоей жизни, помни, что в твоем Сердце, независимо от моего присутствия, должно жить СЧАСТЬЕ...*

* * *

Это было первое утро, когда Клим проснулся с ярким ощущением состоявшегося большого и светлого Праздника. Он не только прекрасно помнил все события минувшей ночи, но и сохранил чувство умиротворения и ни с чем не сравнимого СЧАСТЬЯ. Бережно и осторожно, как будто бы боясь ЕГО ненароком расплескать, он встал с кровати и увидел на журнальном столике раскрытый блокнот, в котором его почерком было написано:

Посвящается моему Ангелу-Хранителю

«Боль свернулась плотным комком в груди. Настойчивый удар — это звонок в Сердце. Открой его без раздумий — и ты почувствуешь легкое касание твоей левой руки. Позволь ЕМУ войти. ОН стряхнет с себя капли небесного дождя, и некоторые из них скатятся теплой слезой по твоей щеке. Не сдерживай слезы — это благодать. Так выходит боль, освобождая место яркому и целебному потоку Света, легко и свободно струящемуся из твоего раскрытоого Сердца.

Как только ты ЕГО узнаешь, позовешь и примешь, ОН с огромной благодарностью войдет в твою Жизнь, чтобы никогда большие не оставить тебя в одиночестве и в неведении.

Ты вскоре научишься ЕГО чувствовать и следовать за ЕГО простыми знаками.

Если ОН напоминает о своем присутствии легким касанием твоей руки — не сомневайся — ОН РЯДОМ!

Иногда ОН настойчиво тянет тебя за рукав, тогда не раздумывай — пришло твое время принимать важный СИГНАЛ и совершать конкретное ДЕЙСТВИЕ!

Когда ОН заботливо поддерживает тебя под руку — не поддавайся унынию и неверию — ТЫ ПРИМЕШЬ ПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ!

А когда ЕГО безгранична ЛЮБОВЬ и ТЕПЛО пронизывают все твое тело — значит, ОН В ПОЛНОМ ЕДИНЕНИИ С ТОБОЙ».

Клим широко улыбнулся – Гел назвал бы это пафосной одой в честь себя, любимого, но наверняка остался бы доволен!

Да, в последнее время он мог встать прямо посреди ночи и записать свои ощущения или впечатления, чтобы они не успели испариться с приходом утра. Посвящение Ангелу было апогеем его искренних чувств и переживаний.

«Жаль, что Хранитель не хочет открыто появляться в реальной жизни, – подумал Клим, наспех готовя себе легкий завтрак. – А то составил бы мне сейчас компанию к Ивану Ивановичу».

Накануне Клим в очередной раз сдал анализы и согласился на какие-то дополнительные исследования и повторный снимок.

«А вдруг я войду в медицинскую историю как чудо самоисцеления? – он задорно тогда подмигнул доктору и по-дружески хлопнул его по плечу: – Да не волнуйтесь вы так, док, это для меня уже не принципиально важно!»

* * *

Сегодня он застал Ивана Ивановича в ordinаторской. Судя по воспаленным глазам и большой чашке чифиря, у него была нелегкая ночь, да и день, по-видимому, не особо заладился.

– Рад тебя видеть, Клим, – устало поприветствовал доктор и пододвинул ему стул.

– Что-то по вашему внешнему виду этого не скажешь! – попытался пошутить Клим. – Кто вас так расстроил? Или… с чудесами накладки?

– Ты так изменился в последнее время! – натянуто улыбнулся Иван Иванович и, как будто не рассышав вопроса, добавил, отводя взгляд от Клима: – Я поражаюсь твоему жизнелюбию и восхищаюсь твоим оптимизмом…

– Давайте теперь – по существу.

Доктор ответил медленно, рваными фразами:

– Клим, ты очень сильный человек… Но единственное, что осталось без изменений, – это твои анализы… Мне очень жаль…

– Сколько?

Иван Иванович нервно пожал плечами.

– Понятно. Значит, еще немного, еще чуть-чуть… – пропел Клим и протянул руку для прощального пожатия.

Доктор поднял на него взволнованный взгляд.

– Ты куда собрался? Тебе надо остаться, чтобы…

– Ну уж нет, Иваныч! – быстро перебил Клим и сказал твердым, спокойным голосом: – Больше никаких химиотерапий и сеансов по спасению утопающего! Я нашел лучшее в мире обезболивающее, и поверьте, оно мне поможет полноценно прожить остаток драгоценного времени. И не вздумайте себя в чем-то винить – вы сделали все возможное…

* * *

…«Только не выходи из Системы! – это было первое, что он сам себе приказал за порогом больницы. – Главное – не думать о смерти и все свои силы потратить на то, чтобы еще почувствовать себя по-настоящему счастливым. Так, как это было минувшей ночью, так, как это испытал сегодня утром. Парадокс, закономерность или проверка на прочность, посланная свыше? Вот оно, Счастье, уже у тебя в кармане, а в это же самое время в другой карман смерть кладет окончательный приговор!»

– Это целое мастерство – уходить СЧАСТЛИВЫМ, – внезапно прошептал где-то в глубине его души Ангел-Хранитель. – Поэтому, как бы странно это ни звучало, нужно быть психологически готовым к смерти, а для этого надо приложить все усилия, чтобы как

можно чаще испытывать СЧАСТЬЕ при жизни. Это гарантия того, что, когда Смерть настигнет тебя именно в момент Счастья, ты уйдешь в Систему и предъявишь Создателю свою правильно заряженную, просветленную и очищенную душу...

Клим не лукавил, когда сказал себе, что больше не боится умереть. Или... ну, совсем чуть-чуть, самую малость... А все-таки сколько ему осталось?.. Об этом не знал никто, кроме Создателя и Ангела-Хранителя, который упорно скрывал его сроки пребывания на этой земле...

— Даже не думай об ЭТОМ! — воскликнул невидимый Ангел поздно вечером, когда Клим задумчиво вертел в руках упаковку сноторного. Судя по всему, всегда сдержаненный Гел на этот раз очень рассердился: лекарства упали на пол, как будто бы выбитые чьей-то уверенной рукой. — Я не имел права тебя останавливать и буду за это наказан, но ведь ты столько смог пройти и понять...

— Гел! Я уже не боюсь смерти... — сказал Клим и крепко сдавил пылающую огнем голову. — Мне очень больно...

— *Ты не имеешь права раньше срока уходить из жизни и брать на себя функцию Создателя!* — отчеканил Хранитель. — *Суицид разрушает душу. Нужно уметь не только жить ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ — умирать тоже надо уметь. Не бойся того, что за Чертой, а позаботься о своем СОСТОЯНИИ, которое ты предъявишь Создателю... Иначе действительно теряется весь смысл твоей жизни.*

* * *

...На следующее утро он пришел в свой любимый парк. Не потому, что ему больше нечем было заняться или его одолела полная апатия. Просто ему так захотелось. Просто он почувствовал, что именно сегодня он обязательно кого-то встретит или что-то увидит...

Какое удовольствие — дышать полной грудью! Когда не мучает боль!.. Он присел на скамейку и, сделав глубокий вдох, почувствовал, как вместе с терпким запахом осени, насыщенным пряным ароматом опавших листьев и хрустальным привкусом почти зимнего неба, в его легкие вошло долгожданное чувство СЧАСТЬЯ! Оно было подобно молодому и пьянящему вину. Его хотелось пить еще и еще — до головокружения, до остатка, до конца...

Климу вдруг показалось, что за полупрозрачными деревьями мелькнула знакомая фигура с белыми крыльями. Гел? Серебристый туман, поднимавшийся от земли, творил миражи...

«Его не наказали! Он рядом!» — умиротворенно подумал Клим, зажмурив от наслаждения глаза.

Еще один жадный, глубокий глоток...

Резко запульсировало в висках, и он увидел, как на руку упала алая капля крови. Его крови. Это не страшно... Это пройдет... Скоро...

Свежая порция СЧАСТЬЯ свободно проскользнула в него вместе с потоком чистого воздуха.

А потом внезапно опустилась звенящая пустота. Он все почувствовал. Боли не было. Страха тоже. Просто ЭТО так неожиданно... Он попытался закричать, но темная воронка, возникшая где-то глубоко в голове, стала стремительно расширяться и поглотила его крик, замедлила сознание и потушила рассудок, а потом стала подбираться к телу, затягивая и его в свой стремительный водоворот, похожий на вихрь. Сопротивляться было бессмысленно.

— Ничего не бойся! Я — с тобой, — сквозь пелену тумана он увидел белые крылья Хранителя и почувствовал теплое прикосновение к своей руке. — Ты только ВЕРЬ... Будь спокоен — все идет ПО ПРАВИЛАМ.

Воронка разорвалась, как натянутый до предела кокон, и выпустила наружу ослепительный СВЕТ, разливающийся во времени и в пространстве и рассеивающий темноту и туман.

«Действительно, не похоже ни на что!» — промелькнула последняя мысль.

– Это не конец, а НАЧАЛО, – прошептал Ангел-Хранитель. – Начало Вечности, которая не имеет ни пределов, ни границ…

Свет манил, источая умиротворение, покой и благодать.

И он полетел, не сопротивляясь, в глубину НЕИЗВЕСТНОГО…

Эпилог

Для того чтобы чувствовать себя Счастливым, нужно ежедневно заниматься любовью к жизнью.

Пауло Коэльо

… – Это удивительное умиротворение, покой и благодать, которые вы все только что смогли прочувствовать, еще одно неоспоримое доказательство того, что смерть ни в коем случае нельзя рассматривать как трагический финал с погружением в пугающую пустоту. Это – естественное завершение старого и начало нового цикла, к которому нужно прийти хорошо подготовленным. Главное – преодолеть самый большой страх всего человечества – подсознательный страх смерти.

Еще секунда гробовой тишины – и аудитория откликнулась робкими аплодисментами вперемешку с восторженными репликами и облегченными всхлипываниями.

Пока ассистенты раздавали традиционные носовые платки и поили водой особо впечатлительных, профессор Гурин быстрым взглядом окинул всю аудиторию. «Похоже, из тридцати присутствующих получилось справиться с работой большей части семинаристов. Это можно назвать успехом!»

Когда профессор Гурин, руководитель Института Изучения Счастья, предложил ввести в программу семинаров уникальное практическое занятие по технике переживания околосмертного опыта, то некоторые его коллеги восприняли это «ноу-хау» если не в штыки, то и не без изрядной доли скептицизма.

– Шеф, вам, конечно, виднее, – осторожно заметил руководитель Службы скорой психологической помощи, – но наш народ пока еще не готов к подобным потрясениям. Тут, дай Бог, разгрести основные проблемы и привести в порядок типичные кризисные ситуации, а уже потом… Я опасаюсь, как бы мы некоторых не подтолкнули к суициду – у нас немало впечатлительных людей.

– Дорогой Валерий Сергеевич, – сказал Гурин, – в большинстве случаев страх Смерти порождает страх Жизни со всеми вытекающими и хорошо известными нам с вами последствиями. А для того, чтобы научиться ЖИТЬ и быть СЧАСТЛИВЫМИ, люди должны не только трансформировать негативные переживания, но и превозмочь глубинные и вековые страхи. Конечно же, данную технику мы будем практиковать только в самых подготовленных группах, которые прошли абсолютно все фазы нашей программы. Важно оставить нестираемый след в сознании каждого, что этот опыт есть не что иное, как природный этап прохождения тестирования души в момент окончания своей Миссии на земле. И что данный процесс нельзя ни ускорить, ни замедлить – к нему нужно быть просто готовым. И это НЕ СТРАШНО!

… – Вы представляете, на мои похороны пришли все мои бывшие мужья! Это было так неожиданно! – радостно воскликнула миниатюрная брюнетка с первого ряда.

– И что вы почувствовали? – с улыбкой спросил профессор, жестом пытаясь заглушить громкий смех в зале.

– От мужей или от похорон? – серьезно уточнила брюнетка.

– От Смерти!

– Это было… Неземное блаженство и потрясающее чувство освобождения, в котором растворились печаль и страх…

– Вот это – самое главное! – удовлетворенно кивнул Гурин.

– А я окончательно понял, что мне нравится кремация! – приподнявшись с заднего ряда,

воодушевленно сказал розовощекий здоровяк, как будто бы речь шла не о похоронах, а о каком-то увеселительном мероприятии. – Когда мой пепел развеивали над бескрайним морем, я почувствовал, как сливаюсь с Небом и обретаю долгожданную свободу. Страх сменился удивительным состоянием полета!

– А над моей могилой взмыла в небо стая белоснежных голубей! – умиленно вытирая слезы, добавила его соседка. – Это было как торжество Жизни над Смертью!

– Я вам искренне благодарен за эту очень тяжелую, но такую необходимую работу, – от души сказал Гурин. – Практически всем сейчас удалось преодолеть огромный барьер страха и принять позитивный опыт смерти как отметку пройденного пути и возвращение к своим Истокам.

– Получается, что главное – это наличие твердой веры в бессмертие души? – прозвучал вопрос из зала.

– Это не просто Вера, а закон Вселенной, – ответил профессор. – Если посмотреть на всю Систему Мироздания как на хранилище энергии, то с этой точки зрения ничто никогда не умирает, поскольку энергия не имеет ни начала, ни конца и ее невозможно уничтожить. Когда вы сумеете прочувствовать и найти в себе эту бессмертную частицу Вселенной, то ваша жизнь из наказания превратится в яркое и увлекательное путешествие, в котором нет места страхам, горести и смерти. Кстати, чего вам сейчас больше всего хочется? – спросил профессор в воцарившейся тишине зала.

– Жить!

– Радоваться окружающему миру!

– Наслаждаться каждым мгновением!

– Помириться с родными!

– Танцевать!

– Быть, а не казаться!

– Любить!!!

– Вот она, основа всех основ! – воскликнул Гурин. – САМОЕ ГЛАВНОЕ, ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ ПРИ ЖИЗНИ, – ЭТО НАУЧИТЬСЯ ЛЮБИТЬ!

* * *

– Через десять минут – начало пресс-конференции. Вы успеваете? – секретарша поймала Гурина прямо на пороге его кабинета.

– Ниночка, давайте через двадцать! – взмолился профессор. – Первые десять минут – на выдох после тяжелого семинара, и еще десять – на то, чтобы собраться с мыслями.

– Да, последняя новость! – Ниночка протянула шефу свежераспечатанный документ. – Утренний отчет из отдела распространения. Первый тираж вашей повести уже разошелся «на ура»! Хотят продолжения или как минимум дополнительного тиража!

– Нина, вы – супер! – Гурин улыбнулся действительно приятному известию. – И отнесите, пожалуйста, отложенные экземпляры книги в конференц-зал – я обещал сделать подарок для прессы.

«Какая все-таки чудесная штука Жизнь! – подумал он, наслаждаясь ароматным чаем у себя в кабинете. – Казалось бы, так долго вынашивалась идея этой книги... Собиралась по частичкам, упорядочивалась, пока не обрела свою полноценную жизнь. Так много хотелось сказать, стольким поделиться... И вот Мечта сбылась! Ура!»

– Только тебе одной известно, чего мне это стоило! – уже вслух произнес Гурин, бережно поправляя фотографию в рамочке на своем рабочем столе, с которой ему весело улыбались красивая синеглазая женщина и две очаровательные девчушки.

Допивая чай, Гурин успел ответить на пару электронных писем, собрать необходимые бумаги для предстоящей пресс-конференции. И вскоре Энерджайзер, как его называли друзья и коллеги, снова был готов действовать.

* * *

В уютном конференц-зале Института почти не было свободных мест. Представители СМИ готовили «к бою» свои диктофоны и прочую технику. Гурин слегка зажмурился от вспышек фотокамер. Он изначально был противником громкого пиара Института и часто выступал против предлагаемых ему рекламных кампаний.

— Мы не продаем товар массового потребления, — доказывал Гурин. — Работа с душой — это очень интимная вещь, она нужна только ищущим и открытым людям, готовым к переменам в своей жизни, а такие люди и сами нас найдут!

Только после выхода книги и первых положительных откликов на нее Гурин принял решение провести пресс-конференцию именно в стенах Института Изучения Счастья.

— Господин Гурин, вы хотите добиться известности за счет эффектного названия института? А что, по-вашему, есть счастье? — первый вопрос заставил всех собраться.

— Счастье — это «идеальный» информационно-энергетический заряд человеческой души в моменты времени, когда сбываются ваши правильные мечты. Мы научились его измерять и изучаем, что влияет на те или иные его отклонения. А известность нам могут принести только практические успехи в помощи пациентам. Мы с удовольствием делимся своими находками.

— Почему вы так долго сидели в «подполье»? — прозвучал следующий вопрос. — Ведь ваш Институт — уникальный и не имеющий аналогов!

Гурин даже засмеялся от столь неожиданного вопроса.

— Ну, допустим, в подполье мы не сидели, а много и кропотливо работали, что намереваемся и в дальнейшем делать. Наша задача — тихо и качественно изучать СЧАСТЬЕ. А за признание нашей уникальности — спасибо, но аналоги Института Изучения Счастья есть в разных странах, только они все по-разному называются. На Западе известны институты новейших информационных технологий, институты моделирования и прогнозирования, институты изучения Человека и так далее. Многие из них находятся под патронатом правительства, поскольку решают задачи государственного масштаба, смысл которых заключается в формировании гармоничного и комфорtnого жизненного пространства для своих граждан.

— Вам тоже помогает государство?

— Нет, наш НИИ — исключительно частная организация. Не знаю, хорошо это или плохо... Наверное, хорошо, потому что мы сами принимаем все решения, и, наверное, плохо, потому что государство обязано изучать такие глубокие и стратегические вопросы. Как пример, сейчас мы работаем над одной из моделей Национальной Идеи, которая базируется на определенной гипотезе Миропостроения...

— ...И которая претендует на решение планетарного вызова? — оперативно вклинился журналист одной бульварной газеты.

— Не преувеличивайте. Но это действительно своего рода философия территории, ее система координат, базирующаяся на нескольких привычных и даже банальных понятиях. Одно из них — это СЕМЬЯ как главный элемент Системы Миропостроения. Второе — наша ментальная формула «Моя хата с краю». Где «моя» — частная собственность; «хата» — недвижимость, место рождения детей, уюта и духовности; «с краю» — полная самодостаточность, осознание себя в системе координат Мира. Здесь собраны вековые украинские ценности: дом, семья, безопасность. Аналогично английскому выражению «Мой дом — моя крепость», но менее агрессивно и более философски. И третье — самое главное — счастье как главная ценность человека, живущего на территории нашей страны, где «индекс счастья» входит в формулу ВВП и отражает смысл развития экономики. В конечном счете получается лаконичная национальная идея: «Украина — страна счастливых многодетных семей». Да, пожалуй, было бы идеально, если бы государство вело подобные научные исследования. А еще лучше, чтобы оно сподвигло все политические партии провести подобные разработки и создать свои версии Национальной Идеи, и тогда мы, граждане,

сможем выбрать наиболее подходящую. Ведь национальная идея – это стратегический взгляд в будущее, его моделирование на 50, 100, 200 лет...

– Господин Гурин, вы издеваетесь, когда говорите о ментальной формуле «моя хата с краю»? Или шутите?

– Мы достаточно глубоко изучили этот вопрос с психологической точки зрения. Проблема заключается в непринятии себя. Точнее, в боязни быть самими собой. Ведь сотни лет зажиточных, самостоятельных и самодостаточных наших предков уничтожали или отправляли в ссылку, заставляя бояться и стесняться быть настоящими хозяевами своей земли. Важно трансформировать данную ментальную формулу из негативного в позитивное самовосприятие.

– Господин Гурин, вы хотите всех сделать счастливыми и считаете себя истиной в конечной инстанции? – жестко спросил мэтр одного известного издания.

– Я ждал, когда кто-то об этом спросит! – улыбнулся Гурин. – Мы никого ни в чем не убеждаем и работаем очень индивидуально. Если мои коллеги видят, что человек не готов воспринять информацию, то они открыто ему говорят: «Раз вы еще сомневаетесь, остановитесь и подумайте, зачем вам это нужно». Мы не прячем наши знания, но выдаем их только желающим согласно правилу: НЕ ПРОСЯТ – НЕ ДЕЛИСЬ! Мы не учим, как жить, – мы просто рассказываем, КАК МОЖНО ЖИТЬ!

– А можно более подробно узнать о структуре вашего Института? У нее есть какие-то особенности? – подвинула поближе диктофон журналистка культурологического журнала.

– Особенность одна – счастливая! А если серьезно, то наша структура очень простая. Базовой является кафедра холдинамики – это стержень нашего Института. Есть отдельная служба работы с детьми, так как дети – это завтрашие родители, и им строить в будущем крепкие и счастливые семьи. К сожалению, в нашей стране практически отсутствуют подобные квалифицированные программы помощи детям, а они в ней нуждаются не меньше, чем взрослые, ведь нередко являются заложниками своих родителей и носителями негативных семейных программ. Работает служба психологической помощи, функционирует сайт www.iischastye.com.ua, открываются филиалы и представительства в различных регионах Украины...

– Вы популяризируете холдинамику – новую западную науку, – отозвался представитель научно-популярного издания. – А насколько она подходит к нашему менталитету?

– Спасибо за вопрос! – начал Гурин, а про себя подумал, что сейчас самое главное будет – вовремя остановиться, поскольку о холдинамике он может говорить долго и без остановок. – Во-первых, это не совсем новая наука. Холдинамика, за которую ее основатель, известный американский психолог, физик и психотерапевт Вернон Вульф в 1991 году был удостоен Нобелевской премии, совмещает в себе многие научные подходы и концепции, объединяет самые современные исследования в области квантовой физики, математики, нейрофизиологии, биологии и, конечно, психологии. Холдинамика как один из прогрессивных методов гармонизации мышления представляет собой систему раскрытия Полного Потенциала человеческой личности, или, другими словами раскрытия внутреннего Я. А поскольку СЧАСТЬЕ – главная общечеловеческая ценность, то эта методика великолепно прижилась и адаптировалась в условиях нашего менталитета.

– Я был близок к истине, когда говорил, что это – институт Волшебства! – оглядываясь по сторонам в поисках поддержки зала, сказал журналист, когда-то окрестивший их Институт подобным образом.

– А кто такой волшебник? – задал Гурин риторический вопрос. – Это тот, кто может совершить ПРЕВРАЩЕНИЕ или, говоря нашим термином, ТРАНСФОРМАЦИЮ: страха – в радость, разочарования – в удовлетворение, смерти – в жизнь. И вы все это способны делать, просто не все знаете как и не всегда хотите. Как утверждает холдинамика, каждый человек может трансформировать свою жизнь по собственному велению и по своему хотению!

– Как герои вашей книги «Перекресток»?

— Где-то так. Человек всегда волен выбрать себе какое-нибудь другое будущее, или настоящее, или даже прошлое... Потому что в итоге все три времени все равно сходятся в одну точку: ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС. Главное — ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ ЖИТЬ ПО СВОЕМУ ВЫБОРУ!

Последняя фраза, похоже, особенно понравилась журналистам. Многие даже зааплодировали.

— Спасибо за внимание! — произнес Гурин, точно почувствовав, что именно сейчас нужно ставить точку.

— А это правда, что ваша книга послужила толчком к созданию уникальной авторской методики по трансформации в сновидениях? — спросила юная журналистка, когда он уже подписывал подарочные экземпляры книг.

— Я потрясен вашей осведомленностью! Однако это спорный вопрос, что было первым... Могу сказать наверняка: через сон мы можем решать очень серьезные задачи и успешно проходить очень важные для нас Перекрестки, но для этого нужно научиться засыпать СЧАСТЛИВЫМ.

«На сегодня — все, — попрощавшись с журналистами, сказал он себе. — Наконец-то можно лететь к семье!»

* * *

— Ну как вы, любимые мои? Все отлично? Тогда почему через пару дней? А... Ну раз так говорит наше медицинское светило — не будем спорить. Я уже к вам спешу! Все. Люблю вас. Ждите!

Когда Гурин говорил по мобильному телефону, он моментально преобразился: разгладились усталые морщинки, потеплели глаза, а дневная напряженность сменилась расслабленным умиротворением на просветленном лице.

Продолжая улыбаться, он нетерпеливо разогревал замерзшую за день машину — канун Нового года декабрь отметил крепким морозом и обилием снега.

«Чудесный день, чудесный был год и чудесный будет праздник! — отметил Гурин, очищая лобовое стекло от замысловатых морозных узоров. — Это лучший подарок под елку, который только можно придумать! Какая она все-таки умница! Подарить сына!»

Большое и дружное семейство Гуриных с восторгом встретило рождение наследника. Наконец-то в дамском царстве, состоящем из трех очаровательных созданий, у Гурина появилась поддержка в мужском лице! Ему не терпелось забрать жену с малышом из роддома, но заведующий акушерским отделением и он же друг семьи доктор Зуев предпочел не торопиться и оставил их на несколько дней под своим наблюдением.

* * *

...— Спасибо, мой дорогой волшебник! Ты, как всегда, угадал мое желание! — восторженно воскликнула жена, с наслаждением прикасаясь щекой к огромному букету белоснежных роз. — Я сегодня проснулась с мыслью, что хочу зимние розы... целую охапку — белых-белых, как этот снег... И еще — целую кучу всяких вредных сладостей!

Гурин хитро подмигнул и высыпал на кровать из полиэтиленового кулька конфеты в ярких фантиках.

— Любой каприз, мадам! — он галантно поцеловал руку жены.

— Я тебя обожаю! — она звонко рассмеялась и по-детски доверчиво прильнула к его груди. — Ну все, это волшебство называется — прощай, фигура!

— Нет таких сладостей, которые могут тебя испортить! — провозгласил Гурин, обнимая жену.

В самом деле, казалось, что после родов третьего ребенка она стала еще красивей и всем своим видом олицетворяла радость счастливого материнства.

– Это – сладкая лесть! – кокетливо улыбнулась она.

– Это – Любовь! – сказал он, целуя ее мягкие теплые губы.

– Как мои любимые девчонки? Я так по ним соскучилась! Мне так хочется домой!

– Они тоже очень скучают и очень вас ждут. Кстати, Любаша сдала сегодня свой экзамен на «отлично» и собирается нагрянуть к тебе с сюрпризом сразу после университета. А Верочка уже нарисовала много картинок для детской своего братика. Но это – тоже сюрприз!..

– Кто заказывал наследника? – звучный голос Зуева, как всегда, опередил его появление.

– Спасибо, Ваныч! – Гурин бережно подхватил из рук вошедшего врача попискивающий сверток.

Доктор Зуев был не просто блестящим акушером-гинекологом, а настоящим семейным доктором, как он шутил, с «большим стажем работы». Ваныч принимал роды двух дочерей Гуриных и очень гордился своей почетной миссией.

– Ну, профессор, рассказывай, как ты дошел до такой жизни? – бодро пробасил Ваныч.

– До какой именно? – улыбнулся Гурин, передавая сына жене. Он знал Зуева уже много лет, но тем не менее не переставал удивляться его оптимизму и жизнелюбию. При всей своей щуплой комплекции Ваныч был очень подвижным и настолько энергичным, что заполнял собой все пространство, где бы ни появлялся.

– Знаем, знаем о ваших успехах! – радостно воскликнул он. – Я искренне за тебя рад! Кстати, ты уже принес мне свой нашумевший бестселлер?

– А как же! – Гурин достал из портфеля заранее подписанный экземпляр. – Книга о счастье, Ваныч. Прочитаешь – сам все поймешь!

– Это хорошо, что о счастье! Полезная, значит, книжка, – Зуев водрузил на нос очки в массивной роговой оправе. – ПЕ-РЕ-КРЕС-ТОК! – громко отчеканил он заголовок и заглянул на первую страницу: – «...У каждого из нас есть свое количество жизненных перекрестков, и только от нашего выбора: куда на них повернуть – зависит не только наша дальнейшая жизнь, но и судьбы наших детей. Будьте предельно внимательны на каждой точке пересечения и не торопитесь повернуть, но и не особо мешайте с решением – иногда промедление бывает подобно смерти...» Ого! – воскликнул. – Начало интригующее... Так это ты в общем о выборе написал или здесь чьи-то конкретные перекрестки имеются в виду? – Ваныч, как всегда, был напористо-нетерпелив.

– И в общем, и в частности, – улыбнулся Гурин. – Я, например, позволил себе представить, что было бы, если бы я не прошел тесты на основных перекрестках своей жизни.

– «...В последние секунды своей жизни он перестал сопротивляться тьме, ведущей к свету...» – Ваныч уже нырнул на последнюю страницу книги. – Понятно, значит, у тебя получилась оптимистическая книжка с трагическим финалом!

– Ваныч, не будь таким нетерпеливым! Тут нет никакой трагедии, а вот финал у каждого – свой, напрямую зависящий от ВЫБОРА в собственной жизни.

– Надо будет и мне на досуге проанализировать все свои перекрестки... – с задумчивой улыбкой сказал Зуев. – Но мне очень хочется верить, что на самых главных я все-таки не ошибся! Помнишь, профессор, я когда-то тебе рассказывал, как долго и мучительно определялся с выбором профессии, когда мой отец прочил мне карьеру в онкологии? Даже поправился тогда на десять килограммов!.. И все-таки смог преодолеть отцовский прессинг. Теперь вот жизни новые встречаю!

– Смотри, ОН здесь уже был! – тихо прошептал Гурин жене.

– Ты об ЭТОМ? – без удивления спросила она, аккуратно положив мужу на ладонь маленько белое перышко.

– А ты все с ангелами водишься! – благодушно усмехнулся Ваныч, подойдя поближе к Гурину и рассматривая находку. – Значит, согласно твоей теории, у Гурина-младшего уже появился свой Ангел-Хранитель?

– Ваныч! Ты – неисправимый скептик и нигилист! – засмеялся Гурин. – Да будет тебе известно, Хранитель появляется с первым вздохом ребенка и тут же посвящает его в великую Тайну!

– В какую? – тактично спросил Зуев, уважительно относясь к некоторым «странныстям» друга.

– В Тайну Мироздания и в главную задачу прихода на нашу землю. Видишь эту маленькую ямочку над верхней губой? – спросил Гурин, слегка коснувшись крошечной губки своего малыша. Это – Знак Тайны. Мы все приходим в этот мир с огромным багажом опыта, мудрости и знаний, полученных от нашего Создателя. Мы изначально знаем, кто мы, на что способны и какова наша Миссия на земле. Но по гениальному замыслу Создателя было бы слишком легко и просто впустить человека в жизнь с этими знаниями. Почему? Иначе не была бы достигнута цель! А наша основная задача, несмотря на море соблазнов и испытаний в течение всей жизни, сохранить заряд своей души в нужном состоянии, открыть эти знания, раскрыть свой Высший Потенциал и научиться как можно чаще быть СЧАСТЛИВЫМ. Так вот: «Тс-с-с-с! – неслышно шепчет Ангел ребенку, прикладывая свой указательный палец к его верхней губе. – Ты все Знаешь и Умеешь, но твоя задача – это вспомнить, преодолевая трудности повседневности. Вспомнить ФОРМУЛУ СЧАСТЬЯ и вплести ее в свою жизнь яркой сверкающей нитью, сотканной из света Вселенной».

– Счастливый ты человек, Клим! – с теплотой в голосе произнес Зуев. – И Формулу Счастья ты знаешь, и все свои перекрестки успешно прошел, и по жизни тебя сопровождают такие прекрасные Надежда, Вера и Любовь! Это же надо, чтобы случилось такое уникальное совпадение!

– Это не совпадение, Иван Иванович, – ответила за мужа Надежда. – Первую дочку мы назвали Любовью, потому что она нам помогла преодолеть трудный перекресток сомнений; Верочку мы назвали так, потому что сами поверили…

– И Надежда не могла у меня не появиться! – добавил Клим, крепко обнимая жену. – Вот и получилось, что моя семья – это материализованная Формула Счастья! А иначе зачем человеку приходить на эту землю? Изначально всем нам дается только один выбор: или жизнь, или смерть. Я выбрал ЖИЗНЬ!

Глава 1 Инсайт

Быть живым означает завоевать право говорить все, что вы хотите, быть тем, кем вы хотите быть, и делать то, что вы хотите делать.

Дипак Чопра. Путь волшебника

– ...Жизнь... Я выбрал... Жизнь... – чуть слышно вырвалось из запекшихся губ молодого человека.

Задремавшая возле больничной кровати женщина, измощденная бессонными днями и ночами дежурств, вздрогнула и прислушалась к его дыханию.

Его веки слегка дрогнули, а губы опять попытались разорвать сонное оцепенение:

– Пить...

– Сынок! Сыночек мой! – женщина разрыдалась и упала ему на грудь. – Вы слышали?! Он жив!

...– Ваш сын родился в рубашке с двойной подкладкой, – довольно сказал лечащий врач, закончив осмотр парня. – Если честно, то его шанс на жизнь был самым что ни на есть минимальным... После такой травмы, да еще столько времени в коме... Молодец, герой!

– Теперь все будет... хорошо? – мать подняла на доктора покрасневшие от слез глаза.

– Хорошо не будет – все будет просто отлично! – бодро заверил он. – Организм молодой, крепкий. Дай Бог каждому такую жажду жизни! Месяц у нас еще полежит,

подлечится, а потом – вперед и с песней! Швы, конечно, останутся, но координация движений полностью восстановится. Самое главное, чтобы этот урок не прошел даром, судьба второй такой шанс не дает. И никаких гонок! Ты слышишь, Шумахер? – строго спросил доктор, наклоняясь к своему пациенту.

– Спасибо, я все понял!

Молодой человек попытался улыбнуться и с трудом протянул врачу руку.

– Мама, а куда делась та книга? – спросил он после того, как доктор вышел из палаты.

– Какая, родной? – сияющая от счастья мать не могла сдержать слез радости.

– Мам, ну не плачь... – он неуклюже погладил ее дрожащие руки. – Я никуда не денусь... Ты мне главы из книги одной интересной все время читала. Она лежала тут, возле меня...

– Сынок, я читала только одну книгу, – ответила мать и протянула ему старенькое издание Евангелия, аккуратно завернутое в плотную синюю обложку.

– Нет, это была другая книга... – он сосредоточился, напряженно пытаясь что-то вспомнить. – Точно! ПЕРЕКРЕСТОК! Она называлась «Перекресток»! Теперь я сам хочу дочитать ее до конца!

– О чем она была? – осторожно спросила мать.

– О чем? – он опять задумался. – О жизни, о выборе, о счастье...

– Спи, дорогой, набирайся сил, – мать нежно гладила его по забинтованной голове, еле сдерживая опять подступившие слезы, – тебе это все приснилось, не было никакого перекрестка... Главное, что ты жив!

– Приснилось? Может быть... – ответил он, проваливаясь в сон.

«Неужели это последствия травмы? – взволнованно думала мать, поправляя его одеяло. – А доктор обещал, что все будет хорошо...»

С одеяла на пол медленно опускалось пушистое белоснежное перышко...

* * *

...Он неторопливо шел по улице, чуть щурясь от ярких солнечных лучей. Глоток за глотком жадно впитывал в себя пьянящий запах бело-розового мая; приятно кружилась голова и перехватывало дыхание. От переполняющей его радости, от восторга, что он жив!

«Как правы были великие мудрецы древности, призывавшие к тому, что нужно уметь быть счастливым Здесь и Сейчас! – подумал он, с удовольствием любуясь расцветшим городом. – Не теребить прошлое и не мучить иллюзорное будущее вопросами: а что там, за поворотом?.. Кстати, а за поворотом – мой любимый с детства парк! – И он свернулся на первую аллею, окутанную нежной дымкой салатовой зелени. – Да здравствует Жизнь! Все только НАЧИНАЕТСЯ!» Ему удалось впервые после больницы ловко подпрыгнуть и отбить ногой красно-синий мячик, с которым играла шумная детвора...

Праздничное настроение не смог даже омрачить утренний неприятный разговор с отчимом и болезненное, как он сам это назвал, «отрезание». Чего? Светлого и перспективного будущего, а если говорить точнее – будущего, придуманного заботливым предком...

– Ну, какие у тебя на сегодня планы? – Отчим обожал утренние отчеты, которые очень напоминали армейскую перекличку или внеплановую проверку.

– Грандиозные! Еду в училище.

– Уже?! Молоток! Хвосты подтягивать?

– Документы забирать, – спокойно ответил он и внутренне приготовился к атаке, которая не замедлила ждать.

– Еще раз, а то я не расслышал, – за секунду до бури отчим всегда говорил ровным и вкрадчивым голосом.

– Я перевожусь в другой вуз, – он и сам удивился своей уверенности. – Вы же знаете,

что это – не мое и никогда не станет моим!

– Я понял, куда ты намылился! – наконец грянула буря и разразилась громким криком: – Иди, пополняй ряды безработных и тунеядцев! Плевать тебе на то, что я столько усилий приложил для того, чтобы ты...

– Хватит! – он резко обрезал этот гневный монолог. – Да, это были ваши усилия, а не мои, но я вас об этом никогда не просил. А теперь – мой ВЫБОР!

– Ах, у тебя есть выбор? Ишь, слова какие он выучил! – уже без особого энтузиазма прорычал отчим и добавил с угрозой: – После поговорим!

* * *

Он легко рассмеялся и скинул ветровку, раскрыв объятия теплым солнечным лучам. После утреннего «отрезания» стало невероятно легко и свободно.

«Наверное, так всегда бывает, когда принимаешь правильные решения», – подумал он. Сегодня он действительно одержал первую крупную победу над собой и за себя – над своими страхами, зависимостью и за свои сокровенные мечты. Попробовал – получилось очень вкусно и полезно. Значит, так держать! Недаром говорят, что люди, пережившие инсайт – критическую, переломную точку в своей судьбе, – начинают жить иначе и чувствовать себя тоже иначе. То, что он почувствовал после выздоровления, стало для него самого внезапным и приятным открытием.

– Простите... Вы потеряли свой документ... – нежный голосок за его спиной оборвал философские размышления.

Он обернулся и увидел симпатичную девушку, которая немного смущенно протянула ему раскрытое курсантское удостоверение.

– Оно выпало из кармана вашей ветровки, а вы не заметили и пошли дальше, – добавила она, поправляя прядь непослушных золотистых волос.

«Девушка – весна!» – подумал он, с восхищением глядя на незнакомку. У нее была потрясающая, по-детски искренняя, открытая улыбка и совершенно удивительные глаза: большие и светлые – цвета ясного весеннего неба или спокойного моря в бархатный сезон.

– Даже не знаю, как мне вас благодарить! – сказал он, с удовольствием наблюдая, как она все пытается справиться со своей золотистой копной, в которой запутался весенний ветер. – Итак, вы уже наверняка знаете обо мне самое главное – Клим Гурин, курсант... точнее, уже студент, – рассмеялся он. – А можно узнать ваше имя?

– Надежда, – ее щеки покрылись нежным румянцем.

– Надежда... Какое красивое у вас имя! – он уже утопал в голубой лазури ее глаз. – Надежда, подарите мне надежду увидеть вас опять!

* * *

«Как мало нужно для счастья! – подумал Клим, провожая взглядом ее хрупкую фигурку и сжимая в руке клочок бумаги с телефоном ЕГО НАДЕЖДЫ. – Отправить далеко, «за три моря», чужую блажь, чуть не ставшую моим будущим, осознать собственные желания и встретить чудесную незнакомку, очень похожую на девушку моей мечты!»

Он улыбнулся и с наслаждением сделал глубокий глоток эликсира весны, в котором радужными и легкими пузырьками играло, бурлило иискрилось СЧАСТЬЕ.

Послесловие

Очень прошу прочесть эти строки после всего текста книги. Тогда вам будут более понятны смыслы, слова и ощущения, которые я искал годами, чтобы научиться чаще быть СЧАСТЛИВЫМ.

Слава Богу, в Мире есть люди, которые очень многое поняли и смогли поделиться с

нами своим опытом. Для меня таким открытием стали последние строки из стихотворения, которое Мать Тереза повесила на сиротском приюте в Калькутте.

Вот это стихотворение:

Люди бывают неразумны и эгоистичны – все равно прощайте их.

Если вы проявляли доброту, а люди обвинили вас в тайной личной корысти – все равно проявляйте доброту.

Если вы добились успеха, то у вас может появиться много мнимых друзей и настоящих врагов – все равно добивайтесь успеха.

Если вы честны и откровенны, люди будут вас обманывать – все равно будьте честны и откровенны.

То, что вы строили годами, может быть разрушено в однажды – все равно стройте.

Если вы воспарили на крыльях счастья, назавтра люди забудут – все равно творите добро.

Делитесь с людьми лучшим, что у вас есть, хотя этого никогда не будет достаточно, – все равно делитесь самым лучшим, что у вас есть.

В конце концов вы убедитесь, что это происходит между вами и Богом и никогда не было между вами и людьми.

Мать Тереза

Добавить нечего... Будьте счастливы!

Владимир Чеповой

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке [Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)